НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. МАРГУЛАНА

С. М. АХИНЖАНОВ

КЫПЧАКИ

В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

АЛМАТЫ
«ГЫЛЫМ»
1995

Ответственный редактор
доктор исторических наук К. М. БАЙПАКОВ

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Издание исправленное.— Алматы: Гылым, 1995. — 296 с.

Книга посвящена изучению некоторых проблем политических взаимоотношений кыпчаков с Хорезмом в конце XI — начале XIII в., особенностей кыпчакско-хорезмийских отношений как части кардинальной проблемы взаимоотношений между кочевой степью и земледельческими государствами на Востоке. Прослеживаются основные этапы этнической истории кыпчаков, в частности происхождение и внутриэтнический состав. Рассматриваются отношения кыпчаков с соседними народами Центральной Азии и Юго-Восточной Европы.

Книга рассчитана на специалистов — историков, археологов и этнографов, интересующихся средневековой историей Казахстана, Центральной и Средней Азии.

А $\frac{0503020905—085}{407(05)—95}$ 25. 95

ISBN 5—628—01576—8

© Ахинжанов С. М., 1995 г.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Национальной академии наук Республики Казахстан

Редактор *Дробжева Л. И.*
Художественный редактор *В. А. Ващенко*
Технический редактор *Л. И. Конькова*

ИБ № 4109

Сдано в набор 19.12.94. Подписано в печать 16.05.95.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 15.54. Усл. п. кр.-отт. 15,86. Уч.-изд. л. 16,98.
Тираж 3000 экз. Заказ 154.

Издательство «Гылым»
480100, Алматы, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Гылым»
480021, Алматы, ул. Шевченко, 28

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роль высоких плоскогорий и степей Центральной Азии далеко еще не изучена по отношению влияния их на жизнь человечества. Между тем несомненно, что в этих местах должна была развиться своеобразная культура.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ, 1891 г.

Великая степь Евразийского материка, протянувшаяся от китайской р. Хуанхэ до Придунайской пушты в центре Европы, в течение всей истории человечества служила не только огромным мостом, соединявшим Запад и Восток, но являлась громадной колыбелью разных народов-степняков.

Людей древних цивилизаций Ближнего и Дальнего Востока всегда особенно волновали известия, приходившие к ним из северных степей. В сохранившихся до нас первых записанных ранних преданиях, повествуется о живущих в степях своеобразных кентаврах, о грозных вечных всадниках, как бы сросшихся со своими быстроногими конями. В Библии они названы гогами и магогами, в Коране — йаджуджами и маджуджами, в мифах Китая — жунами, ди, сюньюй или динлинами.

Все они, якобы, угрожали южанам-земледельцам последним, страшным нашествием все сметающих на свом пути полчищ. Пророки древних времен предвещали, что нападение степняков положит конец существованию на земле всего цивилизованного человечества: «Вот идет народ от севера и народ великий, и многие цари поднимаются от краев земли; держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны; голос их шумен, как море; несутся на конях, выстроились, как один человек, чтобы сразиться...» (Книга пророка Иеремии, 50:41—42).

Древние семиты разнесли по миру миф о царе-спасителе Александре Македонском, отгородившем от мира несокрушимой стеной северные пределы ойкумены, где обитали звероподобные йаджуджи и маджуджи (Коран, сура 18:92—97 и сура 21:96).

Страх перед степняками был так велик, что практичные и трудолюбивые китайцы в III в. до н. э. соорудили Великую стену (Да чэн), охранявшую с запада их Срединное государство. История показала, что ни мнимые, ни подлинные стены не останавливали кочевников. Но история также показала, что обитатели степей никогда не стремились уничтожить все остальное человечество, частью которого они являлись.

В раннем средневековье особую известность приобрела центральная часть Великой степи, известная у историков с XI в. под персидским названием Дешт-и Кыпчак (Кыпчакская степь), которую с VI в., со времени создания Тюркского каганата, на просторах от Китайской стены до Черного моря, населяли тюркоязычные племена. В разные периоды там возникали степные государства, возглавлявшиеся тюркоязычными народами.

Кыпчаки сыграли важную роль в истории народов Евразийского материка в XI—XV вв. Они принимали активнейшее участие во всех крупных событиях мирового значения, происходивших на широких просторах от Балканского полуострова до Китая, от Египта и Индии до Руси и Сибири. В Византии и Венгрии их называли команами, в Русских землях — половцами, в тюркоязычной среде — кыпчаками. В эпоху средневековья этот народ не только был известен всему цивилизованному человечеству, но и, благодаря своей особой исторической активности, оставил след в этногенезе и культуре всех народов, взаимодействовавших между собой в центре Евразии.

Кыпчаки сыграли основную роль в отюречивании вторгшихся в Среднюю Азию, Восточную и Центральную Европу монгольских полчищ. Они положили начало возникновению многих современных тюркоязычных народов — татар, башкир, узбеков, киргизов, каракалпаков, южных алтайцев и др.

Но история кыпчаков еще не написана. Ее источники так же пестры и многоязычны, как и сами нетюркские народы Запада и Востока, среди которых кыпчаки жили и действовали, преобразуя и видоизменяя их и самих себя. Создание истории кыпчаков — дело, скорее всего, непосильное для одного историка, каким бы образованным ученым он ни был.

История кыпчаков, следовательно, — одна из сложнейших и труднейших тем. Многие подходы к ней даже не разработаны еще должным образом.

Но решения этой темы или хотя бы некоторого ее прояснения, в настоящее время с нетерпением ожидают многие народы, так как именно в истории кыпчаков заложены ключевые проблемы происхождения, загадки формирования не только самих этносов, но различий их языков и своеобразия культур. Для прояснения истории кыпчаков современного Казахстана и, следовательно, для воссоздания ранней истории казахского народа, большое значение имеет фундаментальный труд известного советского историка и археолога С. М. Ахинжанова «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана», вышедший малым тиражом в 1989 г. и ставший библиографическим раритетом.

Разносторонне одаренный исследователь Сержан Мусатаевич Ахинжанов (1939—1991 гг.) трагически погиб во время полевых работ казахстанско-американской экспедиции [1].

Сержан Мусатаевич в 1964 г. окончил с отличием исторический факультет МГУ. Обладая широким и разносторонним интересом к истории родного края, Ахинжанов начинал свою научную деятельность с того, что попытался заглянуть в ту раннюю эпоху, в которую на территории степей Северного и Центрального Казахстана только зарождалось производящее хозяйство. Тогда возникало скотоводство, ставшее затем почти на пять тысячелетий основой экономической деятельности для обитателей степей. Именно скотоводство (в немалой части — коневодство) как важнейший вид хозяйственной деятельности, создало материальную и производственную базу, питавшую все бурные процессы последующей истории населения Дешт-и Кыпчака.

Неолиту и энеолиту Казахстана посвятил Сержан Мусатаевич свою выпускную дипломную работу в Московском университете и защитил ее блестяще. Он создал первый тщательно систематизированный свод материалов, происходивших из известных в то время

---

[1] См.: *Смагулов Е. А.* Памяти Сержана Мусатаевича Ахинжанова // Российская археология, 1992, № 3.

нео- и энеолитических стоянок и случайно обнаруженных погребений.

Вернувшись на родину зрелым, сложившимся исследователем, С. М. Ахинжанов, к сожалению, не получил поддержки для разработки темы: «О становлении и развитии исторического механизма — движителя скотоводческой экономики». Так как в то время для казахского народа более важным оказались темы по этнической истории, то Ахинжанов, поступив осенью 1964 г. в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, стал одним из первых казахских медиевистов.

Второй из важнейших своих трудов «Кыпчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом в XI—начале XIII в.» он успешно защитил в мае 1973 г. в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Поражает количество востребованных автором письменных и археологических источников и литературы на разных языках, радует широкое раскрытие темы, обоснованность и четкость выводов.

Понадобилось еще 16 лет непрерывных и целеустремленных поисков новых фактов как в полевых экспедиционных исследованиях, так и в кабинетных штудиях. Только тогда появился третий, основной, труд Сержана Мусатаевича — рекомендуемая читателям книга «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана». Достоинством этого сочинения является внимательный анализ почти полного свода возможных источников. Критика их проведена с необходимым профессионализмом. Сложнейшие узлы и загадки этнической истории умело распутаны. Были обстоятельно изучены: общественный строй кыпчаков в конце XI—начале XIII в., их раннефеодальная государственность и формы скотоводческого хозяйства.

Оценивая все сделанное С. М. Ахинжановым, можно сказать, что трудолюбивому, талантливому ученому удалось обозреть и творчески воссоздать основные процессы развития истории населения степей Казах-

стана за огромный период — от каменного века до средневековья.

Трудам С. М. Ахинжанова предстоит долгая жизнь — фонд новых источников по кыпчакам Казахстана обновится нескоро. Пройдена новая важная ступень по пути к «Истории кыпчаков». Но развитие науки остановить нельзя. Встает вопрос: «Кто же продолжит это важное исследовательское направление? Кто станет следующим?».

Л. Р. Кызласов,
доктор исторических наук,
профессор

ВВЕДЕНИЕ

История кыпчаков средневекового Казахстана изучена неравномерно, хотя, благодаря работам совестких исследователей (историков, археологов, лингвистов, этнографов) многие вопросы в настоящее время получили объяснение в научной литературе. Большой вклад внесли в это дело А. Х. Маргулан, А. Н. Кононов, Л. П. Потапов, Н. А. Баскаков, С. Г. Агаджанов, Л. Р. Кызласов, Г. А. Федоров-Давыдов, С. А. Плетнева, Р. Г. Кузеев, Ю. А. Зуев, С. Г. Кляшторный, Ф. А. Арсланова, Д. Г. Савинов, Б. Е. Кумеков, К. Ш. Шаниязов и др.

Наиболее исследованными можно считать вопросы, связанные с пребыванием кыпчаков в южнорусских степях в предмонгольское время, где они были известны окружающим их народам под именем половцев, их взаимоотношениям на протяжении более чем двухсотлетней истории с Древней Русью. Достаточно хорошо изучены проблемы пребывания кыпчаков в составе государства кимаков, сложившегося к концу I тыс. н. э. в восточных пределах Казахстана. Большой интерес представляют процессы взаимодействия и взаимовлияния языков славянских и тюркских, в частности кыпчакских племен и народов, находившихся в тесном общении в начале II тыс. н. э., рассмотренных на анализе тюркских лексических элементов «Слово о полку Игореве»— выдающегося памятника дервнерусской литературы.

И все же следует отметить, что многие вопросы исторического прошлого кыпчакских племен, населявших основную территорию Казахстана, остаются еще не до конца раскрытыми. До сих пор неясно их происхождение, взаимоотношения с племенами кимаков, а

также с другими этносами, с которыми им приходилось сталкиваться, и государственными образованиями. Они, конечно, не могли не оставить заметного следа в общественной жизни и деятельности кыпчакских племен и окружавших их народов и государственных образований, таких, как Хорезм.

Вопрос о сущности кыпчакско-хорезмийских связей во всех его проявлениях почти не изучен и до сих пор не являлся предметом специального исследования.

Велика роль кыпчаков в сложении казахской народности, являющихся одним из крупнейших компонентов в этногенезе казахов и сыгравших важную роль в этногенезе других тюркоязычных народов. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что даже для периода их ранней этнической истории имеются известия об их пребывании в более или менее разнящихся этнических коллективах (например, на Алтае, в Монголии, Хорезме и др. местах), а также то, что кыпчаки в качестве существенных этнических компонентов входили в состав современных узбеков, каракалпаков, киргизов, башкир, туркмен, алтайцев и др.

Из средневекового периода истории кыпчаков известно, что из их среды вышли представители правящих династий в таких крупных государствах того периода, как мамлюкский Египет и, возможно, Хорезм. Их представители в VIII в. были на троне Делийского султаната, из кыпчаков формировались крупные контингенты войск в Грузии, Венгрии, Хорезме. Кыпчакская проблема, таким образом, интересна для изучения не только жизни древних народов Казахстана и Средней Азии, но и Восточной Европы.

Следует обратить внимание на то, что все письменные источники, ставшие достоянием науки, использовались при изучении этого народа весьма неравномерно как в историко-политическом, так и в территориальном аспектах. В первую очередь обращалось внимание на те известия, которые могли пролить свет на историю западных кыпчаков, иначе именуемых в европейских хрониках команами, а в русских летописях — половцами. Такие исследования служили своего рода дополнениями племен и народов Южной Сибири, причем кыпчако-половецкий материал часто был лишь иллюстрацией к тому или иному историческому эпизоду из жизни указанных государств и народов.

Многие исследователи еще со времени В. Н. Татищева и М. Н. Карамзина и до настоящих дней рассматривают историю половцев в основном в аспекте их взаимоотношений с Древней Русью. В 1884 г. появился наиболее обстоятельный труд П. В. Голубовского «Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар», не потерявший значения и в настоящее время. Он явился как бы венцом научного исследования половцев в России до конца XIX в. и отразил все недостатки и достоинства русской историографической мысли в этой области. Несомненным достоинством его работы являлось то, что автор обратил внимание не только на военные столкновения половцев с русскими, исследовал конфликтные ситуации или видел в кочевниках не только необузданных степняков с «раскосыми и жадными глазами», обитателей «Дикого поля», мечтающих лишь о грабежах, насилиях и разорении мирного оседлого населения. Опираясь на вызывающие доверие свидетельства русских летописей, П. В. Голубовский дает нам картину миролюбивых взаимоотношений половцев и русских, заключавшихся в торговых и культурных связях, в установлении военных союзов против общих врагов, в развитии дипломатических контактов, нередко протекавших в форме заключения брачных союзов между представителями верхушки общества.

Другой, ставший почти классическим труд немецкого ученого И. Маркварта, написанный в 1914 г. называется «О народности команов», не кыпчаков, а команов, т. е. той части кыпчакского объединения, которая была известна только на западе, между тем как его работа являлась едва ли не единственной монографией, посвященной исследованию кыпчаков, проживавших еще в своих восточных кочевьях. Данная работа содержит большой фактический материал, который, однако, не был в достаточной мере использован ни самим автором, ни его последователями. Отдавая должное научным заслугам указанного автора, отметим, что труд И. Маркварта в настоящее время нуждается в дополнении на основании вновь открытых источников, а весьма полезные его научные поиски и подходы к решению важных и нужных проблем истории кыпчаков требуют дальнейшей разработки и более углубленных исследований.

В последние двадцать лет интерес к проблеме

кыпчаков в восточной части Евразийских степей резко повысился, о чем свидетельствуют работы археологов, историков, этнографов Казахстана, Южной Сибири, Ленинграда и Средней Азии.

Б. Е. Кумеков на основе тщательного источниковедческого анализа историко-географических сведений, содержащихся в средневековых арабо- и персоязычных сочинениях IX—XI вв., исследует историю кимаков [1]. Автор реконструирует основные этапы сложения и развития кимакского союза племен с середины IX в. до середины XI вв., по-новому представляет социально-экономический строй кимакского общества, этногеографию кимакского объединения. Эта интересная работа, фундированная ценным материалом, является как бы основой для продолжения изучения кимако-кыпчакской истории и в последующие века, а именно в XI—XIII вв.

К. Ш. Шаниязов в книге «К этнической истории узбекского народа», в основном построенной на историко-этнографическом материале, исследует историю кыпчаков как одного из основных компонентов в сложении узбекского народа. Автор изучает историю той части кыпчаков, которая вследствие бурных событий послемонгольского времени ушла из Дешт-и-Кыпчака в Среднюю Азию, где постепенно переходила к оседлости, теряя свои родовые и племенные названия и сливаясь с местными земледельческим группами населения. В то же время вся первая глава книги К. Ш. Шаниязова посвящена описанию общей картины истории кыпчаков — с первых известий об их появлении на исторической арене до монгольского нашествия. Глава интересна и тем, что в ней даны довольно полная историография кыпчакского вопроса и все факты традиционной исторической жизни кыпчаков в том виде, в котором она сейчас зафиксирована в русско-советской исторической науке. Эти и другие исследования по проблемам кыпчаковедения позволяют избежать повторов и ограничиться только указаниями на использованную литературу.

---

[1] Это племя на определенном историческом отрезке времени имело теснейшие связи с кыпчакскими племенами, они были настолько близки, что почти все современные исследователи, включая и самого Б. Е. Кумекова, считают, что кимаки и кыпчаки — один и тот же этнический коллектив.

В последние годы появились исследования А. Ш. Кадырбаева, посвященные роли тюркоязычных народов, прежде всего кыпчаков, в этнической, культурной и политической жизни средневекового Китая.

Вопросам происхождения кыпчаков, степени и форм их участия в этногенезе многих тюркоязычных народов Южной и Западной Сибири посвящены работы Д. Г. Савинова, многие годы занимающегося изучением истории древних народов Южной Сибири в древнетюркскую эпоху по данным письменных источников и археологических изысканий. Д. Г. Савинов считает, что южные районы Западной Сибири были одной из основных областей кыпчакского этногенеза на всех этапах его развития.

Остальные немногочисленные исследования по истории кыпчаков, живших на территории Казахстана, предпринимались, как правило, в фрагментарном, справочном виде. В данном случае активом для любого исследователя кыпчакской проблемы могут быть имеющиеся переводы из различного круга источников, в основном восточных, и комментарии к ним, а также небольшие по объему исследования, выполненные учеными разных поколений, среди которых можно назвать имена В. В. Бартольда, В. Ф. Минорского, П. Пелльо, Д. А. Расовского, К. Цегледи, К. Менгеса и некоторых др.

О взаимоотношениях кыпчаков и Хорезма специальных работ нет вообще. Лишь в капитальном труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» затрагиваются некоторые стороны политических взаимоотношений хорезмшахов и кыпчаков. Они не могут, разумеется, воссоздать общую картину развития кыпчакского общества Казахстана на протяжении даже сравнительно большого хронологического периода, сколь бы ни была велика их ценность в решении того или иного конкретного вопроса. Поэтому в исторической литературе по этому периоду еще много нерешенных вопросов. Среди них одной из важных является проблема взаимоотношений кыпчаков с крупнейшим государством Средней Азии, каким стал Хорезм в нач. II тыс. н. э.

Взаимоотношения Хорезма и племен Дешт- и Кыпчака являются частью кардинальной проблемы, играющей большую роль в изучении этнических процессов

региона, где издревле устанавливались постоянные связи населения земледельческих оазисов со скотоводческим тюркоязычным кочевым населением Дешт- и Кыпчака предмонгольского времени. Слабость источниковедческой базы и малоизученность исследуемой проблемы [2], не позволяют рассмотреть все затронутые в данной книге проблемы, многие из них только поставлены. Однако мы надеемся, что исследование в целом даст представление об основных этапах этнической и политической истории кыпчаков Казахстана в эпоху средневековья.

---

[2] Нами опубликован историографический обзор по данной проблеме (см.: *Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в X—XIII вв.: Историографический обзор // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. Алма-Ата, 1988. С. 62—81).

Глава 1

ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КЫПЧАКОВ

В начале II тыс. н. э. в средневековой письменной традиции мусульманской историографии Востока и летописцев Древней Руси появилось адекватное обозначение огромного пояса Евразийских степей от отрогов Алтайских гор на востоке до лесистых склонов Карпат на западе, получившее свое наименование по названию основного народа, передвигающегося по его просторам, — «Дешт-и Кыпчак» и «Половецкое поле».

Дешт-и Кыпчак в переводе с персидского — степь кыпчаков. Именно так в XI в. персоязычный автор Насир-и Хусрау в своем «Диване» именовал степи, примыкавшие к северо-восточным границам Хорезма [1]. В дальнейшем так стали именоваться степные пространства к северу от оз. Балхаш и р. Сырдарьи, от Иртыша до Волги.

Половецким полем называлась территория безлесных равнин к северу от Предкавказья (от Волги до Днепра) и далее к западу в XI — середине XIII в. в русских источниках начала II тыс. н. э. [2]

Кыпчаки у мусульманских авторов, команы в западноевропейских хрониках, половцы у русских летописцев — все эти разноименные этнические обозначения имели отношение к одному и тому же народу. Складывается впечатление, что этот разноименный этнос (можно привести еще несколько его наименова-

---

[1] *Browone E. G.* A Literary History of Persia. Cambrjdge. 1902. I. I. P. 277; *Бартольд В. В.* Кыпчаки // Соч. в 10 т. М., 1968. Т. 5. С. 550.

[2] Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). М., 1962. Т. 2. С. 455.

ний — кинча, сары, хардиаш, палоч, плавцы, куны и т. д.) возникает на исторической арене только в начале II тыс. н. э., когда о них стала появляться информация в трудах средневековых летописцев, путешественников, историков, географов и лингвистов, т. е. грамотных представителей тех народов, которые владели письменностью и вступали в непосредственные контакты с ними. Такой незатухающий на протяжении большого отрезка времени интерес к кочевому народу является свидетельством исторической значимости кыпчаков-половцев-команов начала II тыс. н. э. Из этого, конечно, не следует делать поспешные выводы о том, что мы ничего не знаем о кыпчаках в предшествующие периоды. Кыпчаки, и это подтверждается источниками, были зафиксированы и раньше. Они нашли отражение в письменной традиции большинства соседних с ними народов. При этом в источниках не ставилась задача дать информацию о кыпчаках. Упоминались они лишь при конфликтных ситуациях (войнах, взаимных набегах и столкновениях), упоминании определенных географических пунктов или районов, описании различных маршрутов. Часто и эти известия были весьма фрагментарны, относились к различным историческим периодам и к разным районам их обитания.

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ИСТОЧНИКИ IX—XIII вв.

В литературе, посвященной истории кыпчаков (половцев, команов), особенно той ее части, в которой рассматриваются их этногенетические корни, сложилось с самых первых штудий традиционное мнение о тождестве кыпчаков народу, известному лишь в арабо-, персоязычных историко-географических сочинениях IX—XI вв. под именем кимаков. На то, что кимаки и кыпчаки составляли одну этническую группу, в которой кыпчаки были ее западной ветвью, до последнего времени указывали подавляющее большинство исследователей истории Средней Азии и Казахстана. Исходя из тождества кыпчак-кимак, они свободно оперируют этими этнонимами, взаимозаменяя одно название другим. Поэтому не приходится удивляться, что при изучении истории кыпчаков по литературным данным можно часто встретить этноним *кимак* как эквивалент термину *кыпчак*.

Несмотря на спорность проблемы соотношения кыпчаков и кимаков, их этнополитических коллизий, места в этнонимике Казахстана, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что их политическая история в конце I тыс. н. э. была настолько тесно переплетена, что это отразили и источники, имеющиеся в нашем распоряжении, большинство из которых, если иметь в виду период конца I тыс. н. э. освещают историю кимаков как племени, появившегося раньше кыпчаков.

По степени значимости и важности данных на первый план выступают известия арабо-, персоязычных путешественников, географов и историков IX—XI вв. и компиляторов последующих столетий, а для освещения событий XII—XIII вв. — исторические труды современников тех эпох — Ибн ал-Асира, Мухаммеда ан-Несеви; ал-Джузджани, Джувейни, Рашид ад-дина. В работах известных русских, советских и зарубежных востоковедов дана характеристика большинства сочинений, написанных арабо-, персоязычными авторами. Последнюю, весьма полную и насыщенную сводку по обзору арабо-, персоязычных источников по кыпчакской проблеме, дал Б. Е. Кумеков [3].

Наличие столь обширной литературы избавляет от необходимости останавливаться подробно на каждом источнике. В предлагаемом разделе рассматриваются лишь те источники, которые помогут уяснить соответствующие разделы книги. Тем не менее следует отметить специфическую черту, характерную для исследуемых документов, особенно историко-географических трудов рубежа I и II тыс. н. э. В большинстве своем арабо-, персоязычная литература является книжной. Как писал В. В. Бартольд, «до нас дошли не столько рассказы путешественников, которые бы описывали то, что видели сами, сколько сочинения, составленные на основании письменных источников» [4]. Следовательно, надо различать известия компилятивные, заимствующие факты из предыдущих работ, причем некритически, от оригинальных произведений, написанных очевидцами.

Другая важная особенность восточных источников

[3] *Кумеков Б. Е.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII—XIV вв. Алма-Ата, 1987. С. 3—39.

[4] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких племен Средней Азии // Соч. в 10 т. М., 1968. Т. 5. С. 49.

состоит в том, что социальные явления, политическая жизнь тюркских племен никогда не являлись для их авторов предметом анализа. Несмотря на эти недостатки, арабо-, персоязычная историко-географическая литература остается для нас едва ли не важнейшим источником информации о кимако-кыпчакских племенах Казахстана.

Особую ценность приобретают свидетельства очевидцев. Среди них Тамим ибн Бахр ал-Мутавваи, арабский путешественник, совершивший самое раннее из известных науке сухопутное путешествие за пределы стран арабской культуры в направлении Востока, проехавший от границ мусульманских владений в Средней Азии в глубь монгольских степей, в столицу хаканна тогузогузов, расположенную еще на Орхоне [5]. Время его странствия падает на начало IX в., во всяком случае, Тамим побывал в главном городе тогузогузов задолго до его разрушения киргизами в 840 г. В. Ф. Минорский, опубликовавший записки Тамима в 1948 г. с переводом на английский язык и обстоятельным комментарием, время его путешествия относит к 821 г. [6] Введение в научный оборот записок Тамима вносит определенную ясность в этнополитическую атрибуцию племен Центральной Азии в конце I тыс. н. э. и дает возможность пересмотреть некоторые стереотипы по вопросу локализациии кочевых племен на исторической карте центральноазиатских степей. У него мы находим уникальные сведения о месте обитания кимаков и их главной ставке во главе с «царем» в другом регионе, резко отличавшихся от их традиционного местопребывания. Согласно информации Тамима, кимаки кочевали северо-восточнее тогузогузов, проживавших, как известно, в те времена в Монгольских степях и о столице которых на Орхоне тот же Тамим ибн Бахр впервые сообщает как о

---

[5] *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's journy to the Uyqhurs // BSOAS. 1948. V. 12. P. 2.

[6] Ibid. P. 303; *В. В. Бартольд,* которому не был известен оригинал, не без колебания относил время его поездки к периоду между 760—800 гг. См.: *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций ... С. 55.

большом городе, жители которого все были безбожники [7].

Эти сообщения очень важны, так как некоторые последующие авторы свою информацию о кимаках строили на данных Тамима. Если его сведениями лишь воспользовался Идриси (XII в.), то более ранние авторы, как Ибн Хордадбех (820—912), Кудама ибн-Джафар (X в.), прямо его цитировали, и в Мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха сохранился приведенный почти полностью текст путешествия Тамима ибн Бахра.

Произведения указанных авторов принадлежат к специфическому направлению арабской географической науки — «науки о путях и государствах» [8]. Это направление развилось в эпоху подъема арабской географической литературы в IX—X вв., обусловленного практическими интересами арабских экспансионистских планов, стремлением халифата распространить свои притязания на племена и народности Средней Азии и Казахстана. Желание обеспечить влияние ислама на кочевые племена привело постепенно к накоплению информации о народах, ставших в конце I тыс. н. э. непосредственным объектом мусульманских интересов.

Не случайно одно из первых упоминаний о кимаках и кыпчаках мы находим в труде человека, непосредственно имевшего отношение к административной службе в арабском государстве. Начальник почты и государственного осведомления одной из провинций арабского халифата Ибн Хордадбех, пользуясь архивными данными подвластного ему ведомства, составил административно-географический справочник, в который вошли сведения о различных торговых и стратегических путях сообщения, населенных пунктах и расстоянии между ними, о районах юга Казахстана и Семиречья. Труд его назывался «Китаб ал масалик вал-мамалик» (Книга путей и государств) [9]. В ней встречаются краткие известия о племенах, проживавших на территории Средней и Центральной Азии, часть из которых, вероятно, несколько старше времени жиз-

---

[7] Op. cit. P. 283.

[8] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. 4. С. 19.

[9] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986; МИТТ. Т. 1. С. 144.

ни самого Ибн Хордадбеха, и относится к VIII в.[10] Именно к этому веку, вероятно, относится тот перечень народов, в котором упоминаются кимаки и кыпчаки как не зависимые друг от друга этнические коллективы. Здесь впервые в арабо-, персоязычной литературе появляется этноним «кыпчак».

Известия Кудамы ибн Джафара (первая половина X в.) близки по характеру к произведению Ибн Хордадбеха. И. Ю. Крачковский отмечал, что его данные «лучше всего рассматривать как важное дополнение к Ибн Хордадбеху, как параллельный источник, часто дающий возможность перекрестной проверки, тем более что обыкновенно он основан на официальных документах той эпохи»[11], ибо Кудама ибн Джафар, подобно своему предшественнику, служил начальником почты и, несомненно, имел свободный доступ ко многим документам. Основные сведения о кимаках, встречающиеся у него, восходят к запискам Тамим ибн Бахра. Ему принадлежит та неточность, которая привела впоследствии к отождествлению города в Восточном Туркестане со столицей тогузогузов на Орхоне. В то время как в оригинале у Тамим ибн Бахра при его описании столицы тогузогузов (уйгуров) на Орхоне было отмечено, что налево от него (т. е. к северу) находились земли кимаков[12], у Кудамы ибн Джафара эти слова были отнесены к другому контексту. Автор же сказал буквально следующее: «Озеро, на котором город тогузогузов [расположен], окружено на некотором расстоянии горами. Налево от этого города, по направлению к северу, находится страна кимаков»[13].

Ошибочная фраза Кудамы ибн Джафара повлекла за собой не менее ошибочное утверждение ряда исследователей, считавших на этом основании, что Тамим ибн Бахр посетил столицу уйгуров уже на их новой родине — в Турфанском оазисе. К такому мнению пришли И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд. И в книге

---

[10] МИТТ. Т. 1. С. 144.

[11] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература... С. 161.

[12] *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's // Journy... P. 284.

[13] *Kodama ibn Djafar.* Kitab al-Kharadj // Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. 1889 (BGA. VI). C. 262.

Б. Е. Кумекова сохраняется эта ошибка [14]. Подобное заблуждение двух первых авторов возможно, так как они не знали оригинала. Даже В. Ф. Минорский до знакомства с Тамимом ибн Бахром предполагал, что Тамим посетил лишь город тогузогузов в Турфане [15]. В дальнейшем В. Ф. Минорский писал: «В моих комментариях в «Худуд ал-Алам» я, «основываясь на цитатах Якута из сообщений Тамима... с некоторым сомнением помещал столицу, которую посетил Тамим, в Бешбалыке (к северу от Турфана). В последний момент я имел возможность рассмотреть фотокопию Мешхедской рукописи Ибн Факиха, исследованную А. З. Валиди, и сразу почувствовал важность дополнительных деталей о супружеских связях тогузогузских правителей с императорским двором Китая. Тогда в своем заключении я сказал, что мои первые объяснения не могут быть окончательными. Это я делаю в настоящей статье» [16]. Далее В. Ф. Минорский утверждает, «что столица царя тогузогузов лежала далеко к востоку... на Орхоне» [17], «он (Тамим ибн-Бахр.— *С. А.*) посетил Кара Балгасун» [18]. Тем самым было подтверждено давнее предположение И. Маркварта о том, что Тамим видел уйгуров в Центральной Монголии до их переселения оттуда [19].

Рукопись, которую упоминает В. Ф. Минорский, обнаружил в 1923 г. в Мешхеде А. З. Валидов [20]. Она является более полной редакцией географического трактата «Китаб ахбар ал-булдан» (Книга рассказов о странах) Ибн ал-Факиха [21]. Известия о кимаках, встречающиеся у него наряду со сведениями о карлуках, огузах и других народах, восходят к Ибн Хордадбеху и в конечном счете — к Тамим ибн Бахру.

---

[14] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. // ЗИАН СИФ. Спб., 1897. Сер. 8. Т. 1. № 4: С. 34—35; *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата. 1972. С. 54.

[15] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 54.

[16] *Minorsky V.* Tamim... P. 268.

[17] Ibid. P. 289.

[18] Ibid. P. 291.

[19] Ibid. P. 294.

[20] *Валидов А. З.* Мешхедская рукопись Ибн ал-Факиха // ИРАН, 1924. Т. 18. Сер. 6.

[21] Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn Fakih al Hamadhani. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batovorum (BGA, V). 1885.

Говоря конкретно о территории расселения кимаков, а равно и кыпчаков, в пределах их распространения в IX, и особенно X в., следует упомянуть таких древних авторов, как Абу Зейда ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукаль. Географический трактат ал-Балхи до нас не дошел, однако в 951 г. был написан труд, являвшийся его дополнением под названием «Китаб масалик ал-мамалик (Книга путей и государств) ал-Истахри [22]. Его сочинение, в свою очередь, подверг обработке, дополнил Абу-л-Касим ибн Хаукаль в конце X в. по просьбе самого ал-Истахри, и работа называлась «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» (Книга путей и государств [23]. Неотъемлемой частью их работ являются карты — Сурат ал-ард [24], так как на X в. приходится расцвет арабских географических знаний об окружающем мире, когда большие успехи были достигнуты именно в области картографии и описательной географии [25].

Личные наблюдения, которые он вынес за время своих странствий по странам мусульманского мира, а также Индии и Китаю [26], послужили основой для написания тридцатитомного историко-географического сочинения «Ахбар аз-заман» (История времени). До наших дней из него дошли только отрывочные сведения, переданные виднейшим арабским географом и историком ал-Масуди, жившим в первой половине X в. Для нас интересны сведения об этнополитической обстановке в регионе низовьев Сырдарьи, Аральского моря и степей Западного Казахстана, в политических событиях которых принимали участие племена кимаков, огузов, карлуков, печенегов и башкир. Они приводятся в «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-Джавахир» (Промывальни золота и рудники самоцветов) и «Ки-

---

[22] Viae regnorum... Descriletio ditionis moslemical auctore Abu-Ishak al-Farisi al-Istakhri // Ed. M. I. de Goeje Lugduni Batavorum (BGA. I). 1870 (B. A., II), 1873.

[23] *Mzik H.* Al-Istahri und seine Landkarten im Buch «Suwar al-akalim». Wien Pracher. 1965.

[24] Via et regna. Descriptio ditionis moslemical austore Abul-Kasim Ibn Haukal // Ed. de M. I. de Goeje (BGA, 11). 1873.

[25] См.: *Крачковский И. Ю.* Арабская геогр. литература. С. 171, 205—210.

[26] См.: Там же.

таб ат-танбих ва-л-ишраф» (Книга наставлений и убеждений) [27].

О пределах распространения кочевий кимакских племен к концу X в. в юго-западном направлении от их основных территорий мы узнаем из сочинения «Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим» (Наилучшее распределение для познания климата) Абу Абдалаха ал-Макдиси [28]. Труд был написан дважды; сначала в 986 г., а затем дополнен через три года, и именно в дополнении сообщаются сведения о первом появлении кимакских племен в бассейне Сырдарьи, где они непосредственно должны были соприкоснуться с мусульманскими владениями в Средней Азии. Интересно, что под этими кимаками В. В. Бартольд имеет в виду кыпчаков [29].

Хорошо известна в русско-советской историографии докладная записка о посольстве к булгарам в 922 г. Ахмеда ибн Фадлана, составленная для халифа Муктадира [30]. Путь посольского каравана после Мавераннахра и Хорезма пролегал через степи Западного Казахстана. И хотя секретарь этого посольства в своем дневнике нигде не упоминает ни кимаков, ни кыпчаков, путевые заметки Ибн Фадлана, отличающиеся большой наблюдательностью, имеют для нас высокую ценность для познания общей исторической обстановки, быта и времени, ландшафта и климатических условий тех регионов, по которым он прошел с караваном.

Полной противоположностью Ибн Фадлану было странствование его современника Абу Дулафа, бродячего поэта, в середине X в. попавшего в окружение саманида Насра II ибн Ахмада [31]. В этот период Абу Дулаф посетил Китай и Индию. Каким путем он возвратился назад, исследователям пока не известно. Результатом этих странствий явились две записки

---

[27] Kitab ad-tanbih wa'l-ishraf austore al-Masûdi. E. d. M. J. de Goege, Lugbuni Batavorum (BGA 8), 1894.

[28] Descriptio imperii moslemici austore Scnamso'ddin Abu Addollah Mohhammed... al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Bataoorum (BGA, 3). 1877.

[29] *Бартольд В. В.* Кыпчаки. Т. 5. М. 1968. С. 550.

[30] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков. 1956.

[31] *Булгаков П. Г., Халидов А. Б.* Вторая записка Абу Дулафа. М., 1960.

(Рисала) Абу Дулафа. В первой он описывает земли кимаков, печенегов, огузов, азкишей и других племен, через территорию которых ему довелось проезжать. По его словам, по земле, населенной кимаками, он продвигался в течение 35 дней. Тут же приводится ряд интересных сведений, характеризующих религиозные отправления кимаков и их хозяйственный быт. Правда, сумбурность описаний, беспорядочность и неточность локализации племен, не укладывающиеся в уже упорядоченное представление о взаимном реальном расположении народов на этнической карте конца I тыс. н. э., дало повод многим исследователям, начиная с В. В. Григорьева, усомниться в подлинности записок Абу-Дулафа и достоверности его странствий [32]. Не доверяли этому автору и И. Маркварт, В. В. Бартольд, В. Ф. Минорский. В то же время И. Ю. Крачковский пришел к мнению, что в основе записок Абу-Дулафа лежат подлинные факты, вынесенные им из его путешествий, правда, поданные по каким-то причинам весьма запутанно [33].

Отличительной чертой приведенных источников являются фрагментарность и скудность информации о кимаках, причем, как правило, и эти отрывочные сведения повторяют друг друга, а порой и прямо цитируют их. Например, сведения Ибн Хордадбеха, Кудамы ибн Джафара, Ибн Факиха восходят к Тамиму ибн Бахру. О кыпчаках же, без сомнения, существовавших в последней трети I тыс. н. э. (достаточно указать на сведения Ибн Хордадбеха), нет почти никакой информации.

Скудность известий о кыпчаках в VIII—X вв. в арабо-, персоязычных источниках является своеобразным индикатором их действительного положения в этнополитической иерархии, сложившейся к концу I тыс. н. э. в степях Казахстана. Можно предположить, что в ранний период своей истории кыпчаки входили в состав крупного объединения кочевых племен, в котором главенствующую роль играли кимаки, которые на правах доминирующего, владетельного этноса по-

---

[32] *Григорьев В. В.* Об арабском путешественнике X в. Абу Долефе и странствии его по Средней Азии // ЖМНП. Ч. СХШ. № 9. С. 3—4.

[33] *Крачковский И. Ю.* Арабская геогр. литература. С. 189.

крывали своим именем подчиненные им племена.

О том, что кыпчаки действительно в IX—X вв. являлись составной частью крупного этнополитического коллектива под главенством кимаков, свидетельствуют персоязычные источники. Около 1050 г., в период кратковременного царствования (1049—1053) газневидского султана Абд ар-Рашида, был написан исторический труд «Зайн ал-ахбар» (Украшение известий), автором которого являлся персидский историк Абу Саид Гардизи. Наиболее интересующий нас раздел — глава о тюрках — была опубликована в 1897 г. (на русский язык ее перевел В. В. Бартольд) [34]. Гардизи включил в свое сочинение сведения, заимствованные у предшественников, и среди них, как он сам упоминает, был труд Ибн Хордадбеха и не дошедшее до нас географическое сочинение автора начала X в. Мухаммеда Джейхани. Поэтому можно полагать, что известия, которые приводит Гардизи, относятся, по крайней мере, к началу X в.

Заметим, что хотя одним из источников Гардизи служит Ибн Хордадбех, при описании кимаков, как показал В. Ф. Минорский, он был не зависим от автора, а значит, и от Тамима ибн Бахра [35]. Тем больший интерес вызывают его сведения о кимаках, в основе своей неповторимые, а в некоторых случаях и единственные. Совершенно уникальна по своему характеру приводимая им легенда о происхождении кимаков. Гардизи прямо утверждает, что кимаки, отмеченные им на Иртыше, являются в данном регионе не местным народом, а пришельцами. Правда, он не говорит конкретно, из какой местности они выселились, но этническая связь кимаков с татарами (кимаки, по версии Гардизи, отделились от татар) зафиксирована им точно, что и позволяет нам связывать прежние места обитания кимаков с регионами, являющимися исконными для местожительства татар.

При сопоставлении данных Гардизи, по свидетельству очевидца, видевшего кимаков восточнее, северо-восточнее столицы уйгуров на Орхоне, уникальность сообщения Гардизи подтверждается. К сожалению,

---

[34] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... 1897. С. 78—126.

[35] *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's journey... P. 270.

многие исследователи, не сомневаясь в достоверности информации Гардизи о других сторонах жизни кимаков (их хозяйственной деятельности, расселении, их изначальном семиплеменном составе, известиях о караванных маршрутах и т. д.), необоснованно подвергают сомнению уникальные показания Гардизи о татарской природе происхождения кимаков, а то и просто замалчивают этот факт. Можно только указать на И. Маркварта, который не сомневался в достоверности информации персидского историка. Он даже построил на этом утверждении свою гипотезу о монгольском происхождении кыпчаков [36].

Нам представляется, что игнорирование некоторых неудобных для выбранной концепции сведений источников значительно обедняет, а в некоторых случаях и искажает общие объективные представления о действительных событиях. Из современных исследователей лишь К. Цегледи с должным вниманием отнесся к сведениям Гардизи о татарском (т. е. монгольском) происхождении кимаков. Он писал, что «информацию мы воспринимаем не как легенду, а как достоверное историческое сообщение, датируемое примерно 750 г. н. э., которое регистрирует форму, известную и в фольклоре» [37].

Гардизи в своем списке племен, вошедших в состав кимакского объединения, упоминает и кыпчаков.

Утраченное произведение Джейхани послужило одним из главных источников для другого персидского географического трактата под названием «Худуд ал-алам мин ал-машрик ила-л-магриб»—«Граница мира от Востока к Западу». Оно составлено известным автором в 982 г. Рукописи этого произведения, известного в науке по имени его первооткрывателя, «Анонима Туманского», была обнаружена в 1892 г. в Бухаре [38]. В 1930 г. В. В. Бартольд дал фототипическое издание и кратко охарактеризовал его произведение, на основе

---

[36] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen? AKGWG. Berlin. 1914. Bd. 13, n. 1. S. 57, 99, 136—188 etc.

[37] *Czeglegy K.* Gardizi of the History of Central Asia // Acta Orientalia Hungarical. 1972. T. 27. P. 263.

[38] *Туманский А. Г.* Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах // ЭВОРАЛ. 1897.

которого в 1937 г. В. Ф. Минорский произвел критический перевод его на английский язык с обстоятельным комментарием[39].

Все сочинение состоит из 61 главы. Они сравнительно небольшие по объему. Племенам кимаков и кыпчаков также посвящены отдельные главы, причем о кимаках приведены сведения гораздо большего объема, чем во всех вышеуказанных источниках, за исключением труда Гардизи. Если последний автор в своей главе о тюрках только констатировал, что кыпчаки вошли в состав кимаков, то в «Худуд ал-Алам» есть сообщение о том, на каких правах входили кыпчаки в кимакский союз племен. Часть кыпчакских племен пребывала еще в полной зависимости, а часть находилась уже на стадии отделения от кимаков, хотя и не окончательного, ибо их глава все еще назначался ханом кимаков. О другой локальной группе под названием Андар аз-Хифчак мы узнаем как об отдельной в стране кимаков области.

В последние годы в советской востоковедческой литературе повысился интерес к автору XII в. ал-Идриси, написавшему «Нузхат ал-муштак фи-хитрак ал-а-фак» (Развлечение истомленного в странствии по областям), или «Китаб Руджар» (Книга Роджера). Сочинение было посвящено королю Сицилии Роджеру II, при дворе которого состоял ал-Идриси. Он много путешествовал по Европе, но и описанию азиатских народов посвятил много страниц. Основой последних автору послужили рассказы путешественников и нарративные источники, среди которых встречаются и вышеупомянутые труды арабских и персидских историков и географов. Поэтому в значительной части сведения ал-Идриси о странах мусульманской Азии компилятивны, неоригинальны и, как правило, относятся к событиям более раннего времени, а не к XII в. Это видно из материала, касающегося кыпчаков. Пользуясь разной информацией, исходящей из различных регионов, ал-Идриси пишет об одном и том же народе под двумя различными названиями, заимствованными от разных авторов. Для районов западных (речь идет о степях, простирающихся от Волги до

---

[39] *Худуд ал-Алам.* Рукопись А. Туманского. Л., 1930.

Днепра), ал-Идриси пользовался византийскими источниками, поэтому у него появляется термин «куман», именно так именовались кыпчаки в византийских хрониках. В то же время он знал и казахстанских кыпчаков, локализованных им на карте, являющейся неотъемлемой частью трактата, как раз в том месте, где их описывает автор «Худуд ал-Алам», — в Западном Казахстане. В этом и заключается значение работы ал-Идриси — в широте охвата источников, аккуратности подбора сведений и систематическом их изложении.

Уникальны в своем роде, но крайне противоречивы сведения ал-Идриси о кимаках. Судя по тексту ал-Идриси, у кимаков были развиты в основном охотничьи формы хозяйств, с другой стороны — у них развиты ремесла, процветающие города — центры политической жизни, торговли и административного высокоорганизованного управления. Поэтому складывается впечатление, что речь идет о двух совершенно разных народах.

Как отмечал В. В. Бартольд, «сведения (ал-Идриси), относящиеся к различному времени, нисколько не отделены друг от друга»[40]. Поэтому можно предположить, что часть данных ал-Идриси о кимаках относится к раннему периоду их жизни, когда они, по всей вероятности, обитали где-то в Восточной Азии. Одна из глав, посвященная специально кимакам, озаглавлена ал-Идриси «Восточная Азия, страна кимаков». К тому же ландшафт и климатические условия местообитания кимаков, как подметил И. Маркварт, по своему характеру напоминают, скорее всего, Манчжурию[41]. Исходя из других известий, В. В. Бартольд писал: «Кидане у Идриси не упоминаются, на наш взгляд, можно согласиться с мнением Григорьева, что Идриси смешивает киданей с кимаками...»[42].

Впервые на значение карт ал-Идриси для изучения истории кимаков обратил внимание Б. Е. Кумеков. Он пишет: «Она более насыщена обозначениями географических и этнонимических объектов, а сами обозначения и их взаимное расположение на карте настолько адекватны сведениям, содержащимся в тексте «Нузхат

---

[40] *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане // Соч. М., 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 292.

[41] *Marquart I.* Über das Volkstum der Komanen... S. 112.

[42] *Бартольд В. В.* О христианстве... С. 292.

ал-муштак», что последние могут восприниматься помимо своего самостоятельного дескриптивного значения и как своеобразная объяснительная записка к карте»[43]. Интересно, что и на карте ал-Идриси и в его тексте земли кимаков помещены на крайнем востоке, за ними кончается суша и начинается море Мрака, которое, как известно, наряду с другими омывает и берега Китая[44]. Сама столица кимаков, согласно ал-Идриси, находилась в шести днях пути от этого моря[45].

Как видим, ряд его сведений восходит и к известиям Тамима ибн Бахра, отмечавшим кимаков в Северо-Восточной Монголии. Ал-Идриси в одном месте приводит известие о 81 дне пути до резиденции царя кимаков — столько времени впервые потратил Тамим ибн Бахр на своем пути к кимакам, обитавшим в монгольских степях. Другие данные о кимаках ал-Идриси почерпнул уже у авторов, знавших кимаков на их новой родине, на берегах Иртыша.

Ал-Идриси не отделил в своих данных о стране кимаков события разных периодов из истории кимаков, что привело к путанице в трактовке их этнополитической истории. Это вынуждает исследователей с большой осторожностью подходить к данным ал-Идриси, особенно к известиям о народах, лежавших вне предела его личных наблюдений. И. Ю. Крачковский писал: «Если перейти к описанию внеевропейских стран, которые, за исключением северной Африки, не были непосредственно знакомы ал-Идриси и для которых он не имел такого богатого распросного материала, как в первом случае, оценка его сообщений будет значительно ниже: большинство исследователей не признает за ними сколько-нибудь серьезной ценности...»[46].

К концу I тыс. н. э. относятся известия о кимаках, встречающиеся в большом географическом словаре «Перечень стран» сирийского ученого Якута, жившего на стыке XII—XIII вв. В заслугу ему можно поставить

---

[43] *Кумеков Б. Е.* Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10. С. 194.

[44] Там же. С. 198; *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 77.

[45] Geographie d'Edrisi. Tradnite de l'arabe en francais d'apres deux manuscrits de la Bibliotheque du Roi et accompaones de notes par A. Jaubert. Paris, 1836—1840. T. 1—11.

[46] *Крачковский И. Ю.* Арабские геогр. литература. С. 290.

прежде всего сохранение большого количества источников, не дошедших до нас в оригинальном виде. В этой связи его данные в ряде случаев могут приравниваться к первоисточнику. В частности, у Якута имеются сведения о соприкосновении границ земель кимаков непосредственно с территорией Чина (Китая) [47]. Такое соседство кимаки могли иметь только в восточноазиатский период их проживания, ибо после переселения их на Иртыш соседство с Китаем исключается.

Богатейшее письменное наследие по вопросам истории, географии, медицины, философии, естественных наук и т. д. оставил крупнейший ученый-энциклопедист всех времен Абу Райхан аль-Бируни, родившийся в Хорезме в 973 г. Бируни приводит сведения, дающие возможность внести дополнительные штрихи к вопросу о расселении кимаков, их верованиях и обычаях. Встречаются у него известия и о других народах. В то же время вызывает удивление, что о кыпчаках уже к этому времени придвинувших свои кочевья к границам мусульманского мира, написана буквально одна строка. Кроме того, в работах Бируни имеются данные по минералогии, фармакологии. Эти сведения могут опосредованно дополнить наши знания о жизни народов. Из чисто исторических трудов им была, по всей вероятности, написана «История Хорезма», не дошедшая до нас, но использованная персидским историком Абу-л-Фазл Бейхаки (около 996—1077).

Сочинение Бейхаки, называемое «Тарих-и Масуди» (История Масуда), посвященное царствованию султана Масуда (1034—1042), не дошло до нас полностью. Многолетняя служба в султанской канцелярии позволяла автору иметь доступ к официальной переписке и деловой документации так что описываемые им факты и события, свидетелем и участником многих из которых он был сам, вызывают определенное доверие. О кыпчаках в работе говорится только в двух местах, но эти упоминания важны для нас тем, что мы встречаемся с первыми достоверными сведениями о появлении в начале XI в. кыпчаков на границе со среднеазиатскими мусульманскими владениями. В них, в частности, от-

---

[47] Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin. St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. Von F. Wustenfeld. Leipzig, 1870. Bd. 4.

мечалось, что в 1030 г. на границе Хорезма начали волноваться и проявлять известную активность кыпчаки [48].

Это волнение кыпчаков, вылившееся в натиск на границы Хорезма, явилось, по всей вероятности, следствием событий, происшедших в первой трети XI столетия на огромной территории Евразийских степей, о которых нам сообщает автор, живший нарубеже XI и XII столетий, — Шараф ал-Заман Тахир ал-Марвази [49]. Сочинение ал-Марвази «Природа животных» (Табаи ал-хайаван) было обнаружено сравнительно недавно. В 1942 г. В. Ф. Минорский опубликовал главы о Китае, тюрках и Индии, с английским переводом и, как всегда, с обстоятельным комментарием [50].

В сочинении ал-Марвази приводятся ценные, вполне оригинальные сведения географического, исторического и этнографического характера. В особенности это замечание относится к главе о тюрках, хотя сведения, которые он приводит в ней, в основе своей компилятивны: в них содержатся некоторые описания, изложенные у более ранних авторов неясно и сумбурно. Сведения ал-Марвази представляют интерес из-за некоторых этнографических деталей (проживание кимаков в землянках, использование ими зимой на охоте лыж). Прежде они не встречались у других авторов. Наиболее важны его сведения о переселении народов Центральной Азии в первой половине XI в. и его причинах, до него известных лишь из путаных отрывков автора XIII в. Ауфи [51]. В потоке переселения народов, проходившего через территории, населявшиеся кимаками и кыпчаками, встречаются и эти племена, правда, под другими названиями.

Таким образом, ранние упоминания о кимаках, и особенно о кыпчаках, немногочисленны и отрывочны, хотя при внимательном рассмотрении источников можно отметить, что нигде не подтверждается мнение о

---

[48] Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда. Ташкент, 1962. С. 104.

[49] *Храковский В.* Шараф ал-Заман Тахир Марвази // ТСВ. Алма-Ата. 1959. Т. 1. С. 208—211.

[50] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India, Arabic text (circa A. D. 1120) with an English caranslation and commentary. London, 1942.

[51] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1964. Т. 1. С. 99.

тождестве этих племен. С начала II тыс. н. э., кыпчаки начинают регулярно упоминаться в письменной традиции как самостоятельная народность, отдельная от кимаков. В то же время следует отметить, что эти данные еще остаются разрозненными, неконкретными и не посвящены специально истории отдельного народа, в нашем случае кыпчакам. Данные о них приводятся всколзь, в связи с событиями в соседних с ними государствах или во время походов и столкновений.

Особенно важное значение для изучения истории Казахстана XI в. имеет лингвистический труд Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк» (Свод тюркской лексики), в котором помимо полного представления о диалектных различиях тюркских языков содержатся многочисленные сведения по этнографии, материальной культуре, истории и расселении племен и народов раннесредневекового Казахстана, среди них находится место и для кыпчаков [52]. Труд был составлен в 1074 г. [53] Для этнографической привязки кыпчакских племен к середине XI в., т. е. в период их возвышения в Казахстанских степях, для изучения их языка, обычаев, хозяйственного уклада, энциклопедический манускрипт Махмуда Кашгарского является едва ли не важнейшим источником. Ценность его значительна еще и потому, что этот древний филолог и путешественник, будучи уроженцем Средней Азии, много странствовал по территории, населенной тюрками (он, вероятно, побывал даже у киргизов на Енисее), и отразил в своем труде то, что видел непосредственно сам.

Автор является, безусловно, авторитетом в истории и исторической географии Средней Азии и соседних с ней степных областей. Интересно, что этому знатоку реальной номенклатуры тюркоязычных народов Евразийских степей не было ничего известно о народности кимак, проживавшей на р. Иртыше. На ее место он помещает племя кай и йемеков, а ведь его известия «обыкновенно оказываются заслуживающими доверия и очень часто подтвержаются» [54].

---

[52] *Кононов А. Н.* Кашгарский и его «Словарь тюрских языков» // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1965; Советская тюркология. 1972. № 1.

[53] Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари. Диван ал-тюрк. Стамбул, 1915—1917. Т. 1—3.

[54] *Крачковский И. Ю.* Указ. раб. С. 268.

К сожалению, исторические сведения конкретно о кыпчаках не всегда последовательны, а многие интересующие нас подробности, которые, бесспорно, были известны Махмуду Кашгарскому, просто не приводятся: как это часто бывает, автор опускает многие детали, которые ему кажутся несущественными, а потому не заслуживающими внимания, но которые, конечно, непременно отметил бы человек со стороны, менее знакомый с тюркской этнической и языковой средой. Однако Махмуд Кашгарский счел нужным все же отметить очень важную для нас деталь — родство языка кыпчаков и языка йемеков. Интересна приложенная к сочинению Махмуда Кашгарского его круглая карта мира. По замечанию И. Ю. Крачковского, эту карту, скорее всего, следует считать картой расселения тюркских народов, поскольку они размещены у него в центре, а нетюркские народы и государства показаны схематично, с меньшими подробностями или же вовсе не обозначены. Кыпчаки же отмечены на карте в нескольких местах [55]. Так что в целом можно сказать, что «Свод тюркской лексики» Махмуда Кашгарского является на сегодняшний день одним из самых надежных и подробных источников по истории, этнографии, географии и языку кыпчакских племен первой половины XI в.

До сих пор не привлекает широкого внимания ученых и находится как бы в тени труд Мубарак-шах Мерверруди «Китаб ал-ансаб» (Книга о генеалогии), написанная в конце XII в. В работе много интересных сведений о тюркских племенах, их обычаях. Интересны его сообщения, например, об обмене товаров кимаков с племенами, относящимися, скорее всего, к угорским народам, проживавшим в лесных массивах Южной Сибири (по терминологии Мерверруди, «лесах Лаура»). Среди приведенных им свыше 60 этнических наименований, правда, некоторые из них повторяются, встречаются и племена кимаков, кыпчаков, уран, кай, йемеков, байандур, татар, в различные периоды своей истории входивших в состав кимакских и кыпчакских этнополитических объединений [56].

---

[55] *Махмуд Кашгари.* Девону луготит турк. Тошкент. 1960. Т. 1. Карта; *Умняков И. И.* Самая старая турецкая карта мира (XI в.) // Труды СамГПИ. 1940. Вып. 1.

[56] *Умняков И. И.* «История» Фахреддина Мубарякшаха // Вести. др. истории. 1938. Т. I. 1 (2).

Справедливости ради следует заметить, что этноним *кимак* встречался и много позже того периода, когда они уже сошли с арены истории. Они упоминаются в поздних письменных источниках, сугубо компилятивных, заимствовавших свою информацию из работ классической школы арабской географической литературы IX—X вв., и отражают в таком случае исторические реалии событий конца I тыс. н. э., но от этих работ нельзя отмахиваться, так как в них могут сохраниться такие ценные факты, которые в иных случаях до нас бы не дошли из-за полной утраты оригиналов. Эти произведения в ряде случаев стали известны науке еще до того, как были опубликованы более ранние географические и исторические труды арабских и персидских авторов [57].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ XII—XVIII вв.

Переходя к непосредственному изучению источников начала II тыс. н. э., следует отметить, что в распоряжении исследователей нет ни одного оригинального исторического произведения, которое было бы создано на территории Дешт-и Кыпчака и посвящено непосредственно событиям конца XI — начала XIII в., происходившим в степях Казахстана. Единственное, что мы имеем, как и в трудах арабо-персидских историков и географов предшествующих веков, — отрывочные и весьма краткие упоминания об отдельных лицах кыпчакского происхождения, попавших в поле зрения тогдашних хронистов, или описание военных столкновений кыпчаков с правителями Хорезма.

В этих условиях важно учитывать по возможности все упоминания о кыпчаках, сохранившиеся в дошедших до нас средневековых трудах восточных авторов, причем не только исторических и географических. Во многих других произведениях (деловой документации, переписке, поэтических произведениях) можно встретить прямые или косвенные намеки на те или иные события и факты политического, социального или культурно-бытового характера, имеющие определенную

---

[57] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 29—30; *Он же.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков... С. 22—24.

историческую ценность и способные подчас неожиданно пролить свет на интересующие нас проблемы.

Основными источниками являются исторические труды Ибн ал-Асира, Мухаммеда ан-Несеви, Джус Джани, Джувейни, Рашид ад-дина.

Изяз-ад-дин Абул-Хасан Али Ибн ал-Асир родился в 1160 г. Его перу принадлежит многотомный труд по всемирной истории под названием «Ал-Камил фиттарих» (Полный свод истории), в котором он использует данные, заимствованные из других источников, не дошедших до наших дней. Для периода до X в. Ибн ал-Асир пользовался историческим трудом ат-Табари, жившего в IX—X вв. Он сократил его и придал стройность изложению. Для нас особенно ценны те разделы сочинения Ибн ал-Асира о событиях, развернувшихся после X в., описание которых он довел до 1231 г., использовав большой круг источников [58]. В основном эти сведения, как и вообще данные об истории тюркских народов Средней Азии, Поволжья и казахстанских степей, о монгольском нашествии, содержатся в последних двух томах. К составлению их он подходил добросовестно, критически отбирая факты.

В труде нашли отражение различные стороны быта и духовной жизни и культуры племен, населявших степи Казахстана в предмонгольское время. В нем, например, имеется известие о принятии в XI в. ислама народом, кочевые маршруты которого пролегали по территории Дешт-и Кыпчака. Имеется ряд сведений, помогающих выяснить характер миграций племен в первой трети XI в. Захватив период начала монгольского нашествия на страны Средней Азии и степи Казахстана и достаточно подробно описав отрицательные последствия экспансии татаро-монгол, ал-Асир приводит сведения о действиях кыпчаков против захватчиков в 20-х гг. XIII столетия в Северо-Кавказских степях. Вообще, благодаря Ибн ал-Асиру, мы имеем уникальные сведения по истории тюркоязычных народов, почерпнутые им из источников, не дошедших до нас.

Современником монгольского нашествия был сред-

---

[58] *Ibn-el-Athiri.* Chronicon quod perfectissimun inscribitured // C. J. Tornberg. V. 1—14. Lugduni Batavorum, 1851—1876.

неазиатский историк Мухаммед ибн Ахмет ан-Несеви, родившийся в крепости, недалеко от г. Неса, давшего ему имя. Историк был очевидцем покорения Средней Азии монголами, сам принимал участие в борьбе против них. Будучи одним из сторонников и сподвижников хорезмшаха Джелал ад-дина, он в качестве его личного секретаря принимал участие во всех его походах. Ан-Несеви назвал свою книгу «Сират ас-султан Джелал ад-дин Манкуберти» (Жизнь султана Джелал ад-дина Манкуберти)[59]. Однако она является не столько хроникой событий или биографией последнего хорезмшаха, вступившего на престол в 1220 г. и убитого в 1231 г., сколько мемуарами государственного чиновника, близко знакомого с административной и придворной жизнью. Несмотря на мемуарный жанр произведения, в нем имеются некоторые данные о державе хорезмшахов в канун монгольского нашествия, о походах руководителей этого государства против их беспокойных соседей на севере и северо-востоке — кыпчаков[60].

Краткая всеобщая история «Табакат-и Насери» (Насировы разряды), принадлежащая перу ал-Джузджани, была написана автором в Индии и посвящена делийскому султану Насир ад-дин Махмудшаху I[61]. «Насировы разряды» были написаны, вероятно, в 1259 или 1260 гг. и состояли из 23 разрядов. Основное внимание в них уделено истории феодальных династий Средней Азии, Ирана, Афганистана и др. В Индии ал-Джусджани появился в 1226 г., бежав от монголов. Для нас наибольший интерес представляют главы о правлении хорезмшахов в канун монгольского нашествия и особенно его уникальные сообщения, о роли кыпчаков и родственных им племен, например, канглы, в сложении последней, четвертой по счету, династии царей Хорезма. Источник, из которого он почерпнул эти весьма важные для нас сведения, к сожалению, не известен.

Несмотря на общий упадок культуры, вызванный

---

[59] *Mohammed en-Nesawi.* Histoire du sultan Djelal ed-din Mankobirti, prince du Kharesm. Texte arade et tradiction francaise, publies par O. Houdas. V. 1—11. Paris. 1891—1895.

[60] *Шихаб ад-дин Мухаммад ал-Насави.* Жизнеописание султана Джалл ад-дина Манкбурны. Баку, 1973.

монгольским нашествием в странах мусульманского мира, к середине XIII в. высокого уровня достигает персидская историография, два представителя которой — Джувейни и Рашид ад-дин — были историками «промонгольского» направления.

Ала ад-дин Ата-мелик Джувейни хорошо известен в науке своим историческим трудом «Тарих-и Джахангушай» (История мирозавоевателя), представляющим историю походов монголов, хорезмшахов и исмаилитов Ирана. Это сочинение было начато автором в 1252 г. и завершено примерно в 1260 г. Нас интересуют в первую очередь факты, которые приводит Джувейни в связи с историей державы хорезмшахов. Являясь непосредственным участником и очевидцем многих из описываемых им событий, дважды лично посетившим Монголию, а также Туркестан и Уйгурию, Джувейни дает обширную картину политической жзни на огромной территории от монгольских степей до Каспийского моря. В частности, он приводит подробные сведения о первом столкновении монголов с армией хорезмшаха, когда последний в Дешт-и Кыпчаке преследовал своего мятежного вассала, кыпчакского предводителя Кадыр-хана, а монголы — меркитов. Битва произошла в первых числах лета на северо-западных окраинах Дешт-и Кыпчака, в предгорьях Урала. Джувейни приводит данные, характеризующие взаимоотношения кыпчаков и Хорезма.

Персидская историческая литература достигла своего апогея в начале XIV в., когда появилось выдающееся произведение средневекового Востока — исторический труд «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) Фазаллаха Рашид ад-дина. К написанию его Рашид ад-дин привлек ряд ученых своего времени. Энциклопедия была начата ок. 1300 г. и закончена в 1310—1311 гг. Руководящая идея, положенная в основу «Джами ат-таварих», заключалась в положении, что истории всех народов, в том числе арабов, персов и тюрков, — «лишь одна из рек, впадающих в море всемирной истории, что всеобщая история должна быть

---

61 *Tabarat-i Nasiri; A.* General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustun, from A. H. 194 (810 A. P.), to A. H. 658. 1260 A. D.) by the Maulana Minhaj-ud-Din. Abu Umar-i-Usman // Transl. by H. G. Raverty. V. 1—11. London, 1881.

всемирной историей» [62]. Рашид ад-дин мог пользоваться первоклассными для того времени источниками, письменными и устными, среди них, сведениями из книг, составленных китайцами, индийцами, уйгурами и кыпчаками. Интересно было бы обнаружить книги, написанные кыпчаками, но, к сожалению, они не известны. Среди известных источников он, например, использовал труды Махмуда Кашгарского, Джувейни, официальную историю Чингисхана «Алтан дептер» (Золотая книга). Воспользовавшись приездом из Китая в 1286 г. эмира Чжен Сяня, лучшего знатока монгольской старины и преданий, Рашид ад-дин записал его показания и в дальнейшем их использовал. Много полезного сообщил ему сам Газан-хан, при дворе которого на государственной службе находился Рашид ад-дин.

Наиболее содержательна и ценна для нас первая часть «Джами ат-таварих», содержащая перечисление и историю монгольских и тюркских племен, историю самого Чингисхана и его преемников. В разделе, посвященном истории тюрко-монгольских народов, этнические связи, социальная жизнь, быт, обычное право и предания кочевников изложены Рашид ад-дином с такой полнотой и точностью, какой мы не найдем ни в каком другом из источников по данной проблеме, не исключая монгольских и китайских [63]. Приводятся сведения и по истории кыпчаков и канглы. Отдавая дань легендарной традиции, господствовавшей в то время, Рашид ад-дин считал кыпчаков и канглы, другие тюркские племена происходившими из 24 огузских племен. Само название *кыпчаки,* согласно одной из легенд, приведенных Рашид ад-дином, связывается с дуплистым деревом, в другой легенде также отмечается опосредованная связь кыпчаков с деревьями, ибо легендарный мальчик по имени Кыпчак родился на плоту во время переправы через реку. Помимо легендарных в своей основе сведений о кыпчаках Рашид ад-дин приводит и конкретные, вполне реальные, подтверждающиеся данными из китайских источников факты, могущие свидетельствовать об определенном уровне социального развития этого кочевого народа. Согласно Рашид ад-

---

[62] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952, т. 1, кн. 1. С. 24.

[63] Там же, с. 27.

дину, «главой кыпчаков во времена Чингисхана был эмир по имени Кунджек. Он имел сына по имени Кумурбши Кунджи... Оба они (отец и сын) принадлежат к роду государей кыпчаков» [64].

Важное значение для истории эпохи последних хорезмшахов и их взаимоотношений с тюркскими племенами имеют официальные сообщения, представляющие дипломатическую переписку и другие государственные документы. Собрание этих документов, использовавшихся как руководство для секретарей, носило название «Китаб-и инша». Частично эти документы опубликовал В. В. Бартольд под заглавием «Инша» в своем первом томе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» в текстах [65]. В письмах хорезмшахов владетелям того периода, наряду с прочими известиями встречаются сообщения о походах на своих неспокойных северных соседей — кыпчаков, а также о некоторых событиях, происходящих в глубине Дешт-и Кыпчака. Например, в сборнике под заглавием «Китаб ат-тавваcул ила-т-тарасул» (Книга искания доступа к деловым отношениям), принадлежавшем Баха ад-дину Мухаммеду ибн Муайяду ал-Багдади, состоявшему на службе у хорезмшаха Текеша ибн Иль Арслана главой диван ал-инша, встречаются ценные сведения о взаимоотношениях кыпчакских племен и их ханов с правителями Хорезма [66].

Так как хронологические рамки нашей книги ограничиваются периодом монгольского нашествия, исторические источники, освещающие различные перипетии жизни кыпчаков во время нашествия монголов и позже, в данном разделе нами не приводятся.

Использование же ряда поздних мусульманских источников в данной работе было обусловлено нахождением в них сведений по хозяйственной структуре

---

[64] Там же. С. 90.

[65] *Бартольд В. В.* Туркестан... Спб., 1898. Ч. 1. С. 73—80. Характеристику этого произведения, дающего ценные сведения об административном строе Хорезма XII в., укладе его жизни, этническом составе подданных см.: *Семенов А. А.* К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в. н. э. // Известия АН ТаджССР. Сер. обществ. 1952. № 2.

[66] *Бартольд В. В.* Туркестан.. Спб. Ч. 1. С. 23—47; *Кумеков Б. Е.* Арабские и персидские источники... С. 22—31.

кыпчакских племен, религии, некоторых новых данных, вероятно, отражающих изменения во внутренней среде кыпчаков после нашествия монголов, в составе населения Дешт-и Кыпчака в XIII в. Много в них познавательного о кыпчаках в аспекте историко-этнографическом.

Среди таких авторов следует отметить ан-Нувайри, ал-Омари, Ибн Халдуна, Ибн Батуту и др., живших и писавших в конце XIII — начале XIV вв.

Для арабской историографии этого периода характерны две тенденции при описании быта Дешт-и Кыпчака. Одни авторы подчеркивают дикость, коварство и жестокость кочевников южнорусских и казахстанских степей. Так, например, поступает ал-Омари [67]. Однако, ему же принадлежит и восторженное описание Дешт-и Кыпчака как родины племени, из которого произошли некоторые султаны-мамлюки, в частности герой войны с монголами Бейбарс [68]. Но наиболее важен для нас его отрывок, где отмечен процесс ассимиляции монголов в кыпчакской среде: «В древности это государство было страной кыпчаков; но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными расовыми качествами их, и все они (татары) стали точно кыпчаки...» [69].

Более независимыми представляются свидетельства, рассказывающие о быте жителей Дешт-и Кыпчака, их этнографических особенностей у ибн Батуты, который приводит картины повседневного быта степняков, их хозяйства, ремесла, торговли, в частности торговли лошадьми, идущими на рынки Индии, Ирана, Афганистана. Имеются у автора данные о территории, населенной кыпчаками [70].

В вышеприведенном обзоре источников вкратце рассмотрены основные труды по истории и географии средневекового мусульманского Востока, содержащие информацию о кыпчаках до начала XIII в. и дающие

---

[67] *Тизенгаузен В. Г.* Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее СМИЗО). Спб., 1884. Т. 1. С. 232.

[68] *Тизенгаузен В. Г.* Сб. материалов... С. 232. Подробно см.: *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 36—37.

[69] СМИЗО. Т. 1. С. 540.

[70] Там же. С. 279—287.

целостное представление обобщающего характера по интересующему нас периоду.

Многие из сведений арабо-, персоязычных авторов перекликаются со сведениями русских, восточноевропейских и закавказских хронистов, миссионеров и путешественников из стран Средиземноморья и Западной Европы, взаимно дополняя и уточняя друг друга.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ И ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ИСТОЧНИКИ XI—XIII вв.

В середине XI в. с появлением кыпчаков в степях Причерноморья и Среднего Кавказа, расселением их вплоть до Балканского полуострова информация о них стала часто встречаться в русских, армянских, грузинских, сирийских, венгерских и византийских источниках, т. е. практически известия о кыпчаках встречаются в письменных источниках всех народов, вступавших с ними в контакт.

По степени богатства фактического материала, по освещению различных сторон общественно-экономической жизни кыпчаков-половцев на первое место законно следует поставить известия древнерусских летописей[71]. Это и не удивительно, ибо хорошо известно, что половцы с середины XI в. прочно укрепились в южнорусских степях, став непосредственными соседями Древнерусского государства вплоть до нашествия монголов, т. е. на протяжении почти 200 лет.

Все же следует отметить, что для конкретного освещения политической истории восточной ветви половцев — кыпчаков казахских степей русские летописи мало помогут, так как, естественно, летописцев интересовали в первую очередь дела, происходившие непосредственно у границ родины.

Далекая и неизвестная страна кочевников, жителей «Дикого поля», лежавшая за «синим» Доном, конечно, не представляла практического интереса для свидетелей событий, часто трагических, развивавшихся на их глазах. Не случайно на Руси понятие «поле половецкое» на востоке ограничивалось Доном, реже — Волгой. Однако сообщения русских летописей становятся для нас незаменимыми при изучении социально-

---

[71] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1, 2.

экономических вопросов, при выяснении политической структуры кыпчакского общества, ибо, как уже отмечалось, арабо-, персоязычная историография в этой области довольно скромна. Нет веских оснований считать, что между общественным строем половцев южнорусских степей и кыпчаков, обитавших в степях Казахстана, существовала большая разница.

К числу исторических произведений на армянском языке следует, в первую очередь, отнести хронику Матвея Эдесского, армянского писателя XII в., перу которого принадлежат известия о происходившем в середине XI в. большом переселении народов [72], истоки которого описал, как нам известно, ал-Марвази. В ряде других трудов армянских историков, описывающих завоевание Закавказья монголами, можно обнаружить некоторые данные о первых годах борьбы кыпчаков с монголами в северокавказских степях [73].

Известия о кыпчаках в грузинских источниках стали появляться со второй половины XI в., что является отражением их истинного расселения в предкавказских равнинах. В сочинении Леонтия Мровели «История грузинских царей — первых отцов и родственников» кыпчаки упоминаются наряду с так называемыми «бунтюрками», под которыми подразумеваются кавказские булгары. Первое свидетельство об активном выступлении кыпчаков на историческую арену северо-кавказских степей сохранил грузинский историк XI в. Джуаншер, упоминавший кыпчаков в своем сочинении «Жизнь царя Вахтанга Горгасала». Но основные известия о кыпчаках относятся к 1118—1120 гг. и позднее, когда около 45 тыс. отборных кыпчакских воинов с семьями поселились в Грузии на постоянное местожительство, составляя личную гвардию Давида Строителя. Эти кыпчакские племена постоянно пополнялись новыми переселенцами. Так, историки сообщают, что при правлении Георгия III (1156—1184) была еще волна переселения. Известно, что в период царствования царицы Тамары (1184—1211) в Грузии уже существовал тер-

---

[72] Chronique de Matthien d'Edesse, trad. par M. E. Dulaurier. Paris. 1858.

[73] Армянские источники о монголах. М., 1962. История Киракос Гандзакеци. Баку, 1946; История монголов по армянским источникам. Спб., 1873. Вып. 1; 1874. Вып. 2.

мин «новые кыпчаки», что является свидетельством достаточно долгих отношений кыпчаков и грузин. Весьма существенны для нас сведения о хозяйственной структуре кыпчаков. Грузинские авторы говорят также о типах жилищ у кыпчаков, структуре их войска, наличии у них пережитков патриархально-родовых отношений.

Заслуживают внимания сведения по истории тюркоязычных народов, в том числе истории кыпчаков, одного из крупнейших представителей сирийской историографии Михаила Сирийца. В труде этого автора XII в. есть специальная глава о стране тюрков, их занятиях, быте, обычаях. Хотя «Хроника» Михаила Сирийца в своей значительной части посвящена тюркам-сельджукам, для нас особенно важны его известия о миграции кочевых племен из Центральной Азии в Среднюю и в страны Ближнего Востока; среди народов, участвовавших в переселении фигурируют и половцы. Интересны рассказы о верованиях и тотемах тюрков (сивый волк), данные о военном обычае кыпчаков огораживаться телегами вокруг кочевого лагеря во время нападения неприятеля [74]. В числе сирийских источников имеется историческое сочинение Бар Гебрея (по-араб. Абу-Абу-л-Фарадж Григориус ибн ал-Ибри ал-Малати). Он приводил сообщения об имеющейся миграции племен в середине XI в. [75]

Венгерские и византийские известия привлекались нами лишь в частных случаях при дополнении показаний русских летописей и все же следует обратить внимание на историческое произведение XII в., знаменитую «Алексиаду», написанную византийской принцессой Анной Комниной (1083— около 1153—1155) [76]. Уникальны, хотя порой и схематичны, свидетельства Анны о северных соседях Византии: кочевниках — узах, влахах и особенно печенегах. Встречаются известия о половцах. Особенно ценны замечания о характере взаимоотношений половцев и печенегов, есть в произведении и описание тактики и стратегии половецкого

---

[74] *Гусейнов Р. А.* «Хроника» Михаила Сирийца // ПС. 1960. Вып. 5(68).

[75] *Bar Hebrraeus.* Syriac Chronicle. ed. and translt. sir E. A. Wallis Budge us Chronography. Oxford. 1932.

[76] *Комнина А.* Алексиада М., 1965.

войска. В книге III исторического труда Анны Комниной как бы содержатся отголоски великой цепи передвижения кочевых народов, берущей начало на Дальнем Востоке. При рассмотрении более раннего периода истории кыпчаков, в период их пребывания в Центральной Азии, мы неминуемо должны призвать на помощь данные источников китайской и древнетюркской информации.

Конкретно с именем кыпчак, и, вероятно, с самым ранним случаем фиксации этого этнонима, мы встречаемся в надписи, выбитой на каменной стеле, обнаруженной Г. Рамстедом в Центральной Монголии южнее р. Селенги в 1909 г.[77] В литературе эта эпитафия получила название «Селенгинский камень». Текст, выбитый на нем, является частью погребального комплекса Бильгекагана, одного из основателей Уйгурского каганата в монгольских степях (744—840). В четвертой строке с северной стороны стелы выбито: «Когда тюркикыпчаки властвовали над нами пятьдесят лет...»[78].

Китайские источники, доступные по переводам Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, Н. В. Кюнера, Лю Маоцая[79], привлекались нами в плане дополнения и подтверждения исследований по этнической и политической истории тюрко-монгольских народов, живших в степях Центральной Азии. Об истории кыпчаков XII—XIII вв., их антропологическом типе в китайских источниках имеется ряд важных фактов, проливающих свет на эти вопросы. Так, в сочинениях «Ганьму» приводятся данные о внешнем облике кыпчаков[80]. Китайская династия Юаньши свидетельствует о наличии политических и территориальных связей тюркских кочевников кыпчаков и канглы с рядом стран Центральной

---

[77] *Рамстедт Г.* Как был найден Селенгинский камень // Труды ТСОРОО 1912. 15. Вып. 1.

[78] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959. С. 30, 34, 38.

[79] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1—3; *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии // Зап. импер. археол. об-ва. Спб., 1859. Т. 13; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

[80] *Bretschneider E.* Mediaeval Reserches from Eastern // Asiatic Sources. London, 1888. V. 1—2.

Азии и Дальнего Востока в XII — начале XIII в., о наличии государственности у этих племен, их передвижениях, в основном на восточных окраинах Дешт-и Кыпчака и Центральной Монголии во второй половине XIII в. В этом источнике в отличие от мусульманских есть прямые сведения о передаче ханской власти у кыпчаков и канглы по наследству от отца к сыну [81]. Использованы нами и весьма интересные известия западноевропейских путешественников — дипломатов Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, записки венгерского монаха Юлиана, еврейского купца Раби Петахье. Первые два автора совершили в середине XIII в. поездку в столицу монголов Кара-Корум.

Итальянский монах Джовани дель Плано Карпини в 1246 г., и французский монах Вильгельм де Рубрук в 1253 г. во время своих странствий пересекли кыпчакские степи с запада на восток и обратно. Являясь непосредственными наблюдателями, они оставили нам несравненные по описанию яркие картины, характеризующие различные стороны этнографической жизни обитателей Дешт-и Кыпчака, особенно ценные для пополнения наших знаний о погребальных обрядах, обычаях, верованиях, пище, утвари, жилье, оружии и других многообразных сторонах жизни кыпчаков. Раби Петахье был поражен удивительной меткостью кыпчакских стрелков из лука, он же сообщает об обряде побратимства, заключающемся в совместном испитии смешанной крови из одной чаши, у кыпчаков, о том, что основной растительной едой у степняков было просо [82].

Таково в основном состояние источниковедческой базы по исследуемой теме. Как видно, несмотря на кажущееся большое количество используемых произведений, конкретных сведений о кыпчаках не так уж много. Крупицы информации, найденные в них, весьма редки, фрагментарны, характеризуют жизнь кыпчаков

---

[81] *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки (кыпчаки, канглы, карлуки) в Китае при династии Юань: Автореф. дис. (... канд. ист. наук. Л., 1984).

[82] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957; *Анненский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Истор. архив М.; Л., 1940. Т. 3; *Марголин П.* Три европейских путешественника XI—XII вв. Спб., 1881. С. 3—5.

на разной территории их обитания и в разное время. Это выдвигает на первый план необходимость комплексного подхода к изучению взаимной перепроверке, дополнению, привлечению археологических, антропологических и этнографических материалов.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КЫПЧАКОВ

Среди множества проблем по этнополитической истории кыпчаков наиболее сложным являлся вопрос их происхождения. Начиная с самого раннего периода изучения кыпчакской проблематики этногенез этого народа неизменно привлекал к себе внимание русско-советских и европейских ученых-историков.

Большинство ученых, начиная с русских исследователей XVIII—XIX вв. — В. В. Татищева, Н. М. Карамзина и др., считали кыпчаков тюркоязычным народом. Эти взгляды еще больше укрепились уже в конце XIX— начале XX в., благодаря работам Н. А. Аристова, В. В. Бартольда, В. Ф. Минорского и ни у кого в настоящий момент, включая автора данного исследования, не вызывают сомнения. Однако, учитывая определенную неразработанность проблемы, полезно вернуться к проверке этой теории, даже если она стала хрестоматийной.

Фактический материал по характеру источников можно разделить на историческую, лингвистическую и археолого-этнографическую группы. Наиболее разработаны историческая и лингвистическая части.

Вопрос о самом раннем появлении этнонима *кыпчак* в литературе остается открытым. А. Н. Бернштам впервые обратил внимание на китайское летописное известие — историю Сынмь Цяня (II в. до н. э.) «Шицзи» (Исторические заметки), в которой говорилось о завоевательных походах гуннского шаньюя Модэ, покорившего на севере вместе с киргизами, динлинами и синьли народ цюйше[83]. Согласно А. Н. Бернштаму, этноним *цюйше* (кюйше) в старокитайском произношении этих иероглифов должен был звучать как кыйчак и передавал, таким образом, самое

---

[83] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... С. 50.

древнее название этнонима *кыпчак*[84]. Этой точки зрения придерживаются многие исследователи[85]. Существует и другое мнение, высказанное еще Н. А. Аристовым, который предполагал, что под этнонимом *кюйше* нужно подразумевать племя кучук[86]. К аналогичному выводу пришел и Ю. А. Зуев[87]. С. Г. Кляшторный отмечает, что «попытка реконструировать название упомянутого Сыма Цяня (II в. до н. э.) племени цюйше как кыпчак... не оправдана фонетически (консультации С. Е. Яхонтова)».

Как уже отмечалось, конкретно имя «кыпчак» в том виде, в котором оно утвердилось в историографии до наших дней, восходит к середине VIII в. Этот этноним упомянут в надписи «Селенгинского камня»[88]. Цитата утверждает, что в стране тюрков и подвластных им в определенное время тогузогузов (уйгуров) господствующей группой племен были тюрки и кыпчаки.

С момента открытия этой надписи (речь идет о строке, где фигурируют кыпчаки), отношение к ней было двоякое. В. В. Бартольд, П. Пелльо, В. Ф. Минорский, в своих исследованиях так или иначе затрагивающие кыпчакскую проблематику, ничего не говорят об известиях из монгольских степей. В то же время советские исследователи безоговорочно приняли предложенную конъектуру Г. Рамстедта. С. Г. Кляшторный, много лет занимавшийся выяснением подлинности предложенной версии Г. Рамстедта, после определенных колебаний[89] пришел к заключению, что «чтение

---

[84] *Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // СЭ. 1947. № 6—7. С. 154.

[85] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 10; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 32; *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 17 и др.

[86] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 3—4. С. 322.

[87] *Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.

[88] *Кляшторный С. Г.* Кыпчаки в рунических памятниках. Л., 1986. С. 162.

[89] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И., Шаниязова К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. 1975. № 4. С. 108. (Авторы в этой рецензии утверждали, что наличие в тексте лакуны не позволяет согласиться с мнением Г. Рамстедта).

первого слова как türk безусловно верно, а реконструкция |[qy] bcaq|, судя по следам знаков, сохранившихся в подвергшейся эрозии части строки, вполне обоснована» [90].

Возвращаясь к контексту надписи, где сказано «тюрки-кыпчаки властвовали...», можно предположить, что в данном случае два этнических наименования выступают как синонимы. Достаточно широко известный в раннесредневековой истории Центральной Азии народ тюрков, создавший в степях Монголии могущественные государственные образования — I и II Восточнотюркские каганаты, это на самом деле искомые кыпчаки или правящий династийный род древних тюрков. В таком случае представляется, что решение вопроса лежит на поверхности. Кыпчаки — это древние тюрки (речь идет о периоде, когда этот термин имел еще этническое наполнение, а не политическую окрашенность), и проблема решения вопроса о происхождении кыпчаков упирается в выяснение этногенеза самих тюрков — тюгу.

Хотя предложенное Г. Рамстедтом слитное чтение «тюрки — кыпчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. «Надписи не знают случаев слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов, — пишет авторитетный знаток каменной древнетюркской письменности С. Г. Кляшторный. — Более того, семантика каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения. Поэтому, видимо, следует предпочесть обычное для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов, как самостоятельных имен: «тюрки и кыпчаки (кывчаки)» [91].

Совместное упоминание тюрков и кыпчаков в контексте эпитафии указывает на их политический союз и военное единство, сложившееся в Центральной Монголии после покорения уйгуров, предводитель которых Элетмиш Бильга-каган в 744 г., в год разгрома союзников, вспоминает, что они над его народом господствовали 50 лет. Значит, уже к концу VII в. кыпчаки представляли собой настолько сильное объединение, что пойти на союз с ними не сочли для себя зазорным

---

[90] *Кляшторный С. Г.* Кыпчаки... С. 154.
[91] Там же.

руководители II Тюркского каганата, имевшие уже традицию государственности и репутацию могущественного народа. Однако попытаться в источниках того периода отыскать хотя бы малую толику известий о народе под именем *кыпчак* невозможно. Приходится констатировать, что нет ни одного повествования периода средневековья о восточной части центральноазиатских степей, где бы содержались сведения о прошлом кыпчаков.

С. Г. Кляшторный в этой связи пишет: «Отсутствие каких-либо упоминаний о кыпчаках ранее VIII—IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники» [92] и, пытаясь разобраться в этой загадке, предлагает остроумное и в то же время всесторонне аргументированное решение проблемы. Суть его заключается в следующем.

Могущественный союз двух народов — тюрков и кыпчаков, непременно должен был быть запечатлен в письменной традиции как древнетюркских, так и китайских памятников. И, действительно, этот союз запечатлен в надписи Тоньюкука около 726 г. под именем тюрков и сиров. В надписи в честь Бильге-кагана 735 г. племя шести сиров идет сразу же за тюрками, но впереди огузов. Таким образом, подчеркивается высокое положение сиров в иерархии племен. Из сопоставления сведений рунических памятников о господствовавших в Тюркском каганате племенных союзов С. Г. Кляшторный сделал следующий вывод: «Господствующую группу племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу (Селенгинский камень, — *С. А.*) называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские памятники пользуются этнонимом *сир*, а уйгурский памятник — этнонимом *кыбчак*. Другими словами, оба эти этнонима тождественны...» [93].

А как именовалось племя сиров в китайской историографии? Оказывается, что этноним, обозначенный

---

[92] Там же. С. 153.
[93] Там же.

в китайской транскрипции как се, соответствует sir тюркского памятника, и племя, именовавшееся в китайских источниках сеяньто, в надписи Тюньюкука названо сир [94]. Таким образом, отыскались следы кыпчаков и в период ранее VIII в. — они, действительно, были «зашифрованы» и скрывались под этнонимом *сеяньто*. Наиболее ранние фазы историко-этнической жизни кыпчаков следует теперь рассматривать в русле истории сеяньто.

Сеяньто принадлежали к одному из двух бытовавших в восточной части Центральной Азии в середине I тыс. н. э. крупных объединений тюркоязычных кочевых племен — тюрков и теле, а именно к теле. В «Тан шу» сказано: «Между телесскими поколениями это было самое сильное» [95], в другом месте информаторы отмечают, что сеяньто «особое поколение теле» [96]. Телесская коалиция племен, полиэтническая по своему составу, занимала огромное пространство Евразийских степей от «Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе» [97].

Исторические судьбы телесских племен тесно переплетаются с судьбами древних тюрков. Становление тюркских и телесских государств вызвало кардинальные этнические перегруппировки в Центральной и Средней Азии. Взаимные победы и поражения, с переменным успехом чередовавшиеся в течение VI—VIII вв., значительно влияли на родоплеменные объединения некогда входившие в состав гуннов, т. е. телесских племен, ибо летописные источники сообщают о том, что «предки теле были потомками хуннов» [98], а язык теле был сходен с хуннским [99]. В середине I тыс. н. э. многие группировки теле и тюрков оказались втянутыми в сферу этнополитических отношений тюркских и телеских каганатов, другие, наоборот, были вытеснены с прежних территорий новой политической силой. Это послужило причиной определенных этнических трансформаций одних племен и локальной разобщенности

---

[94] Там же. С. 195.

[95] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 339.

[96] *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 41.

[97] *Потапов А. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 151.

[98] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 36.

[99] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 214.

других. Не избежало такой судьбы и племя сеяньто.

Наиболее ранние известия о двух племенах, образовавших особое племя теле-сеяньто, «се и яньто», согласно китайским хроникам, восходят к IV в н. э., когда племя яньто было упомянуто среди гуннских племен, поселившихся в степях восточнее Ордоса. Их возглавлял шаньюй Халатоу, и народ его состоял из 35 тыс. кибиток. «Сеяньто именно их потомки. Живут смешанно с поколением сйе, отсюда называется сйеяньто» [100]. В «Таншу» более определенно сообщено: «сеяньто составилось из двух родов, се и яньто» [101]. Новую конфедерацию возглавил правящий род се, истребивший верхушку яньто, под именем Илиту (Ильтэр) [102]. «Из поколения в поколение были сильным племенем» [103]. «Обычаи большей частью сходны с тукюескими» [104], с которыми сеяньто были тесно связаны исторической судьбой.

Первое мощное проявление значимости древних тюрков было в середине VI в., когда после разгрома жуань-жуаней они образовали I Тюркский каганат. В него на вассальных правах вошли и телеские родоплеменные подразделения, которые также были разгромлены тюрками во время их похода против жуань-жуаней. Среди покоренных телеских племен были и сеяньто. Они составляли значительную прослойку в составе населения Древнетюркского каганата. Тюрки, как говорится в летописи, «их силами геройствовали в пустынях севера» [105].

В конце VI в., согласно показаниям источников, сеяньто двумя компактными, но в количественном отношении неравными коллективами проживали в двух местах восточной части Центральной Азии, что являлось довольно типичной картиной чересполосного размещения родоплеменных подразделений единого этноса

---

[100] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 41.

[101] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 339.

[102] С. Г. Кляшторный в примечании к своей статье пишет, что реконструкция имени правящего рода сеяньто принадлежит С. Я. Яхонтову. См.: *Кляшторный С. Г.* Кыпчаки... С. 163.

[103] *Кюнер Н. В.* Китайские известия. С. 41.

[104] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений. С. 339.

[105] Там же. С. 301.

для той эпохи. Меньшая группа сеяньто проживала в Хангае, где она подвергалась притеснению соседних телеских племен [106]. Другая мощная группировка сеяньто располагалась со своими кочевьями на территории между восточным Тянь-Шанем и юго-западными склонами Алтая и находилась в подчинении сначала каганов I Тюркского каганата, а после крушения его — у правителей Западнотюркского владения. Согласно, «Таншу», «сеяньтоский ишибо утвердился при горах Яньмо», т. е. надо полагать, в этих местах находилась его ставка, а его поколение, «кочевавшее от Алтайских гор на запад, служило Шеху-хану» [107] — одному из правителей Западнотюркского каганата, о котором в источнике сказано: «Был храбр... присоединил тйеле... После простер власть на весь западный край» [108].

Не вызывает сомнения, что в данном случае имеются в виду сеяньто, ведь именно они служили Шеху-хану. Кочевья, располагавшиеся к западу от Алтая, где выпасали свои стада сеяньто из поколения ишибо, должны быть привязаны к казахстанским степям, которые являются одной из территорий, где расселялись некоторые из племен телеской группировки. Среди них были и сеяньто (кыпчаки). Дело в том, что Алтайские горы, от которых идет вектор направления кочевий сеяньто на запад, по нашему убеждению, не Монгольский Алтай, как предполагают большинство исследователей, а Алтай, расположенный на территории СССР. К этому выводу мы приходим из того, что, согласно тексту «Таншу», Алтайские горы тождественны горам Яньмо, а этот ороним, как считает ряд исследователей, привязывается только к региону Восточного Казахстана, к верховьям Иртыша.

Этот термин встречен в тексте «Тундянь» китайского автора Ду Ю, жившего в VIII в., хотя и компилятивного, но надежного, как утверждает исследователь этого документа Ю. А. Зуев, источника [109]. Разбираемый текст является дорожником через территории некото-

---

[106] *Hirth F.* Nachwirte zur Inkhribt des Tonjukuk // ATIM. 1899. 2. P. 134.

[107] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... С. 339.

[108] Там же. С. 283.

[109] *Зуев Ю. А.* Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам (бома, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана // Алма-Ата. 1962. Т. 15. С. 104.

рых древних народов, проживавших, судя по всему, на юге Сибири. В нем упоминаются следующие имена — бома, гуй, кешидань и яньмо. Как пишет Ю. А. Зуев, дорожник расплывчат в определении координат, но уникален по содержанию. Племенные названия, содержащиеся в нем, становятся известными много позже середины VII в., когда был составлен дорожник [110].

Согласно тексту «Дорожника», после страны Бома (Пегие кони) «за 30 дней пути на юг... приходят к туциши (тюргеш), а еще за 30 дней пути (направление не указывается) приходят к яньмо... В тех странах много сосны и березы. Ежегодно собирают в оброк шкурки соболей, выдры (куницы?), белки и горностая» [111]. Путь в страну яньмо в дорожнике настолько неясен, что Ю. А. Зуев отказался от попытки точной его привязки к их местонахождению [112]. Нам представляется, что сведения о флоре и фауне страны яньмо и то, что она расположена к югу от страны Пегих лошадей (Бома), которую сам Ю. А. Зуев располагает в районе западнее Байкала, дают основание предположить, что речь идет, скорее всего, о каких-то южных лесных районах, богатых пушниной, т. е. районах, весьма схожих с Восточноказахстанским Алтаем. Сведения «Таншу», сопоставляющие горы Яньмо с Алтаем, только укрепляют наши предположения. Вероятно, наименование Яньмо Алтайский регион получил по имени народа яньмо, проживавшего в его пределах (этноним>топоним).

Л. Амби сближает этноним яньмо с известным позднее племенем йемек (iäm—mäk>Yemek) [113]. Более подробно это отождествление разработано Ю. А. Зуевым [114], который приводит еще один встреченный в источниках топоним, приуроченный к этому же региону, а, точнее к долине Иртыша, — Юймо. В тексте источника топониму Юймо, который Ю. А. Зуев реставрирует как Йемек[115], препровожден иероглиф «гу» —

---

[110] Там же. С. 104.
[111] Там же. С. 105—106.
[112] Там же. С. 117.
[113] *Hambis L.* Kastimet Gustim // I. A. 1958. N 3. S. 320.
[114] Там же. С. 120—121.
[115] *Зуев Ю. А.* Из древнетюркской этнонимики. С. 120.

«Горная долина», т. е. вся конструкция восстанавливается как горная долина Йемек», и она находилась в бассейне Иртыша именно в той ее части, где верхнее течение реки пробивается сквозь теснины юго-западных склонов Алтайского хребта, именуемого в «Таншу» как гора Яньмо (Йемек). Логично предположить, что ороним Йемек возник из-за расселения в этих местах йемекских племен, что и было зафиксировано в источниках. И ороним Яньмо, и народ под таким именем становятся известны в VII в. н. э. Спустя четыре века Махмуд Кашгарский отметил их на том же месте, как тюркское племя в составе кыпчаков, хотя сами кыпчаки «считали себя отдельной группой» [116]. Позднее, в XII в. йемеки встречаются в западных районах Казахстана, где о них упоминает Наджип Хамадани, говоря, что город Саксин страдал от постоянных совместных набегов кыпчаков и йемеков [117]. В составе половецких (кыпчакских) племен йемеки появляются и в южнорусских степях [118].

Как видим, источники информируют о неразделимости йемек-кыпчаков на протяжении более чем шести веков, вплоть до нашествия монголов. Эти связи зародились в VI в. в регионе Алтая. Йемеки, или яньмо, как отмечает «Тундянь», не разводили домашнего скота, их тип хозяйствования — охота на пушных зверей — полностью соответствовал окружающей природной среде — горным долинам Алтайских гор. Сеяньто (кыпчаки), согласно тем же источникам, кочевали в степях, прилегавших к отрогам Алтайских гор с юга и запада. Так как именно они занимали западные части огромных пространств, по которым расселялись племена телеской группы, то можно с большой уверенностью отнести к сеяньто слова в источнике, характеризующие тип хозяйственной деятельности теле. «Живущие у западных пределов много занимаются скотоводством, держат много коров и овец, немало лошадей» [119]. И в других местах, когда китайские источ-

---

[116] *Кашгарский М.* Девону луготит турк. Т. 3. Тошкент, 1963. С. 29.

[117] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад. 1969. С. 162.

[118] ПСРЛ. Т. 1. С. 389.

[119] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 39.

ники описывают определенные факты из истории сеяньто, в них непременно приводятся сведения о скотоводческом типе их хозяйства и о большом процентном соотношении лошадей в стадах. В свадебных подарках и в дани, которую сеяньто представляли Китаю, всегда фигурируют «бараны и лошади» [120]. Например, «Сеяньто отправил посланника с извинением, а потом отправил своего дядю представить 3 000 лошадей и при случае просить о браке [121]. Не удивительно, что у сеяньто была мощная армия, в основном состоявшая из конницы. В то время, когда сеяньто образовали на короткое время свое государство, они имели армию в 200 тыс. строевого войска и во время одного похода против вассальных Китаю тюрков каждому солдату было велено иметь четырех лошадей [122].

С самого зарождения тюрко-телеских взаимоотношений племя сеяньто всегда было объектом внимания со стороны правителей тюркских каганатов. Они не без основания опасались его и всячески старались ослабить. Например, в 605 г. «каган туцзюе Чуло разбил все поколение теле и увеличил налоги и сборы с них. Кроме того, подозревал сеяньто и других, опасался их возмущения, собрал несколько сот их главарей и всех казнил. Из-за этого теле восстали и противились Чуло» [123]. На протяжении нескольких лет борьба между ними шла с переменным успехом. Одно время, на краткий срок, теле, сгруппировавшись вокруг сеяньто, даже смогли создать свое объединение, которое страшило соседние страны. «Все государства — Иу, Гаочан, Яньци — полностью подчинились» [124].

Однако западно-тюркские каганы в конце концов взяли верх и после нескольких удачных стычек с коалицией из племен теле вынудили крупнейшее из них — сеяньто — покинуть места кочевий. «Ишибоев внук, по имени Инань, с 70 тыс. кибиток своего поколения подался к Хйели-хану» [125], т. е. они откочевали (что всегда было у кочевых народов одной из форм протес-

---

[120] Там же. С. 45.
[121] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 341.
[122] Там же. С. 340.
[123] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 39.
[124] Там же. С. 39.
[125] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 339.

та и сопротивления) на свои древние земли южнее р. Толы, где попали в подчинение восточнотюркских каганов. Но и в этих местах племя сеяньто не обрело спокойствия. Восточнотюркские каганы также притесняли их большими налогами, и тогда сеяньто восстали. Их поддержали родственные им телеские племена, в основном уйгуры. Усилившись за счет их, они в 627 г. нанесли восточным тюркам столь сильное поражение, что в конце концов в 630 г. I Восточно-тюркский каганат прекратил свое существование, а оставшиеся тюркские племена влились в состав сеяньто. Как утверждает С. Г. Кляшторный, «так было положено начало «племенному» союзу тюрков и сиров» [126].

За оставленные восточными тюрками места кочевий и за часть тюркских племен, продолжавших на них кочевать, в восточной части Центральной Азии, в Хангайском плоскогорье вели соперничество две наиболее крупные группировки из теле — уйгуры и сеяньто, которые за помощью обращались и к китайскому императору. Последнему, конечно, было выгодно поддерживать соперничество среди северных кочевых народов. На сей раз они поддержали сеяньто и их предводителя Инаня, которому предоставили «грамоту, литавру и знамя» [127]. Сам он себя провозгласил Йенчу Бильге-каганом (кит. Чжэньчжу Бильге-каган).

В степях Центральной Азии возник новый каганат, возглавляемый сеяньто. Глава их Инань (Чжэньчжу Бильге-каган) расположил свою ставку на северной стороне пустыни Гоби, на правом берегу р. Толы, у западных отрогов Хангайских гор [128]. В период расцвета каганат имел границы, с которыми соприкасались на «востоке Шивэй, на западе — Алтайские горы, на юге — тукюе, на севере — Байкал — древние земли хуннов» [129]. Сеяньто на севере подчинялись енисейские киргизы, о чем в источнике сказано: «прежде Хягасское государство зависело от Дома Сеяньто» [130]. «Сеяньто постоянно приказывали... посылать туда по одному лицу для общего управления». В этот период сеяньто

---

[126] *Кляшторный С. Г.* Кыпчаки... С. 157.
[127] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений. Т. 1. С. 340.
[128] Там же. С. 340.
[129] Там же.
[130] Там же. С. 354.

располагали армией в 200 тыс. отборных воинов и, конечно, представляли грозную силу для Китайской империи и окружающих племен и народов.

Китайские правители династии Тан и, в частности, правящий в этот период император Тайцзун, стремились, конечно, не допустить такой опасности на своих северных границах. Обеспокоенные явным усилением сеяньто, танские власти, дипломаты и военные приложили все силы для полного уничтожения каганата сеяньто.

Для еще большего ослабления каганата сеяньто китайский император «вследствие усиления сеяньто, опасаясь последующих затруднений, постановил пожаловать обоих малыми ханами, каждому пожаловать барабан уделы его (Инаня) двум сыновьям раздельно, сделать и знамя. Внешне (им) были оказаны милости и уважение, на деле разделено их могущество» [132]. Далее в этом же источнике сообщается: «В 19 г. (645), в 9 луну, из двух сыновей Чжэньчжу старший Сйехун (Иман), второй Бачжо сначала были раздельно поставлены малыми каганами. Теперь, когда Чжэньчжу умер, Бачжо убил своего старшего брата Сйехуна и сам воцарился. Он стал каганом (под именем) Доми» [133].

Как видим, правители Китая в борьбе с потенциальным противником использовали все возможные средства для ослабления и в конечном счете полного уничтожения его. Так, когда в 646 г. недовольные правлением нового кагана сеяньто Бачжо подвластные ему племена из теле — уйгуры, пугу, доланьгэ, адйе, си и др. — обратились за помощью к танскому императору, он с готовностью пошел на союз с ними. Так как «Бачжо не был милостив к подчиненным, он казнил многих вельмож, служивших при его отце» [134], большинство тогузогузских племен отложилось от него и в союзе с китайской армией и восточными тюрками разгромило армию сеяньто, а самого Бачжо, бежавшего с поля сражения, уйгуры вскоре «убили и истребили весь его род» [135], «захватили его земли» [136]. Сеяньто

---

[132] Там же. С. 44.
[133] Там же. С. 46.
[134] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 342.
[135] Там же. С. 343.
[136] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 46.

после этих событий рассеялись и распались на несколько групп. Большая масса их, 70 тыс. чел. бежали на запад [137], где пытались снова собраться с силами. Однако «все старшины девяти фамилий теле (тогузогузы, уйгуры), услышав об их поселении, этого испугались» [138]. Китайские правящие круги также опасались их возрождения, поэтому союзники предприняли энергичные действия для того, чтобы добить остатки сеяньто. Танский генерал Ли Цзы настиг часть народа сеяньто у северного хребта Отюкен и «порубил до 5 000, в плен взял до 30 000 стариков и детей и так уничтожил его...» [139].

Более подробно борьбу Танского государства с сеяньто охарактеризовал А. Г. Малявкин [140]: он указывает еще два пункта, где были настигнуты и разгромлены сеяньто. В августе-сентябре 648 г. они были разбиты в районе Монгольского Алтая, а еще через месяц сеянто в союзе с племенами чуми и чуюе отбивались от нападения Ашин Шера, еще западнее, где-то в Восточном Казахстане, куда бежала от преследования часть многострадального племени, на свои прежние кочевья. Как сообщает китайский источник: «В общем уничтожили сеяньто» [141].

Однако можно предположить, что было уничтожено государственное образование под главенством племени сеяньто, а не народ. Часть их ушла в западный край, в степи Казахстана, часть осталась на прежних землях в Хангае, остальные рассеялись по другим местам. Недаром в компилятивном труде «Танхуйяо» в разделе «Тамги лошадей из вассальных княжеств», где говорится о лошадях племени яньто (сеяньто), сказано: «Сейчас племя (живет) весьма разбросано. Большая часть из четырех отделившихся (частей племени; или из ушедших в четыре стороны) ныне находится к северу от Ючжоу» [142]. Эта информация из «Танхуйяо» отмеча-

---

[140] *Малявкин А. Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в Восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

[141] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 47.

[137] Там же. С. 46.

[138] Там же.

[139] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений. С. 343.

[142] *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 97.

ет реальные события середины VII в., когда пал могущественный Сеяньтинский каганат, а земли его разделились на округи и уезды [143]. Один такой район обитания этого племени отмечен в источнике. Это область Черных песков (Каракумы), где танские войска, преследуя восставших тюрков, обнаружили «остатки поколения сеяньто» [144] и покорили их. Это последнее упоминание этнонима сеяньто в китайских источниках.

Дальнейшая история сеяньто — только история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Во главе новой волны тюркского народа, воссоздавшего II Восточно-тюркский каганат, стоял Гудулу (Ильтерес-каган по древнетюркским надписям). Первоначальное место его обитания, ставка, находились по южную сторону пустыни в Черных песках, т.е. там, где обитали и остатки сеяньтоского племени. Именно в этом районе могло сформироваться новое этнополитическое объединение кочевых племен тюрков и сеяньто, или, по терминологии древнетюркских эпитафий, «тюрк сир будун». С. Г. Кляшторный так описывает пятидесятилетнюю совместную историю племенного союза тюрков и сиров. «Сиры были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали... и стали грозными противниками Танской империи. В войске Ильтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 648 г. Вместе с тюрками они отвоевали Откенскую чернь, «страну тюрков и сиров» они разделили судьбу тюрков. Но судьба названий обоих племен была различна [145].

Этноним *тюрк* сохранился на века и дожил до наших дней. В середине века он хоть и потерял в основном конкретную этническую определенность, но стал известен как политический термин, собирательный образ определенной группы народов, говорящей на понятных друг другу языках. «Этноним сир после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в пер-

---

[143] Там же. С. 96.
[144] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 266.
[145] *Кляшторный С. Г.* Кыпчаки. С. 159.

вом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кыбчак-хыфчак*» [146].

Мотивируя причину смены этнического наименования сир на кыпчак, С. Г. Кляшторный пишет: «. . . появление нового этнического термина связано с примечательными и всем известными обстоятельствами — явилось ответом на события, коренным образом повлиявшее на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением этих событий была сама семантика нового племенного названия» [147], которая прозрачна и не требует сложного анализа.

Слово qyvcaq — qyberaq в языке древнетюркских памятников переводится как неудачный, злополучный, злосчастный, несчастный [148]. Согласно С. Г. Кляшторному, новый этноним у сирских племен мог зародиться после понесенного страшного поражения от внешних врагов как желание скрыться за новым именем-оберегом с уничижительным значением (несчастные, никчемные), возникшие скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике, что было типичным для тюрко-монгольского религиозно-магического мышления — представлении о неразрывной связи между предметом и его названием. Н. Л. Жуковская пишет о монгольской антропонимии так: «До сих пор встречается, хотя и редко, когда-то широко распространенный обычай замены первоначального имени на иное, новое имя. Первое имя предается забвению. Обычно это связано с выздоровлением после тяжелой болезни и осмысляется как перерождение личности. Кроме того, новое имя должно было ввести в заблуждение те «злые силы», которые вызвали тяжелую болезнь» [149].

Внезапная гибель мощного государства сеяньто породила среди уцелевших членов племени легенду о вмешательстве сверхъестественных сил, которые со всей злобой обрушились на сеяньто, решив извести их. И,

---

[146] Там же. С. 160.
[147] Там же.
[148] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 499.
[149] *Жуковская Н. Л.* Заметки о монгольской антропономии. Ономастика Востока. М., 1980. С. 14.

следовательно, надежным мог оказаться путь спасения, указанный выше, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествляемых с предками-прародителями враждебного племени уйгуров, а это были волки.

Для уйгуров же предать забвению имя сиров, а в противовес высветить их новое наименование в уничижительном значении было весьма выгодно и нужно, и «вот в памятнике Элетмиш Бильге-кагана племя, делившее власть с тюрками, названо кывчаками» [150].

Как пишет С. Г. Кляшторный, «Прошло немало времени. Были забыты и причины появления имени кывчак и его семантика, мало приемлемая для этнического самосознания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда» [151], также появившаяся среди племен, входивших в объединение тогузогузов, наиболее многочисленными среди которых были уйгурские племена.

Согласно этим преданиям, легендарный Кыпчак был сыном одного из военных сподвижников Огуз-кагана, именовавшего себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк», и дарующего своим ближним бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских племен, что является действительным отражением исторической значимости телеских племен в раннесредневековой истории племен и народов Центральной и Средней Азии.

В легенде об Огуз-кагане, приведенной у Рашид ад-дина, кыпчаки были одним из 24 племен огузов. В ней говорится, что «племена кыпчак, калач и агач-эри происходят из того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом» [152]. Мифический мальчик, которому Огуз-каган присвоил имя Кыпчак и по имени которого назвали его племя, родился во время неудачного похода огузов на племя ит-барак. Мальчика нашли в дупле дерева, что и отразилось на его имени. «Это слово — производное от слова «кобук», что по-тюркски означает «дерево со сгнившей сердцевиной» [153].

---

[150] *Кляшторный С. Г.* Кыпчаки...С. 161.
[151] Там же.
[152] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 83.
[153] Там же. С. 84.

Абул-Гази замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кыпчак» [154], т. е., как видим, прежнее значение слова qubcaq ~ qyvcaq стало означать конкретный предмет — «пустое, сгнившее дерево».

По другой легендарной версии из круга эпоса об Огуз-кагане, события, предшествовавшие появлению на свет мальчика по имени Кыпчак, произошло на земле, «которая обширно поросла деревьями». Чтобы переправиться через реку, Огуз-каган приказал срубить деревья. Во время переправы он якобы сказал ребенку, только что родившемуся на плоту, сооруженному из деревьев: «О, будь ты также князем, как и я, и пусть имя твое будет Кыпчак» [155].

В приведенных легендах обращает на себя внимание непременно упоминавшаяся связь появления кыпчака с деревьями, т. е. в происхождении кыпчаков непременным атрибутом выступают дерево и лес. В древних этногенетических легендах о происхождении того или иного народа каждая деталь сюжета имеет скрытую генетическую подоснову, в каждой атрибутике имеется зашифрованный намек на действительные события из жизни определенного этнического коллектива. Обязательное упоминание дерева и леса в преданиях о наиболее ранних периодах этнического развития кыпчаков не может не вызвать предположения о том, что кыпчаки происходили из той местности, в которой лес постепенно сменяется степью, т. е. в лесо-степной зоне. Небезынтересно, что вместе с кыпчаками у Рашид ад-дина упоминается и народ, обитавший в лесной зоне. Он известен под названием народ «агач-эри» (в переводе с тюркского — «лесные люди») [156].

Мальчик, получивший имя Кыпчак, ставший персонифицированным этнонимом, появляется после неудачного похода Огуз-кагана на племя ит-барак. После сокрушительного поражения Огуз-каган бежал «по эту сторону от места, где произошла битва, там протекали

---

[154] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 43.

[155] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. Спб., 1893. С. 25.

[156] *Рашид ад-дин.* Указ. раб. С. 123. Согласно ему, к лесным племенам относились урасут, теленгут, куштеми, лесные урянкаты. Он пишет: «Всякие племена, у которых юрты были по лесным местам, называли лесным племенем».

две большие реки»[157]. На острове, образованном течением двух рек, Огуз-каган обосновался, и тут же, в дупле дерева, родился мальчик. Очевидно, чтобы установить место рождения ребенка, а следовательно, и первоначальную локализацию кыпчакских племен, нужно прежде всего определить район обитания народа под именем ит-барак. Согласно легенде, ит-бараки обитали «по сторону Хитая... в неприступных горах»[158].

По вопросу локализации этого мифического племени не существует единого мнения. И. Маркварт относит их к району Волжской Булгарии[159]. В. Ф. Минорский, основывая свои суждения на информации ал-Марвази о землях Киргизии, в которой водились собаки размером с быка, высказал предположение о том, что мифическую страну ит-бараков следует искать на Енисее, где обитали в тот период киргизы[160]. Такое предположение, по нашему мнению, подтверждается тем, что в районе севернее отрогов Саяно-Алтайских гор издавна бытовал тотемический культ собаки. О локализации в III в. до н. э. племени кучуков (собак) к северу от Алтая свидетельствуют китайские хроники[161]. Об этом же племени кучугур (кучук+гур)[162] сообщают тибетские источники VIII в.[163] В начале XIII в. о них писал Плано Карпини[164]. Как видим, тотем собаки был широко распространен у народов юга Сибири, что объясняется в первую очередь важной ролью собаки в их хозяйственной деятельности. Интересно ,что по представлениям киргизов красная собака (кызыл тайган) была их мужским предком, прародителем[165].

Исходя из всего сказанного можно с большой долей вероятности предположить, что мифическое племя

---

[157] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. С. 43.

[158] Там же.

[159] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen... S. 146.

[160] *Minorsky V.* Shaqf al-Zaman Tahir Marvazi... P. 105.

[161] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. 1. С. 50.

[162] О значении аффикса qyr/qir см.: *Menges K.* Etymoqical notes of some pacanag names «Byzanticon». 1946. V. 17. P. 270.

[164] Путешествие в восточные страны Плано Карпини... М., 1957. С. 72.

[163] *Bacot J.* Recconalssance en Haute Asie Septentrionale par cing envoges Ouiqours an VIII-e siecle // JA. 1956. V. 254, N 2. P. 152.

[165] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 418.

ит-барак проживало на землях, примыкающих с севера к Саяно-Алтайским горам, в долине Енисея. Возможно, под ит-бараками подразумеваются киргизы, ведь именно они в середине IX в. нанесли сокрушительное поражение уйгурам, уничтожив их государство с центром на Орхоне, что и нашло свое легендарное отражение в представлении о победе ит-бараков над Огуз-каганом, именовавшем себя «уйгурским каганом».

По отношению к стране ит-бараков лесостепная территория с обилием деревьев, ставшая колыбелью легендарного мальчика по имени Кыпчак находилась южнее, следовательно, вполне возможно предположить, что первоначальным местопребыванием кыпчаков были именно южные склоны Саяно-Алтайских гор и степей, примыкающих к ним с юга. Если же теперь сопоставить эти данные с местом кочевий вполне конкретных племен сеяньто (кыпчаков), земли которых, по данным китайских летописных сводов, располагались на территории между отрогами Тянь-Шаня и юго-западных склонов Алтайских гор, наши выводы приобретают факт достоверности.

По этому вопросу имеется мнение Д. Г. Савинова, который, приняв за основу наш тезис о том, что этногенез кыпчаков проходил в лесостепной зоне, пишет далее: «Однако не в Монголии, как полагает автор, а именно в лесостепной полосе Западной Сибири» [166]. Основными его аргументами привязки ранних кыпчакских племен к лесостепной полосе юга Западной Сибири являются археологические материалы и данные арабских письменных источников ,описывающих события IX—X вв., а также сомнения Д. Г. Савинова в достоверности написания имени кыпчак на «Селенгинском камне». Он пишет: «На самом деле, в связи с новыми исследованиями селенгинской надписи нет никаких оснований привязывать этногенез кыпчаков к Центральной Азии» [167].

В настоящее время с учетом исследования С. Г. Кляшторного достоверности бытования имени кыпчак на древнетюркской эпитафии, сомнения Д. Г. Са-

---

[166] *Савинов Д. Г.* Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 59.

[167] Там же.

винова отпадают. Что касается известия ряда арабо-, персоязычных информаторов о привязке кыпчаков в столь раннее время к югу Западной Сибири, то они основываются у Д. Г. Савинова на традиционном представлении о тождестве кыпчаков кимакам, которые, действительно, в указанный период могли проживать на территории Западной Сибири. На другой аргумент — археологический, автор отвечает сам: «Археологические памятники кыпчаков этого времени пока не выделены. Надо думать, что перспектива их выделения наиболее реальна в рамках сросткинской культуры IX—X вв., этническую принадлежность которой больше всего есть оснований определять как кимакскую в широком этнополитическом значении термина. Четкие границы между кимакскими и кыпчакскими вариантами сросткинской культуры пока определить трудно» [168].

Как видим, предположения Д. Г. Савинова основаны пока на довольно слабо аргументированных доказательствах. Мы, конечно, не отрицаем факта расселения кыпчаков на территории юга Западной Сибири и Севера Казахстана и степени участия в какой-то мере в окончательном сложении культуры многих племен и народов этого региона, однако они проходили в более позднее время — в конце I и начале II тыс. н. э. Ранние этнические истоки их истории следует все же искать на территории северо-западной Монголии и юга казахстанского Алтая и прилегающих к ним регионов.

В доказательство этого положения приведем еще, на наш взгляд, интересный факт. Рашид ад-дин ставит племя кыпчак в один ряд с племенем агач-эр, как происходящие от одного народа. Сейчас известно, что к категории «лесных народов» относились в основном телеские племена, обитавшие в горнолесистых районах, простирающихся с запада на восток от верховьев Иртыша (южные склоны Алтайских гор) до Хангайского нагорья [169].

Показав широкое расселение в раннем средневековье племени сеяньто, отмеченные в различных районах восточной части Центральной Азии в зависимости от политической ситуации, что является характерным

---

[168] Там же. С. 60—61.

[169] *Потапов Л. П.* Этнический состав... С. 151.

для периода сложения раннефеодальных отношений и сложения народностей, и кратко изложив их политическую историю периода телеских и тюркских каганатов и историю замены коренного этнонима сирсеяньто на новый — кыпчаки, мы имеем основание говорить о центральноазиатском периоде жизни кыпчаков и рассматривать это племя в указанное время как принадлежащее к телеской группе народов Центральной Азии.

После разгрома уйгурами в 744 г. II Восточнотюркского каганата, во главе которого стояли тюрки и кыпчаки, бывшие союзниками, в основной своей массе были вынуждены покинуть современные монгольские степи. Кыпчаки ушли на запад к близкородственным им племенам, продолжавшим, несмотря на все политические неурядицы, кочевать в восточной части казахстанских степей, а может быть, и западнее.

Знаток китайских документов о тюрках китайский тюрколог Цэнь Чжуньмянь приводит со ссылкой на главу 99 «Бейши» перечисление племен, живших к западу от Алтая, входивших в группу теле, которых китайский географ VIII в. считал потомками хуннов. По его данным, «На север от государства Кан, по реке Адэ, живут хэдэ, хэцзэ, боху, бичань, чжуйхай, хэбиси, хэцо, суба, емо, хэда. Все они в количественном отношении составляют три тумена (т. е. имеют 30 тыс. войск)» [170].

Так как государство Кан (Самарканд, или Согд) занимало долины Амударьи и Зеравшана [171], то перечисленная группа телеских племен к западу от Алтая и к северу от Средней Азии кочевала по просторам Западного и Центрального Казахстана. Обратим внимание на имя хэбиси, о котором Цэнь Джуньмянь пишет, что хэбиси — это китайский вариант названия племени кыпчак, где последний иероглиф си в кантонском диалекте читается как сик,и вся конструкция восстанавливается как хэбисик — кыпчак [172].

Таким образом, можно предположить, что имя кыпчак в VIII в. помимо бытования в среде телеских

---

[170] *Цэнь Чжуньмань.* Туцзюе цзиши (Сводная история тюрков). Пекин, 1958. Т. 1. С. 678.

[171] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 3. 1953. С. 180.

[172] *Цэнь Чжуньмянь.* Указ. раб. С. 670.

кочевых племен каким-то образом просочилось и на страницы китайских официальных документов под именем хэбиси — китаизированном варианте этнонима кыпчак. На правильность такой дешифровки указывают и аналогичные реконструкции топонимов и этнонимов в древнекитайской передаче: ань-си-арсак, да-тань-татар, юе-ни-йери [173]. В таком же ключе, по нашему мнению, можно дешифровать и два других этнонима, приведенных в вышеуказанном списке — бичань —печенег и емо (яньмо?) —йемек.

Согласно тибетским переводам отчета уйгурских послов, в VIII в. печенеги (be — ca — pag) обитали между Балхашом и Сырдарьей [174]. Приведенный список кочевых племен китайского автора VIII в. отражает, видимо, реальное положение действительно существовавших этносов на географической карте Казахстана того периода, и среди них упоминаются кыпчаки. С этого времени первые известия о них стали эпизодически появляться уже в новом круге письменных источников — в мусульманской литературе, что также является отражением их подлинной локализации на ближайших подступах к пределам оседло-земледельческих и государственных образований Средней Азии и Ближнего Востока.

В арабо-персидских нарративах впервые о кыпчаках сообщает Ибн Хордадбех в своем списке тюркских народов: «Страна тюрок: тогузогузы — их область самая большая... они граничат с Китаем, Тибетом и карлуками. Затем кимаки, гузы, джигиры, печенеги, тюргеши, азгиши, кыпчаки, киргизы...» [175]. Все исследователи, пользовавшиеся этим списком племен, считают, что, хотя Ибн Хордадбех составил указанный перечень народов в IX в., он, по-видимому, несколько старше его времени и относится к VIII в. [176] К более раннему периоду относится и информация анонимного автора X в. труда «Худуд ал-Алам», в котором сказа-

---

[173] *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей... С. 107.

[174] *Bacot J.* Reconnaissanse en Haute Asie septentrionale psr cing envoyes Ouigours au VIII-me siecle // JA. 1956. T. 11. P. 147. *Clauson J. A.* Propos du manuscrit Pelliot tibetain 1238 // JA. 1957. T. 255. N 1. P. 11.

[175] Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). М.; Л. Т. 1. 1939. С. 144.

[176] Там же.

но, что «южные границы кыпчаков соприкасаются с печенегами, а все остальные границы — с северными землями, где никто не живет...» [177].

В свете приведенных сообщений в отчете уйгурских послов о проживании печенегов в VIII в. между Балхашом и Сырдарьей можно поместить кыпчаков севернее их, что приходится на территорию Центрального Казахстана. Не случайно, на наш взгляд, Ибн Хордадбех поставил кыпчаков в своем перечислении после печенегов, тюргешей и азгишей и перед киргизами. Азгиши (аз+киши), люди племени аз, после понесенного поражения от восточных тюрков в 716 г. передвинулись на юго-запад и слились с тюргешами [178]. В. В. Бартольд сопоставлял азов с поколением тюргешей Семиречья — азийцами [179]. Тюргеши, азгиши и печенеги, как видим, расселялись к концу VIII в. в южной части современного Казахстана. Там же, в восточной части Семиречья, проживали и джигири (чигили) [180], выделившиеся из состава карлуков, которые, в свою очередь, до середины VIII в., а вернее, до 766 г., кочевали между Южным Алтаем и Тарбагатаем, имея соседями на севере племена йемекской группы [181]. В 766 г. карлуки под давлением северных соседей переселились в Семиречье, потеснив оттуда значительную часть огузов, которые откочевали в Приаралье и нижнее течение Сырдарьи [182], в дальнейшем в орбиту их притязаний были включены степи к северу от Аральского моря, т. е. территория Западного Казахстана. Киргизы сидели на Енисее, затем в ходе завоевательных походов образовали крупное Древнехакасское государство — Кыргызский каганат, включавшее в свой состав Алтай и его северные, степные предгорья.

Проведенный краткий анализ расселения тюркоязычных племен из списка Ибн Хордадбеха во второй половине VIII в. на территории древнего Казахстана не составляет сомнения, что кыпчакам отводится регион проживания только в пределах Центрального и

---

[177] *Minorsky V.* Hudud al-Alam... P. 101.
[178] История Тувы. 1964. Т. 1. С. 81.
[179] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. М., 1963. Т. 2. Ч. 1.
[180] Ibid. P. 301.
[181] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 113.
[182] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 128.

Северного Казахстана. Действительно, на востоке и северо-востоке сидят йемеки и киргизы, на юге — вначале огузы, тюргеши-азгиши, чигили, затем карлуки, на юго-западе и западе — печенеги и огузы. Остаются границы «с северными землями, где никто не живет...» или «окружающее море», как называют арабо-, персоязычные источники таежные пространства Северной Азии.

О том, что кыпчаки появляются в этих местах из районов, являвшихся эпицентром телеских группировок, среди которых не последнюю роль играли тогузогузы (уйгуры), свидетельствует легенда об Огуз-кагане, мифическом предке уйгуров, в которой говорится: «Он послал род кыпчаков, чтобы они поселились между страной ит-бараков и Яиком... с той поры там и находятся летние и зимние кочевья кыпчаков» [183]. Перед нами в общем плане показаны западные и восточные пределы страны кыпчаков, восточные границы которой соприкасаются с территорией киргизов, а западные проходят по р. Урал, где кочевали печенеги, затем огузы [184]. Примечательно совпадение времени господства кыпчаков на территории Казахстана, приводимого в легенде, с достоверными историческими фактами. Согласно преданию, Огуз-каган дождавшись возмужания Кыпчака, послал его против взбунтовавшихся (значит, до того ему подчиненных) народов, среди которых упомянуты маджары и башкиры. Кыпчак их усмирил и 300 лет царствовал в этой стране со «времен Огуз-хана до времени Чингисхана» [185]. Говоря историческими фактами, это вторая половина X в. (время политического осознания кыпчаков в степях Казахстана) до первой трети XIII в. (время монгольского нашествия). Как уже отмечалось, первые появления кыпчаков на территории Казахстана, согласно источникам, фиксируются в VII в., но в этот период они еще не играли той заметной роли в этнополитической истории Евразийских степей, какую обрели в начале II тысячетелия н. э. Этот период консолидации кыпчаков отмечен в легенде

---

[183] МИТТ. М., Л., 1939. Т. 1. С. 498.

[184] *Агаджанов С. Г.* Указ. раб. С. 129.

[184] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 44.

об Огуз-кагане, по всей вероятности, как период «возмужания Кыпчака».

Сравнительно-исторический анализ комплекса данных, содержащихся в пределах об Огуз-кагане и нарративных источниках, позволяет сделать некоторые выводы.

Наиболее ранний период развития кыпчаков протекал в восточной части Центральноазиатских степей в тесной связи с телеской группой племен и древними тюрками. В середине VII в. в степях Центральной Монголии на относительно короткий срок был создан каганат из телеских племен, главенствующее положение среди которых занимали сеяньто (кыпчаки). Из-за междоусобных конфликтов и происков правителей Танского Китая он вскоре был уничтожен. Часть племени сеяньто ушла в Казахстанские степи, оставшаяся группа племен сеяньто поддержала в конце VII в. восстание тюрков и вместе с ними стало одним из организаторов II Восточно-тюркского каганата, в состав которого на вассальной основе вошли племена тогузогузов, которыми союзники правили 50 лет.

Причиной новой волны переселения кыпчаков (сеяньто) в западные края, нашедшей свое отражение и в легенде об Огуз-кагане, и в письменной традиции, послужили события середины VIII в., когда уйгуры и союзные им телеские племена нанесли сокрушительное поражение II Восточно-тюркскому каганату (племенному союзу тюрков и сиров), т. е. тюркам и кыпчакам, и на развалинах последних создали Уйгурский каганат (745—840 гг.) — одно из крупных средневековых государственных объединений, захватившее почти на 100 лет политическую гегемонию в Центральноазиатских степях. Границы нового государства почти полностью укладывались в пределах II Восточно-тюркского каганата, т. е. западные и северные его очертания проходили по Саянским и Алтайским горам. Если древние тюрки в основном влились в этнический состав вновь созданного объединения, то кыпчаки, согласно письменным сведениям и данным археологических источников, ушли в подавляющей своей массе в пределы Восточного и Центрального Казахстана.

Благодаря археологическим исследованиям погребальных памятников центральноазиатского региона, относящимся к эпохе средневековья, ученые выя-

вили особый тип погребального обряда — трупоположение с конем, характерный исключительно для кочевых племен Евразийских степей и являющийся прямым отражением ведущего положения лошади в хозяйственной жизни этнополитических объединений, тюркских и телеских, Центральной Азии. Этот обряд встречается на огромной территории — от Хангайского плоскогорья на востоке до степей Центрального Казахстана на западе, от Минусинской котловины на севере до Тянь-Шаньской горной системы на юге, — т. е. практически на территории складывания и существования этнополитических объединений тюрков и теле.

Для более конкретной привязки обряда погребения человека с конем к определенной крупной этнополитической группировке центральноазиатских племен следует четко выявить мнения китайских источников о погребальной обрядности тюрков и теле.

Исконным обрядом погребения у древних тюрков китайские источники называют трупосожжение. Когда умирал представитель тюркского этноса, «тело покойника полагают в палатку... закладывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву... потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают, собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу»[185]. Как нам представляется, в данном контексте, несмотря на замечание Н. Я. Бичурина о том, что здесь описывается обряд похорон «хана, и по нем знатных и богатых людей»[186], речь идет о всеобщей обрядности, присущей как рядовым членам, так и представителям знати тюркского общества. Кроме того, мы имеем информацию китайского источника о том, что тюрки сжигали своих погибших на поле боя воинов[187], что, бесспорно, свидетельствует о наличии обряда трупосожжения не только у элиты тюркского общества, но и рядовой ее массы.

Однако в первой трети VII в., согласно тем же китайским источникам у тюрков произошла смена погребальной обрядности — от сжигания мертвых они

---

[185] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 230.
[186] Там же.
[187] *Liu Mau-tsai.* Die chinensischen Nachriechten. Bd. 1. S. 95.

переходят к погребению их в землю [188]. Такие действия были настолько необычными для современников, что вызвали даже реплику китайского императора Тайцзуна, обвинившего тюрков в нарушении традиции и обычаев предков, что и вызвало, по его мнению, крушение их государства [189]. Именно эти сведения послужили основным аргументом для С. А. Теплоухова, Л. Р. Кызласова, Л. П. Потапова, А. Д. Грача, С. И. Вайнштейна и др. [190], считающих, что погребения с конем принадлежали тюркам (в узком, этническом значении этого термина) и являются наиболее характерным видом археологических памятников в пределах созданных ими тюркских каганатов. Такой вывод исследователей не вызвал бы возражений, если бы мы не имели другой информации китайских хроник, отмечающих, что в 634 г. последний каган I Тюркского каганата Хели был сожжен «по кочевому обычаю» [191], а через пять лет, в 639 г., также был «по кочевому обычаю» кремирован его племянник Хэлоху. Примечательно, что в приведенной информации о погребении Хели-кагана и Хэлоху ничего не говорится о конкретной форме погребений под курганами, насыпанными над их прахом. Подробности, которые, бесспорно, были известны китайским информаторам, просто не приводятся. Как это часто бывает, авторы опускают многие детали, которые им кажутся обычными или уже известными по предыдущим сообщениям и поэтому не заслуживающими внимания, но которые бы отметили наблюдатели, менее знакомые с тюркской этнической средой.

Вероятно, смена погребального обряда у тюрков была лишь временным отступлением от обычаев предков, вызванным совокупностью экстраординарных событий, вполне вероятно, из-за понесенных сокрушительных поражений от телеских племен, среди которых ведущую роль играли сеяньто, и стихийным бедствием,

---

[188] Ibid. S. 193.

[189] Там же. С. 203.

[190] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969; *Потапов Л. П., Грач А. Д.* Тува в составе Тюркского каганата // История Тувы. Т. 1. М., 1964; *Грач А. Д.* Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968; *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ, 1966, № 3.

[191] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 256.

когда у тюрков «свирепствовала зараза, и по южную сторону Долгой стены лежали груды человеческих костей» [192]. Видимо,. боясь распространения эпидемии, император Китая «приказал начальствам принести жертву из вина и сущенного мяса и похоронить их» [193]. По какому обряду они были погребены — кремации или ингумации, об этом источник, к сожалению, умалчивает, но в этом же самом источнике несколькими строками ниже, при сообщении о смерти Хели-кагана было сказано: «Указано вельможам похоронить его. Труп Хелиев по кочевому обычаю сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону реки...» [194].

Сопоставляя приведенные контексты следует обратить внимание на приказания, свидетельствующие о придворной субординации и номенклатуре. Когда речь идет о захоронении рядовых членов тюркского этноса (это им, бесспорно, принадлежали «груды человеческих костей»), император «приказал начальствам», а когда речь зашла о представителе верховной власти тюркского общества, хотя и разгромленного, о захоронении Хели-кагана «было «вельможам указано», после чего он был «по кочевому обычаю сожжен». Нам представляется, что и рядовое тюркское население, ставшее жертвой эпидемии, было «по кочевому обычаю» также предано огню, ибо они и мертвые оставались кочевниками, и гораздо безопаснее умерших от эпидемии сжигать, чем погребать.

Складывается впечатление, что, хотя источники и сообщают о смене у тюрков исконного обряда трупосожжения на чуждое им трупоположение в первой трети VII в., в дальнейшем этот же круг источников не дает точных, вызывающих доверие, сведений о смене погребального обряда не только рядовых членов тюркского этнополитического объединения, но, наоборот, продолжает утверждать, что у верхушки их общества обряд захоронения остался прежним, т. е. покойников сжигали.

Один из исследователей тюркской погребальной обрядности, по данным археологии, Ю. И. Трифонов пишет: «Не представляют прямых данных для реше-

---

[192] Там же.
[193] Там же.
[194] Там же.

ния вопроса о смене обряда у тугю и археологические материалы, так как из всех погребений с трупоположением мне известен лишь один памятник, возможно, оставленный этой родоплеменной группой, — детская могила с «изваянием»-валуном на Алтае (Кудыргэ). Никакие другие определенно таковыми считаться не могут, если следовать букве летописного источника» [195] и, «вероятно, если смена обряда у тугю и имела место, что вызывает большое сомнение, то формой этого обряда могло стать грунтовое погребение, но без коня, т. е. одиночное погребение» [196].

Исходя из сказанного, можно констатировать, что основным типом погребального обряда в VI—VII вв. у древних тюрков, как представителей элиты, так и рядовых кочевников, был обряд трупосожжения человека и коня, сопровождающийся сооружением поминальных оградок и каменных изваяний [197].

Кому же в таком случае принадлежали погребения с конем, столь широко представленные в археологических находках, относящихся к раннему средневековью, на территории Монголии и Алтая, Южной Сибири и Казахстана? По этому вопросу существует несколько версий. Принадлежность этого обряда погребениям тюрков, как уже говорилось, недостаточно аргументирована. Д. Г. Савинов считает, что: «погребения с конем скорее относятся к местным телеским племенам, силами которых «тюрки геройствовали и в пустынях севера». Отсюда столь широкое распространение их в Южной Сибири, Казахстане и Средней Азии [198]. Согласно Ю. И. Трифонову, погребения с конем, распространенные с VI в. в пределах Тюркского каганата, «по целому комплексу признаков... не могут быть этнически идентифицированы с тюрками-тугю. Они принадлежали другим тюркоязычным племенам... Этими племенами могли быть племена теле»[199].

---

[195] *Трифонов Ю. И.* Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник. М., 1973.

[196] Там же. С. 373.

[197] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 230.

[198] *Савинов Д. Г.* Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник. 1972. С. 343.

[199] *Трифонов Ю. И.* Указ. раб. С. 374.

Китайские летописные своды не дают полной картины похоронного обряда у группировки теле, какую они оставили по обряду древних тюрков, так как в телескую этническую группу входили разнообразные племена с различными погребальными обрядами. Однако в них отмечается основополагающая разница в захоронении умерших, заключающаяся в том, что теле в отличие от тюрков не сжигали своих покойников, а хоронили их в земле по обряду трупоположения [200]. Так, уйгуры (одно из крупнейших сильных племен телеской группировки) «мертвых относят в выкопанную могилу, ставят труп на середине» [201]. Правда, нигде не сообщается о сопроводительном захоронении коня у теле, но вот основное отличие между ними — то, что покойники теле не сжигались, а хоронились, — было зафиксировано в источниках весьма четко.

Исходя из того, что именно этнополитическому объединению теле в раннем средневековье принадлежала огромная территория восточной и центральной части Евразийских степей — от восточных пределов монгольских плоскогорий до западных окраин Казахстана, от южной кромки таежных лесов Сибири до северных отрогов Тянь-Шаньских гор, где повсеместно (в большей или меньшей степени) были обнаружены погребения человека с конем, принадлежность которых к тюркам пока не доказана, следует предположить, что погребения человека с конем являлись частью погребальной обрядности телеских племен, а среди них, если сузить круг кандидатов на таковое, — сеяньто (кыпчаки). Во-первых, сеяньто на фоне телеских племен выглядят наиболее скотоводческим народом, приверженным к экстенсивным формам ведения кочевого хозяйства, с преобладанием в их стадах овец и коней. Погребение с конем становится как бы индикатором их хозяйственной деятельности, отражением главенствующей роли лошади в повседневной кочевой жизни кочевника-сеяньто, в хозяйстве (пища, транспорт), военном деле и идеологии.

Во-вторых, основной территорией кочевания сеяньто во второй половине VI—VII вв., как известно, был

---

[200] *Позднеев Д. М.* Исторический очерк уйгуров. Спб., 1899. С. 41.

[201] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений.. Т. 1. С. 216.

район южных склонов Алтайских гор в Западной Джунгарии, где для того периода был наиболее полно представлен обряд погребения с конем. Помимо Алтая такой тип погребения был обнаружен в центральной и западной частях Тувы [202], в Минусинской котловине [203], бытовал такой обряд и в Центральном Казахстане, правда, материалы по нему пока представлены весьма скромно.

Конечно, эти одновременные погребения, помимо общей объединяющей их черты сопроводительного захоронения коня, имели между собой и отличия по существенным деталям обряда, что всегда являлось прочным этническим индикатором. Такие существенные отличительные черты погребальной обрядности, как тип наземных сооружений, могильной ямы (простая грунтовая, грунтовая с подбоем, с дном могильной ямы на разных уровнях и т. д.), расположение в них человека и коня (ориентировка их, взаимное расположение костяков человека и коня и др.), набор сопроводительного инвентаря, сочетание их в одном погребальном комплексе, свидетельствуют о неоднородности этих памятников. Это разнообразие следует связывать не с различием социального, имущественного порядка, хотя и это надо иметь в виду, а с различием этнического порядка. Какова, в таком случае, была типичная, погребальная обрядность для телеского племени сеяньто — кыпчаков кроме известного нам, присущего им трупоположения с конем?

Благодаря интенсивным археологическим работам, проводимым в последние десятилетия в Восточном Казахстане, в Верхнем Прииртышье и в Юго-Западных отрогах Алтайских гор, где в 60-е гг. работала археологическая экспедиция Усть-Каменогорского пединститута и краеведческого музея под руководством Ф. Х. Арслановой, а в 1980—1983 гг. — Шульбинская археологическая экспедиция Института истории, архео-

---

[202] *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве. Полевой сезон 1957 г. // Тр. ТКЭАН. 1960. Т. 1; *Трифонов Ю. И.* Древнетюркская археология Тувы // УзТНИИЯ ЛИ. 1971. Вып. 15.

[203] *Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музя им. Н. М. Мартьянова. Минусинск. 1929. Т. 6. Вып. 2.

логии и этнографии АН КазССР под руководством автора книги, количество погребений с трупоположением, исследованных экспедициями, увеличилось почти на 100 ед. Они были представлены двумя основными категориями — погребением с конем или его частями (шкурами животных?) и погребением без конских остатков [204].

Тщательный анализ такого большого количества конско-всадннческих погребений, причем обнаруженных в одном компактном регионе, позволили выделить среди них очень устойчивый вариант погребения с конем, характеризующийся левосторонним по отношению к человеку расположением лошади и однонаправленной с ним ориентировкой (головой на восток и северо-восток) [205].

Могилы именно этого варианта, сочетавшиеся преимущественно с двумя группами захоронений (в простых ямах и ямах с приступками) и представленные в данном сочетании подавляющим большинством верхнеприиртышских погребений с конем, находят себе настолько близкие параллели в некоторых памятниках Горного Алтая (Туэкта, курганы 4, 7, 9, кольца 1,5; Яконур, курган I, могила I и др; Берель, курганы 2, 3; Катанда II, курган 1 и др.), которые, в свою очередь, отчетливо выделяются среди саяно-алтайских могил в самостоятельные разновидности захоронений, что вполне обоснованно могут быть объединены с ними в особый тип погребений с конем, регионально охватывающий, таким образом, крайне западные и юго-западные районы Горного Алтая и казахстанский Алтай [206].

Принципиальное значение при этом приобретает факт общепринятой датировки отдельных вышеперечисленных погребений единого типа не позднее VII в. (Берель — 2, 3; Кокса — 1), что свидетельствует о пер-

---

[204] *Кадырбаев М. К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 183—189; Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 115—247.

[205] *Ахинжанов С. М., Трифонов Ю. И.* К происхождению и этнической атрибутики погребальных памятников Верхнего Прииртышья VIII—X вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 158.

[206] *Ахинжанов С. М., Трифонов Ю. И.* К происхождению... С. 154.

воначальной локализации их на юго-западе Горного Алтая и последующем распространении на территории Восточноказахстанского Прииртышья, где вообще пока не зафиксировано ни одного погребения с конем, твердо датирующегося ранее VIII в.

Трупоположения человека с конем, относящиеся к выделенному типу, раньше VIII в. и не могли появиться ввиду сложившейся здесь этнополитической обстановки. Как уже говорилось, с конца VI в. на территории между восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая кочевали сеяньто-кыпчаки, которым и принадлежали археологические памятники на склонах юго-западного Алтая, датируемые не позднее VII в. На Иртыше и в Восточном, а затем в Центральном Казахстане сеяньто-кыпчаки появляются в середине VIII в., после разгрома II Восточно-тюркского каганата и племенного союза тюрков и сиров уйгурами. Именно этим временем датируются погребения вышеуказанного типа в Верхнем Прииртышье [207]. Подобный тип погребения с конем, в котором костяк лошади расположен слева от человека и ориентирован головой в одну с ним сторону (на восток), принадлежал, очевидно, одной, монолитной племенной единице. Этой единицей, скорее всего, была определенная группа кыпчакских племен, обитавших до появления в Восточном Казахстане еще далее к востоку в северо-западных регионах монгольских степей, где они именовались в VI—VII вв. под именем сеяньто.

Таким образом, современное состояние археологических данных позволяет выделить для восточных регионов обитания сеяньто этот специфический кыпчакский археологический комплекс и, что существенно, находит свое продолжение в половецких захоронениях с конем в южнорусских степях в XI—XIII вв., где современные исследователи средневековых кочевнических древностей С. А. Плетнева и Г. А. Федоров-Давыдов [208] отличают их от других кочевнических восточноевропейских археологических комплексов (печенегов, тюрков, черных клобуков). Свойственный половцам обряд захоронения

---

[207] Археологические памятники в зоне затопления... С. 244.

[208] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски ист. закономерностей. М., 1982. С. 61; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Вост. Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 145.

человека с конем под каменно-земляными курганами, ориентированного головой на восток, почти не изменился (правда, конь иногда обращен головой и на запад) и сохранился на новых местах, на «обретенной родине», где кыпчаки уже под именем половцев,. данным им новыми соседями — русскими ,несмотря на более чем четырехвековой временной разрыв между двумя историческими фактами их жизни, продолжали хоронить умерших сородичей по обычаю своих предков, что свидетельствует об этногенетических и этнокультурных непрерывающихся связях сопоставляемых половецких и кыпчакских памятников, чей специфический обряд трупоположения человека с конем зародился и широко бытовал среди телеской группировки племен Центральной Азии, одной из двух главенствующих в этом регионе в середине I тыс. н. э. этнополитической тюркоязычной коалиции кочевых скотоводческих в своей основе народов.

Из сказанного следует однозначный вывод: кыпчаки с самых ранних упоминаний на страницах исторических источников связываются с тюркоязычной этнической средой.

По вопросу о языковой принадлежности кыпчаков Н. А. Баскаков пишет: «Половецкий (куманский или кыпчакский) язык... относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Данная подгруппа языков, сохраняя в своей основе кыпчакские черты, приобретала также в результате поглощения кипчакскими языками других родственных языков некоторые общие черты с огузскими и отчасти булгарскими языками»[209].

Махмуд Кашгарский, в XI в. писавший о себе, что он был «одним из лучших знатоков их, тюрков, языка»[210], в главе «Слово к пояснению языков тюрков» отмечал, что у кыпчаков и огузов «был единый чистый тюркский язык»[211]. В главе «Слово к пояснению различия между языками» средневековый филолог не проводит в основном различия между языками огузов и кыпчаков, но иногда говорит об этом, приводя некоторые

---

[209] *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960. С. 146—148.

[210] МИТТ. Т. 1. С. 31.

[211] *Махмуд Кашгарский.* Девону луготит турк... Тошкент. Т. 1. С. 66.

примеры. Исходя из них можно сделать вывод, что уже тогда прослеживались лингвистические особенности, свойственные западной группе тюркских языков, которые были в одинаковой мере отмечены и у кыпчаков и у огузов. Так, в их языках Махмуд Кашгарский отмечает элементы «джекания», характерные для современного казахского языка. «Кыпчаки, так же, как и огузы, йа в начале слова заменяют на алиф и джим в начале имен и глаголов. Например, тюрки длинные волосы верблюда называют «игду», огузы и кыпчаки — джугду[212]. В то же время в языке кыпчаков встречаются элементы так называемой огузской группы языков: «Каждый мим в начале слова огузы, кыпчаки, сывары превращают в ба... тюрки говорят *ман бардум,* т. е. я ходил, а сывары, кыпчаки и огузы говорят *бан бардум*»[213].

Наличие общих фонетических черт в огузской и кыпчакской группах языков, сообщаемое Махмудом Кашгарским, объясняется не только генетическим родством тюркских языков, но и целым рядом исторических моментов, о чем уже говорилось выше. Длительное взаимовлияние двух языковых групп началось еще в центральноазиатский период их совместной исторической жизни, когда оба племени — огузы и кыпчаки (сеяньто) — входили в общую этнополитическую группировку кочевых народов теле, внутри которых кыпчаки (сеяньто), согласно источнику, отмечались как «особое поколение теле»[214]. Огузские традиции, отраженные в легенде об Огуз-кагане, подчеркивают в некоторых местах и эту особенность кыпчаков, сообщая о них, что кыпчаки относятся к тем нескольким племенам, «которым Огуз-каган дал имя, но которые не происходят из его рода»[215]. Как бы то ни было, языки на которых общались между собой представители кыпчакских и огузских группировок, определенно относились средневековыми и современными лингвистами к тюркской системе языков, к их западной группе.

Таким образом, согласованные данные источников

---

[212] *Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари.* Диван лугат ат-тюрк. Изд. К. Рифата. Стамбул, 1915. Т. 1. С. 31.

[213] Там же.

[214] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 41.

[215] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен... С. 51.

письменных известий, археологических исследований и лингвистические показания не оставляют сомнения в принадлежности кыпчаков к тюркской этнической среде, и вопросы их этногенеза следует рассматривать в тесной связи с вопросами происхождения тюрко-телесских центральноазиатских кочевых этносов.

С этой точки зрения очень близко смыкается еще одно направление в кыпчаковедении, которое предполагает, что в этногенезе кыпчаков заметную роль играли динлинские элементы, представители древней европеоидной расы в Центральной Азии, имевшие светлый цвет волос и голубые глаза.

В исторической литературе существует мнение, что динлины в районах севернее Гоби от Байкала до Иртыша кочевали с конца I тыс. до н. э. и в 201 г. до н. э., когда хуннский шаньюй Модэ предпринял военную экспедицию, в результате которой «покорил на севере владения хуньюев, цюйше, гегуней, динлинов и синьли» [216]. Они подчинились хуннам и составили северную периферию хуннских владений. Специально исследовавший динлинский вопрос Л. Н. Гумилев пришел к выводу, что термин «динлин» полисемантичен, он обозначает и конкретный этнос и все северные по отношению к Китаю племена I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. [217], т. е. практически вся территория Центральной Азии к северу от Великой Китайской стены находилась в распоряжении динлинских племен, где в дальнейшем проживали родоплеменные подразделения тюркских и телеских группировок, с последними из которых динлины были в родстве. «Наиболее видные современные ориенталисты, — пишет Л. П. Потапов, — склоны сводить его (термин теле. — *С. А.*) через более ранние формы написания (например, ch'in=le) к названию ting—ling (динлины), носителями которого (по крайней мере, в I в. н. э.) были и тюркоязычные племена [218]. Д. Г. Савинов высказывает интересную мысль: «Если динлины — это теле, то с их средой должно быть связано дальнейшее формирование

---

[216] *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. С. 41.

[217] *Гумилев Л. Н.* Динлинская проблема // Изв. ВГО. 1959. Т. 1. № 1. С. 19.

[218] *Потапов Л. П.* Этнический состав... С. 148.

ряда крупных народов древнетюркской эпохи — уйгуров, сеяньто... и др.[219]

Отождествление телеского племени сеяньто с кыпчаками, благодаря исследованию С. Г. Кляшторного, можно считать доказанным. Исходя из такой постановки вопроса, обратимся к имеющимся предположениям о взаимоотношениях динлинов и кыпчаков, т. е. к гипотезе о происхождении кыпчаков от динлинов.

Если исходить из того, что динлины — это теле, а племя сеяньто (кыпчаки) — одно из телеских родоплеменных подразделений, то такие предположения уже обоснованны, тем более, что в основе построений многих исследователей о принадлежности кыпчаков к динлинам лежат сведения о сходстве их физических типов: как динлины, так и кыпчаки считаются народами с европеоидными чертами. О внешнем облике динлинских племен сообщают китайские источники[220].

О внешнем облике кыпчаков в центральноазиатский период их жизни нет достоверных сведений, кроме нескольких прямых и косвенных свидетельств, которые, возможно, относились к характеристике внешнего облика именно кыпчаков. Как известно, главенствующими племенами во II Восточнотюркском каганате были тюрки и кыпчаки, между которыми происходила междоусобная борьба за укрепление своего влияния, особенно усиливавшаяся после гибели какого-нибудь стоявшего у власти кагана. Например, когда в 716 г. племенем баягу был убит Мочжокаган, в каганате произошли столкновения в борьбе за освободившийся престол, на который претендовали «желтоголовые» тюрки и «мочжо тюрки»[221]. Как известно, в этой борьбе, благодаря знаменитому принцу Кюльтегину, стоявшие до этого у власти тюрки сохранили за собой престол ,посадив на него сына Мочжо Могиляна Бильгэ-кагана, который ,как отметил китайский летописец, «наследственно вступил на престол» и, таким образом, «мочжо тюрки» удержались у власти.

Кем же в таком случае были «желтоголовые» тюрки,

---

[219] *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири... С. 13.

[220] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. 1. С. 214.

[221] *Зуев Ю. И.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С. 133.

боровшиеся за временно освободившийся престол II Восточнотюркского каганата после гибели Мочжо? Это определенно не были тогузогузы (уйгуры), не могли к ним относиться и карлуки, и баегу, и другие народы, находившиеся в вассальной зависимости от тюрков. Дело в том, что как раз перед своей гибелью каган Мочжо «несколько раз нападал на гэлолу (карлуков) и другие поколения», после чего силы неприятеля «стали мало-помалу уменьшаться». Затем этот неутомимый предводитель тюрков сразился несколько раз с тогузогузами по «северную сторону Великой песчаной степи. Девять родов рассеялись» и наконец «Байегу дал сражение при реке Дулэ Тола и был совершенно разбит». Правда после разгрома племени баегу Мочжо, вероятно, упоенный победами над многочисленными врагами, «налегке возвращаясь, не брал предосторожности» и в большом лесу был убит внезапно напавшей на него «толпой разбитых байегусцев».

Как бы то ни было, у правящей династии тюрков не было в тот период серьезных внешних врагов в борьбе за престол, если не считать союзных с ними племен сеяньто (из китайских источников), или кыпчаков (в Селенгинском камне), или «племенного союза сиров» (надпись Тоньюкука). Вероятно, сеяньто-кыпчаки-сиры, пользуясь благоприятным моментом, хотели выйти на ведущие места в сложившейся иерархии племен «тюрков и сиров», однако эта попытка была пресечена энергичными действиями Кюль-тегина, который, согласно источнику, «напал на малого хана, убил его...»[222]. Этот малый хан известен в разрушенном контексте памятника на Ихе Хушоту, близком по времени надписям в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, под названием «иркин сиров»[223].

Исходя из сказанного, можно довольно определенно предположить, что под «желтоголовыми» тюрками источник подразумевал только сиров-сеяньто-кыпчаков, получивших такое наименование, вполне вероятно, за цвет их волос, в основном желтых и близких к нему оттенков, таких, как рыжий, бледный, русый, белоку-

---

[222] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... С. 273.
[223] *Кляшторный С. Г.* Кыпчаки... С. 155.

рый, пóловый. Все перечисленные слова являются калькой общетюркского слова «сары» — желтый [224].

То, что определение «желтоголовые» имело отношение к кыпчакам-сеяньто Тюркского каганата, во всяком случае, имело хождение в тот период в среде тюркотелеских группировок, подтверждается замечанием китийского комментатора VII в. Янь-Шигу. В его «Ханьшучжу» (Примечания к Ханьшу) говорится: Усунь из всех... (племен) Западного края особенны, их вид наиболее отличен. Те из нынешних ху (тюрки. — *С. А.*), которые имеют синие глаза, красную (рыжую) бороду... это собственно (и есть) потомки племени (усунь)» [225]. Мы не будем разбирать в данный момент вопрос, чьими потомками были рыжеволосые и голубоглазые тюрки в действительности. Отметим зафиксированный факт существования в VII в. народа с такой внешностью, и, что тоже весьма существенно, проживания этого народа на землях, некогда принадлежавших усуням в Западном крае. В этих местах именно в VI—VII вв. кочевали племена сеяньто-кыпчак, вошедшие на вассальных правах в состав Западнотюркского каганата. Отметим, что именно к данным местам относил своих голубоглазых сиров-кочевников античный автор Плиний [226], которых, как пишет Ю. А. Зуев, «можно сопоставить только с сирами древнетюркских руник» [227], т. е. опять же с сеяньто-кыпчаками. И, наконец, приведем более конкретное сообщение из китайского источника «Ганьму» о том, что в 30 тыс. ли к северо-западу от Китая проживал народ, очень богатый лошадьми, по имени кинча (кыпчак). Люди были голубоглазыми и рыжеволосыми [228].

Такое единодушие источников, причем независимых и хронологически относящихся друг от друга на значительный промежуток времени, в фиксации внешнего облика народа говорит о том, что, по всей вероятности, кыпчаки или, по крайней мере, определенная часть кыпча-

---

[224] *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначения в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 174.

[225] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 72. Пр. 12.

[226] *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей... С. 107.

[227] Там же.

[228] *Бичурин Н. Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова. Спб., 1829. С. 274.

ков, действительно обладала специфическими внешними чертами, отличающимися от большинства окружавших их народов. Это позволяет сделать вывод, что кыпчаки несли в себе черты европеоидной примеси, проявлявшиеся прежде всего в цвете глаз (голубых, зеленых, только не черных) и волос — желтых, светло-рыжих, белокурых, пóловых. Поэтому, когда кыпчаки в середине XI в. появились на границах древнерусских княжеств, они стали известны в русских летописях под именем половцев, получив его, скорее всего, из-за своего внешнего вида.

А. Куник первому принадлежала мысль, что слово «половцы» —это производное от старославянского слова «плава» — солома [229], а отсюда «половый» — бледный, беловато-соломенный цвет [230]. И. Г. Добродомов пишет: «Уже давно обращалось внимание на то, что половцы во многих языках обозначаются словами, производными от корней, со значением «желтый», «бледный» [231], и приводит в этой связи перечень обозначения народа половцы на других языках: польское — плавцы, венгерское — палоч, немецкое — валвен, а также латинизированные славянские формы — валонес, паладди. «Такое же значение имеет упомянутое под 1050—1051 г. в 75 главе «Истории» армянского автора Матвея Эдесского название народа хартеш (досл. «светлый», «беловатый», «белокурый» [232].

Мнение, высказанное А. Куником о происхождении названия «половцы» от слова «пóловый», является одним из аргументов, что половцы — представители светловолосой, европеоидной расы на азиатском материке. Эта теория существовала еще со времен Клапрота и Абель-Ремюза. Главным сторонником ее в России был Г. Е. Грумм-Гржимайло, который в ряде своих работ разрабатывал эту тему [233]. Он непосредственно

---

[229] *Куник А. О.* О тюркских печенегах и половцах по венгерским источникам // Зап. АН Отд. 1,3. Спб., 1854. Ч. 2.

[230] *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского языка. Т. 3. Спб.; М., 1907. С. 664.

[231] *Добродомов И. Г.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе. ТС, 1975. М., 1978. С. 108.

[232] Там же.

[233] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Белокурая раса в Средней Азии // ЗРГО по отд. этнографии. Спб., 1909. Т. 34; *Он же.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.

не занимался изучением истории кыпчаков-половцев, но, развивая свои предположения о существовании белокурой расы в Азии, доказывал, что кыпчаки — это западная ветвь динлинов, народа, в древности обитавшего в Азии и имевшего черты, присущие народам европеоидной расы. Западная ветвь динлинов смешалась с кочевым населением Казахстана и стала известна под именем кыпчаков. Половцы же — народ, образовавшийся главным образом из кыпчаков и канглов [234].

Почти то же самое раньше высказал Н. А. Аристов, который, оперируя китайским источником «Ганьму», сделал вывод, что «светлую окраску части кыпчаков следует отнести к смешению их части с западными динлинами» [235].

В 1937—1939 гг. с серией интересных статей о половцах выступил Д. А. Расовский, который также отстаивал тезис о светловолосости кыпчаков-половцев [236].

Взгляды Н. А. Аристова, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Д. А. Расовского имеют сторонников и в советской исторической науке. М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев вслед за ними указывали, что кыпчаки являются потомками западных динлинов, и половцы унаследовали от них светлую окраску волос. Например, Л. Н. Гумилев пишет: «Представляется возможным видеть в андроновцах древних кыпчаков... народ, несомненно, динлинского происхождения» [237]. Мысль, высказанная Л. Н. Гумилевым, о связи кыпчаков с племенами андроновской культуры, т. е. с археологической культурой бронзового века, распространенной на территории Казахстана, весьма заманчива и перспективна, но доказать ее в данное время не представляется возможным.

А. Н. Кононов обращает внимание на высказывание Н. А. Аристова о том, что слово «сары» (рыжий, русый) в составе этнонимов свидетельствует о смешении тюрков с динлинами, указывая на благосклонное

---

[234] Там же. С. 57—59.

[235] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народов // Живая старина, 1897. Т. 6. Вып. 3—4. С. 368.

[236] *Расовский Д. А.* Половцы; Seminarim Kondakovianum. Прага, 1937. Т. 7. С. 261.

[237] *Гумилев Л. Н.* Динлинская проблема...

отношение к мнению Н. А. Аристова, ряда других ученых [238]. К. Ш. Шаниязов пишет: «. . . нельзя не считаться с историческими, антропологическими и этнографическими данными, указывающими на наличие отдельных европеоидных признаков у древних, а также и некоторых поздних групп кыпчаков [239]. Высказывания этих исследователей поддерживают на основе косвенных известий грузинских источников о кыпчаках З. В. Анчабадзе [240], Г. А. Михайлова [241]. Д. Е. Еремеев предполагает, что кыпчаки были голубоглазы и светловолосы [242].

Представляется, что в этногенезе кыпчаков-половцев не последнюю роль играли определенные динлинские этнические элементы, нашедшие свое отражение во внешнем облике этого кочевого народа. Приведем по этому поводу ряд новых, на наш взгляд, аргументов, ранее не использованных вообще или недостаточно использованных в работах основных сторонников этой теории.

Как уже отмечалось, не только русские летописи обозначали кыпчаков именем, отражающим, по всей вероятности, их внешний облик. В западноевропейских, византийских, армянских, грузинских источниках они называются по-своему — команы, куманы, валаны, плавцы, хардиаш. Все эти названия, относящиеся к одному и тому же народу, переводятся в основном как «желтые, бледно-желтые, русые, белокурые».

Вероятно, облик племени настолько отличался от других кочевых народов, что все информаторы, которые сталкивались с ними, независимо друг от друга, дают им одно и то же наименование, отмечающее их необычный внешний облик, цвет волос.

И. Маркварт, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Д. А. Росовский, А. Зайончковский, Л. Н. Гумилев и другие при-

---

[238] *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений. . . С. 174.

[239] *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. С. 34.

[240] *Анчабадзе З. В.* Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей IX—XIV вв. Нальчик. 1960.

[241] *Михайлова Г. А.* О грузинских источниках по средневековой истории Средней Азии // Общ. науки Узбекистана (ОНУ). Ташкент. 1961. № 2. С. 58.

[242] *Еремеев Д. Е.* К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы, М. 1970. С. 136.

ходят к выводу, что, по всей вероятности, кыпчаки были светловолосым народом [243]. Известный венгерский тюрколог Ю. Немет писал, что все наименования половцев являются калькой с тюркских названий *куман* и *кун*, которые, в свою очередь, восходят к тюркскому прилагательному *куу* (стяженный вариант от куба) — бледный, желтый [244].

О. Т. Молчанова приводит обширную сводку прилагательных образований от основы *куба* и *куу* в тюркских и монгольских языках, засвидетельствовав их довольно широкое распространение в лексике. Например, в киргизском языке *куба* развило большое количество значений и среди них — белый, бледный, блондин, в казахском — *куба жигит* — бледнолицый парень, *ак куба* — белый-белый (например о красивом лице); прилагательное *куу* имеет значения «*бледный, белый, серый, бледно-желтый*» [245].

Из прилагательных *куба* и *куу*, согласно Ю. Немету, и образованы «этнонимы *кун* и *куман* посредством отыменного суффикса -н- [246]. Указав на равнозначность этнонима Ю. Немет, однако, возражает против тех точек зрения, согласно которым название *половцы* могло характеризовать цвет их волос или обозначать излюбленную у них масть лошадей, и указывает, что цветовое обозначение характеризует цвет кожи половцев [247].

Не согласен с утверждением, что свое имя половцы получили по своему внешнему облику, и И. Г. Добродомов. Он считает, что «цветовое обозначение названия половцев было чисто символическим, как это предполагал А. И. Соболевский. Известно, что тюрки пользовались двумя системами обозначения стран света с помощью цветовых наименований — китайско-уйгурской и буддистско-ламаистской. В соответствии с первой системой желтый цвет обозначал центр, а в соот-

---

[243] *Marquart J.* op. cit. S. 137—138. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. *Расовский Д. А.* Половцы. Т. 7. С. 258—260.

[244] *Nemeth J.* Die Volksnamen quman // KCA. Budapest, 1940. T. 3. S. 99.

[245] *Молчанов О. Т.* Желтые цвета в Алтайском ономастиконе. С. 198—200.

[246] *Nemeth J.* Op. cit. S. 100.

[247] Ibid. S. 96.

ветствии со второй — север»[248]. Исходя из цветовых символов как детерметив к этнониму, И. Г. Добродомов предполагает, что этноним «сары» в тюркской этнонимии употребляется не в значении цвета и поэтому не может обозначать ни цвет одежды, ни цвет кожи, но название лошадиной масти. «Представляется, пишет он, — наиболее вероятным, что цветовое обозначение в этом этнониме (половцы, сары. — *С. А.*) выступает как символическое название страны света»[249].

Не отрицая возможности обозначения слова «сары» — желтый как символ страны света для определенной группы народов, в конкретном случае для кыпчаков, по нашему мнению, он неприемлем, так как слово «сары» имеет кальку в других нетюркских языках — «валаны», «палоч», «хардиаш», где они применимы только к определеному народу и обозначают именно внешний вид народа, а не страны света. Н. Б. Бахилина утверждает: «По всей вероятности, переосмысление и развитие нецветовых характеристик «сары» не могут идти из древнетюркского. Об этом говорит... сравнение с некоторыми другими языками, например, древнерусским, где в памятниках XI—XII вв. прилагательное «желтый» не только малоупотребительно, но и используется преимущественно для называния цвета волос»[250]. Даже в XVII в. оно употреблялось для названия цвета одежды, тканей, а также в описаниях человеческой внешности»[251]. Не случайно, что появившееся слово *половец* в древнерусских летописях для обозначения новой волны кочевников, возникшей на южных рубежах Руси, было дано им как отражение их внешнего вида.

В свете сказанного представляется не совсем убедительной точка зрения, наиболее полно сформулированная А. Пономаревым, что все свидетельства о белокурости половцев исходят из кругов, далеких от непосредственного соприкосновения с ними, и основаны на слухах, тогда как те народы, которые жили в тесном

---

[248] *Добродомов И. Г.* О половецких этнонимах... С. 118.

[249] *Он же.* Из древнерусской этнонимии // СЭ. 1966. № 3. С. 127.

[250] *Бахилина Н. Б.* История цветообозначения в русском языке. М., 1975. С. 29.

[251] *Молчанова О. Т.* Желтые цвета в алтайском ономастиконе... С. 194.

соседстве с половцами, ничего не говорят об их внешних особенностях [252].

В том-то и дело, что все народы, обитавшие и часто соприкосавшиеся с половцами — русские, венгры, армяне, грузины, поэтому и не акцентировали внимание на их внешнем виде, так как он не очень отличался от привычного им вида физического облика. В то же время, когда на исторической арене вслед за половцами, народа с кочевым образом жизни, появляются новые кочевые племена — монголы, то и русские, и армянские, и грузинские авторы подробно описывают их внешний вид, как совершенно для них новый, непривычный. Например, армянский историк сообщает: «В году 685 армянского летоисчисления (1236) настиг страшный божий гнев, появился с востока некий жестокий и кровожадный народ. Они были широкоплечие; с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкобородые» [253]. Хотя информатор и постарался сгустить краски, описывая ненавистных завоевателей-разрушителей, однако перед нами четко предстает портрет, типичный для монголоидного облика, и он был, как видим, отличен от внешности кыпчаков-половцев.

Замечательно в этом свете сообщение ал-Омари: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля взяла верх над природными расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кыпчаки» [254]. Как видим, этнический тип кыпчаков имел определенное отличие от монголоидного типа, присущего татарам, о которых Плано Карпини сообщал, что внешний вид их отличается от всех других людей [255], т. е. он противопоставляет их и кыпчакам, по степям которых он совершал свое путешествие, прежде чем достигнуть ставки монгольских ханов. Он отмечал, что «все, кто живет с ними (монголами), как команы (кыпчаки), сарацины и дру-

---

[252] *Пономарев А.* Куманы-половцы // ВДИ. 1941. № 1.

[253] *Галстян А.* Новые армянские источники о монголах. М., 1960. С. 5.

[254] СМИЗО. Т. 1. С. 235.

[255] *Оссон Д.* История монголов. Иркутск, 1937. Т. 1. С. 145.

гие, стригут волосы таким же образом, но лица тех людей не схожи с лицами татар»[256].

Видимо, за свой внешний облик и получили собственные имена некоторые половецкие ханы, зафикисированные в русских летописях. В то же время многие имена предводителей половцев являются персонифицированными этнонимами. Так, имя Куман ~ Кунам, упомянутое под 1103 г.[257], и Кубан ~ Кобан, который был сыном известного хана — предводителя Урусоба и отмечен в летописи под 1190 г.[258], несомненно, происходит от корня — *куу, кув, куб*, что означает «бледный, беловато-желтоватый, палевый», откуда *куба, кума* и дальнейшие дериваты *қума*-н[259]. Эта этимология наиболее точно отвечает первоначальному значению русского выражения «по́ловый». Не случайно, на наш взгляд, что наименование отца Кобана ~ Кубана ~ Урусоба (urus ~ rus+oba «русский+оба, опа (род), видимо, племя кыпчаков, похожее внешним видом на русских, получило свое наименование «русское племя»).

На внешний вид указывает и имя половецкого хана — Шарукан. Так именовался предводитель донецких половцев (1068—1107), отец Атрака и Сырчана, дед Кончака[260]. Хотя начальный звук представляет для объяснения некоторые трудности, К. Г. Менгес пишет, что «если мы допустим, что именно в таком виде был представлен тюркский начальный S-, то имя можно объяснить как sarуу qan (sarуу qayan) «желтый правитель»[261]. Но то, что это имя хан получил все-таки за свой внешний облик, свидетельствует, на наш взгляд, и имя его сына, унаследовавшего от отца основные черты его физического облика, отразившиеся в имени Сарьчан, или Сарычан ~ Сарышан[262] (блондин, русый, желтоватый, бледный)[263].

---

[256] Там же.

[257] ПСРЛ. Т. 1. С. 279; Т. 2. С. 255; Т. 9. С. 139.

[258] Там же. Т. 2. С. 671.

[259] Там же.

[260] В. А. Гордлевский отмечал, что Шарукан — искаженное от имени Сарухан. См.: *Гордлевский В. А.* Что такое босый волк? // ИАН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. 6. Вып. 4. С. 325; ПСРЛ. Т. 2. С. 716.

[261] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 171.

[262] ПСРЛ. Т. 2. С. 716.

[263] *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 89; Турско-Български речник. София, 1963. С. 479.

Имена половецких ханов Аклана и Акуша также, по нашему мнению, отражают их внешность. Аклан — донецкий половец известный в летописи по 1110 г.[264], переводится как белый юноша или вообще белый, беловатый, высокий человек[265]. Акуш (Агыш), сын Акума из лукоморских половцев, отмечен в истории по 1190 г.[266] Переводится как беловатый, молочно-белый[267]. В этот же ряд можно поставить и имя половецкого хана Сутоя (Сутоевич), например Котян Сутоевич, отмеченный в источнике под 1202 и 1223 гг.[268] (süt (сут — молоко) + аффикс daj/—dej > suttej — подобный молоку, как молоко, белейший)[269]. Ан-Нувайри сообщает о предводителе племени токсоба (одно из подразделений кыпчаков) Аккубуле[270], чье имя в тюркских языках также означает «белый». Хотя Н. А. Баскаков видит в названии половецкого хана Кокуся («Поучение Мономаха»)[272], обозначение того, что он был безродным, или что это слово означает «грудь, сердце»[273], нам представляется, что это имя нужно реставрировать как «коккоз» —голубоглазый[274].

Как видим, внешние признаки европеоидной расы, о которых говорили китайские источники во второй половине I тыс. н. э. по отношению к кыпчакам, сохранялись и среди половцев первой трети II тыс. н. э. и это, несмотря на многовековой процесс смешения их с монголоидными центральноазиатскими расовыми типами, доля которых постоянно увеличивалась. Однако еще в XIX в. у определенной группы кыпчакских родоплеменных подразделений в различных регионах их обитания в составе крупных тюркоязычных народов

---

[264] ПСРЛ. Т. 1. С. 250.

[265] *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика... С. 80; Избранные слова турецкого народного говора. Анкара, 1963.С. 157.

[266] ПСРЛ. Т. 2. С. 675.

[267] Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 21.

[268] ПСРЛ. Т. 1. С. 505; Там же. Т. 2. С. 544, 741; Т. 10. С. 89, 90.

[269] *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика... С. 89.

[270] СМИЗО. Т. 1. С. 541.

[271] ПСРЛ. Т. 1. С. 250.

[272] *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика... С. 85.

[273] Ср. это название с одним из родов позднесредневековых кыпчаков «коккоз». См.: *Тыныштаев М.* Материалы по истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1952. С. 70.

[274] *Харузин А.* К вопросу о происхождении киргизского народа // Этнографическое обозрение. 1895. Кн. 28. № 3. С. 84.

сохранялись некоторые черты, приписываемые обыкновенно европеоидному физическому облику. Так, среди некоторых башкирских кыпчаков имелось «приблизительно 50 % темно-русых и рыжих субъектов». Потомки кыпчаков, которые после разгрома, учиненного монголами, ушли в Венгрию, характеризовались исследователями как народ, имевший волосы, светлые как лен, нередко с рыжеватым оттенком, и голубые глаза [275]. К. Ш. Шаниязов со ссылкой на полевые исследования пишет: «Наши наблюдения показали, что среди потомков кыпчаков Ферганы и долины Зеравшана, несмотря на большую степень их этнической смешанности, до сих пор встречаются белокурые, кожа у них белая. Среди них много сероглазых и нередко — голубоглазых» [276].

Физический тип кыпчаков, несомненно, нес в себе определенные черты европеоидного облика, что подтверждается и данными антропологии.

Антропологическим изучением населения, жившего в средине века, на основной территории Казахстана и прилегавших к нему регионов, занимались Г. Ф. Дебец [277], В. В. Гинзбург [278], В. П. Алексеев [279], О. Исмагулов [280] и др.

Из опубликованных ими материалов можно видеть, что в Южной Сибири, на Алтае, в Казахстане и южнорусских степях, т. е. там, где в средние века в основном протекала историческая жизнь кыпчаков-половцев, антропологический тип кочевников характеризовался разной степенью смешения монголоидной и европеоидной рас. К сожалению, антропологические исследования, особенно на территории Казахстана, проводились неравномерно и располагали не особенно крупными се-

---

[275] Murkacsi Komanischer Ursprung der Moldauer Tschango, Keleli. 1902. Szemle. 111, S. 249.

[276] *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. С. 34.

[277] *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л., 1948. Т. 4.

[278] *Гинзбург В. В.* Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сборник ТИЭ. 1956. № 1. Т. 33.

[279] *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи энеолита и бронзы // ТИЭ. Антропологический сб. 1961. Т. 91.

[280] *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.

риями исследуемого материала, т. е. черепами. Но и та часть материала, которая подвергалась научному анализу, свидетельствует о постоянном смешении двух основных антропологических типов, независимо от района исследования и количества исходного объекта. Причем это справедливо и для Восточного Казахстана, где черепа кочевников из раскопок С. С. Черникова и Ф. Х. Арслановой исследовались антропологами В. В. Гинзбургом и О. Исмагуловым [281], и для Павлодарского Прииртышья [282] и для Центрального и Западного Казахстана [283]. К западу доля европеоидности увеличивается, и, как пишут, В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова, «черепа из погребений тюркских кочевников конца I — начала II тыс. н. э. на юго-востоке Европы в Нижнем Поволжье, Подонье, на Украине хотя и близки к черепам тюрок Северного и Западного Казахстана, но показывают большую европеоидную примесь [284], однако «все же общий характер типа южносибирской расы у тюрок сохраняется» [285].

Известно, что в целом южносибирский расовый тип по сравнению с центральноазиатским характеризуется ослабленной монголоидностью, как бы некоторым переходом к европеоидному расовому типу, и чем ближе к западу и юго-западу, тем больше просматриваются европеоидные черты [286], что хорошо иллюстрируется на примере кыпчаков-половцев. Все это говорит о метисированном характере южносибирского типа о том, что он развился при участии монголоидной и европеоидной рас. Антропологический тип кыпчаков-половцев сформировался в результате последовательного смешения древнего европеоидного типа с расовыми типами монголоидного центральноазиатского происхождения. Распространение последнего типа связывается с раннетюркской экспансией на запад, которая шла «по древней области обитания европеоидной расы и сопровож-

---

[281] *Гинзбург В. В.* Древнее население...

[282] *Исмагулов О.* Население Казахстана...

[283] *Дебец Г. Ф.* Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Археол. журнал. 1936. № 1; *Гинзбург В. В.* Древнее население...

[284] *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 261.

[285] Там же. С. 266.

[286] Там же. С. 20.

далась интенсивной метисацией с местными аборигенами. Развитие южносибирского расового типа, которое происходило в основном в I тыс. н. э., является таким образом, одним из следствий тюркского этногенеза»[287].

Известно, что в Азии европеоидными племенами по своему физическому облику были динлинские племена. Исходя из этого, можно предположить с большой долей вероятности, что в расогенезе кыпчаков динлины сыграли не последнюю роль.

В китайских летописях под динлинами подразумеваются разные племена, сходные по ведению основных форм хозяйства, т. е. кочевого скотоводства и охоты. Возможно, отличие их было в языке. Если динлины были родственны телеским племенам, то включали и тюркоязычные племена.

Согласно письменным известиям, динлины делились на северных и западных; располагаясь в общем плане к северу от хуннов. Именно эти районы раньше теле и сеяньто занимали западные динлины, которые могли выставить до 60 тыс. человек отборного войска[288]. О динлинах говорится также, что они жили на запад от усуней[289], а также и «на север от них»[290]. В то же время в «Вейлио» говорится: «динлин находится на север от пангюй»[291], т. е. если объединить эти сообщения в единую картину, можно смело предположить дислокацию западных динлинов в Центральный и Восточный Казахстан, где позже кочевали сеяньто-кыпчаки. Соглашаясь с Н. А. Аристовым, Г. Е. Грумм-Гржимайло и др., мы считаем, что западные динлины явились субстратом, смешавшись с которым определенные тюркоязычные телеские племена дали сложный этнический тип, ставший известным в истории сначала под именем сеяньто, затем кыпчаков и в дальнейшем половцев. Конечно, этот процесс проходил в течение большого отрезка времени, а смешение центрально-азиатских, монголоидных по физическому облику племен с европеоидными динлинами, разумеется,

---

[287] Там же. С. 267.

[286] *Chavannes E.* Lespays d'occident d'apres wei-lio // T'oung Pao. Ser. 2. 1905. V. 6. P. 560.

[289] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 281.

[290] Там же.

[291] Там же. С. 311.

не ограничилось физической метизацией. В большой степени оно проявилось в языке и культуре, и в этом взаимовлиянии тюркский язык стал победителем. Процесс облегчался тем, что динлины были, как предполагают «наиболее видные современные ориенталисты», предками телеской общности, сыгравшей большую, а в ряде случаев решающую роль в истории древнетюркских этносоциальных объединений. Следовательно, уже наиболее ранние данные об этническом составе древних кыпчаков свидетельствуют об их сложном происхождении, расовой неоднородности и значительной европеоидной примеси.

В историографии, посвященной проблеме происхождения кыпчаков, существует концепция, автором которой является видный немецкий востоковед И. Марквart, издавший, как известно, в 1914 г. книгу целиком посвященную истории кыпчаков[292]. В ней он систематизировал свои ранние взгляды, касающиеся и кыпчакской проблемы. Основная мысль И. Маркварта заключалась в том, что кыпчаки были отюреченной ветвью монголов. Он считал, что кыпчаки прошли три основные стадии монголизации. Согласно И. Маркварту, предками кыпчаков были кимаки, жившие в Верховьях Иртыша. В VII в. кимаки были покорены какими-то монгольскими, а именно татарскими племенами.

В середине X в. исчезает имя кимак, и И. Марквart объясняет это тем, что они были покорены другим, новым, племенем также монгольского происхождения — кунами, возглавившими движение кыпчаков-кимаков в середине XI в. на запад, в южнорусские степи. Только монгольскому господствующему кругу приписывает немецкий автор способность организовать это большое движение кочевников на запад. Найти же прямые исторические доказательства о подчинении кунами И. Маркварту не удается, и он ограничивается рядом косвенных данных. Самих кунов И. Маркварт считал чистыми монголами.

Уже около 1120 г. происходит новое и последнее, третье по счету, внедрение чуждого этнического элемента монгольского происхожднеяи— кыпчаков. Это

---

[292] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. Berlin. 1914.

объяснение И. Маркварта покоится на данных «Юаньши» (истории династии Юань), в которой приводится биография полководца в армии Хубилая, — кыпчака по происхождению, Тутука. Район, откуда выселился предок Тутука, т. е. предок кыпчаков, — северо-восточная Азия. Район, куда внедрился народ кыпчаков, — южные предгорья Уральского хребта, где кыпчаки основали государство, создав свою независимую династию. Вычислив время жизни первого хана из кыпчакской династии, И. Маркварт пришел к выводу, что появление кыпчаков на новом месте их обитания совершилось в первой трети XII в., а точнее, — в 1120 г.

Подтверждение своей теории И. Маркварт видит в том, что в 1120 г. кыпчаки впервые активно вступили в историю, предприняв далекие походы в Грузию. Именно в это время появляется впервые имя кыпчак, которое получили половцы от пришельцев с востока. Передав это имя половцам, кыпчаки сами быстро отюречились, не повлияв существенно на этнический состав и язык половцев. С этого времени мусульманский мир стал звать половцев именем кыпчак. То, что имя кыпчак было известно гораздо раньше, не смущает немецкого исследователя, так как он считает раннее упоминание кыпчаков — только поздними интерполяциями [293].

Гипотеза И. Маркварта о монгольском происхождении кыпчаков неоднократно подвергалась серьезной критике в трудах В. В. Бартольда, П. Пелльо, посвятивших ей специальные и глубоко аргументированные рецензии [294]. Отдельные этногенетические построения немецкого ученого, а именно два последних этапа монголизации кыпчаков, оказались полностью опровергнутыми. Упоминание же кыпчаков в надписи Селенгинского камня, где они фигурируют как представители тюркоязычного этноса, а также свидетельства лингвистики дают достаточное основание рассматривать гипотезу И. Маркварта в полном ее объеме. Однако на некоторых частных явлениях следует остановиться.

Ни один из критиков И. Маркварта не смог привести достаточных аргументов, чтобы опровергнуть

---

[293] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen... S. 57, 99, 136—138.

[294] *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах. М., 1968. Т. S.; *Pel-*

первый этап внедрения монгольского элемента в кыпчакскую среду. Опровергнуть ее и в самом деле трудно, ибо оно основано на фактическом материале, на показаниях Гардизи, вполне определенно сообщавшего, что отцом Кимака, по имени которого получил свое название народ, переселившийся на Иртыш, был предводитель из племени татар[295]. Этногенетическая жизнь кимаков с татарами, народом монгольской языковой группы, засвидетельствована источником достаточно четко. Это свидетельство еще больше приобретает факт достоверности если его сравнить с информацией Тамим ибн Бахра, лично видевшего кимаков в северо-восточных степях Монголии в начале IX в., т. е. на коренной территории обитания монголоязычных этнических общностей. Указания Идриси, Якута и косвенные показания ряда дорожников той эпохи (Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха Кудамы ибн Джафара) только подтверждают информацию Гардизи.

В таком случае все вышеприведенные аргументы и мнения большинства авторов о тюрко-телеской основе происхождения кыпчаков, являющихся, согласно установившемуся традиционному мнению, западной ветвью кимаков, а также динлинская теория происхождения кыпчаков повисают в воздухе, хотя и покоятся на прочном, не вызывающем сомнения, фундаменте. Возникает противоречие. Действительно, мы не имеем права игнорировать свидетельские показания целого ряда арабо-персидских авторов IX—XI вв., лично видевших или хорошо информированных о проживании кимаков первоначально в северо-восточной Азии в монголоязычной этнической среде. Не случайно основной базой для построения своей гипотезы И. Маркварт использовал именно сообщение Гардизи. С другой стороны, целый круг комплексно использованных источников, исторические, лингвистические, археолого-этнографические факты, приведенные выше, не оставляют сомнения о принадлежности кыпчаков к тюркоязычной этнической среде.

Однако, это кажущееся противоречие создано искуственно, ибо оно возникло из неверной посылки, а

---

liot P. A. Proposdes Comans // JA. 1920. Ser. 11. T. 15.

[295] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке... С. 105.

именно традиционного мнения о тождестве кимаков и кыпчаков, их взаимозаменяемости.

Если продолжать придерживаться этой точки зрения, то для преодоления сглаживания фактических сторон исследователям, посвятившим себя изучению кимако-кыпчакского вопроса, вольно или невольно приходится умалчивать или обходить стороной этот вопрос, следуя за сложившейся концепцией [296], либо выдвигать свою, отличную от других интерпретацию, что и сделал И. Маркварт.

Если же представить себе, что мы имеем перед собой два разных этнических коллектива, а по нашему глубокому убеждению, так оно и есть, то все встает на свои места, противоречия между показаниями восточных нормативов и исследованиями ученых, снимаются. Конечно, вопросы этнической истории народов не укладываются в простые схемы — они многогранны, протекают, как правило, в многообразных связях с этническими процессами других народов, в совокупности явлений социальных, экономических, политических и других, но в нашем случае, только исходя из предположения о различии кимаков и кыпчаков, по крайней мере, в ранний период их исторической жизни, можно соотнести противоречащие друг другу факты, принадлежащие к одним и тем же историческим эпизодам, хронологически и территориально совпадающим, тем более, что основания для этого имеются.

---

[296] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. М., 1982; *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Глава 2

КИМАКИ И КЫПЧАКИ

Этнополитическая история двух племенных образований восточной части Евразийских степей, появившихся на страницах разноязыковых источников во второй половине I тыс. н. э. — кимаков и кыпчаков, — складывалась в многообразных связях с этническими процессами, протекающими в Центральной Азии, Южной Сибири, на всей территории современного Казахстана и степной полосы Восточной Европы.

Зафиксированные в источниках два разных племенных формирования — кимаки и кыпчаки, должны были бы отражать факт существования двух отличных друг от друга, народов. Однако современной исторической наукой тюркоязычность кыпчаков и кимаков воспринимается как аксиома. Хорошо известно, также, что, начиная с первых штудий и по сей день в кыпчаковедческой науке бытует традиционное убеждение, что кимаки и кыпчаки — один и тот же народ, а, если и существовали какие-либо различия, то чисто хронологические (первичны кимаки, вторичны — кыпчаки).

Например, Н. А. Аристов писал: «Если кимаки не то же самое, что команы, то во всяком случае они должны быть союзом кыпчакских родов»[1]. И. Маркварт кыпчаков считал «западной ветвью кимаков»[2]. Согласно В. В. Бартольду, «историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кыпчаков»[3]. «Кыпчаки

---

[1] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 3—4. С. 312.

[2] *Marquart J.* Op. cit. S. 99.

[3] *Бартольд В. В.* Кимаки // Соч. М., 1968. Т. 5. С. 549.

составляли западную ветвь кымаков»[4], считает Л. П. Потапов. Даже в специальной работе, посвященной изучению истории кимаков по данным письменных арабоязычных источников, не исследуется вопрос о взаимоотношении этнонимов *кыпчак* и *кимак*, их этническое и политическое наполнение, место в этнонимике Казахстана. В ней по-прежнему доминирует традиционное представление о тождестве двух различных народов — кыпчаков и кимаков[5].

Одним из аргументов для такого заключения у большинства авторов послужило упоминание анонимным персоязычным автором X в. в «Худуд ал-Аламе» о существовании в стране кимаков одной особой области под наименованием Андар аз-Хифчак[6]. Однако данный факт обитания определенной части кыпчаков и кимаков в одном районе свидетельствует, на наш взгляд, только о существовании особых политических взаимоотношений между ними. Ведь тот же самый источник не содержит и намека на то, что между кимаками и кыпчаками существовала тесная экономическая общность. Следуя букве сочинения, ее не обнаружить. Относясь без предубеждения к источникам и освобождаясь от гипноза традиций, всякий раз убеждаешься в том, что всюду речь идет о разных племенных группах.

Например Ибн Хордадбех, самый ранний из восточных авторов, упоминавший кыпчаков именно под этим именем, перечисляет их в одном ряду с другими племенами, в том числе кимаками, как отдельным, суверенным племенем[7].

При этом нужно помнить о некоторых особенностях этнических наименований, распространенных у большинства кочевых народов. Они заключаются в том, что люди разных родов и племен назывались по имени господствующего рода и племени, и наиболее могу-

---

[4] *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 171.

[5] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1973.

[6] *Hudud al Alam.* The Regions of the World. A. Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and explained by V. Minorsky. London, 1937. P. 100.

[7] Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 144.

щественное в какой-то определенный период времени племя заслоняло своим именем этническое наименование подчиненных племен.

Разумеется, сказанное не дает еще права утверждать, что и в вопросе о соотношении терминов *кимак* и *кыпчак* мы имеем дело с той же закономерностью. Однако иметь ее в виду необходимо, тем более, что материал, на наш взгляд, эту закономерность подтверждает.

Наиболее полные и, по-видимому, достаточно достоверные сведения о кимаках (поскольку в нем встречается описание этнического состава кимаков) приведены в труде персоязычного автора середины XI в. Гардизи «Зайн ал-ахбар», в котором в качестве генеалогической основы происхождения кимаков приведен сюжет дракона, женщины и реки. Гардизи пишет: «Происхождение кимаков таково. Начальник татар умер и оставил двух сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату. Имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно. Боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-наложницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня вдвоем выходили на охоту, питаясь мясом дичи и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев.

Однажды к ним пришли семь человек из родственников-татар: Ими, Имек, Татар, Баяндер, Кыпчак, Ланиказ и Аджлад. Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где [прежде] были табуны, не осталось пастбищ; в поисках травы они пришли туда, где находился Шад. Увидев их, рабыня вышла и сказала: «Иртыш» — остановись, отсюда река получила название Иртыш. Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы... Когда снег растаял и земля разукрасилась, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известия о том племени. Тот, пришедши туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор; он рассказал своим друзьям о положении Шада; все

они направились к Иртышу. Прибыв туда, они приветствовали Шада, как своего начальника, и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить [сюда]; собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились и рассеялись по горам, образовали семь племен, по имени названных семи человек. Все эти кимаки отличаются злым нравом, скупостью и негостеприимством. Шад однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: «Шад? Видел ли ты меня в воде?». Шад ничего не увидел, кроме волоса, плававшего на поверхности воды; он привязал лошадь, вошел в воду и схватил волос; оказалось, что это была жена его Хатун. Он спросил ее: «Как ты упала?» Она ответила: «Крокодил (неханг, дракон) схватил меня с берега реки». Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река — бог кимаков»)...»[8].

Несмотря на довольно фантастический сюжет, легенда, приведенная Гардизи, имеет вполне конкретную основу. Во-первых, кимаки оказываются на Иртыше пришлым народом, выделившись из татарской этнической среды, первые сообщения о которых проецируются на территорию северо-восточной Монголии и Маньчжурии.

Во-вторых, только с переходом на Иртыш кимаки организовали этнополитический союз, включавший в себя семь племен. Среди имен предков-эпонимов, приведенных Гардизи, упомянуты кыпчаки и йемеки, для которых, можно сказать, регионы Алтайских гор и верховьев Иртыша были в VI—VII вв. коренным юртом. Правда, в период могущества Западнотюркского каганата охотничьи угодья йемеков, приуроченные к горам Алтая (Яньмо), являлись северной периферийной частью каганата, от которых они отпали после крушения последнего в 702 г. И кыпчаки под именем сеяньто первоначально также входили в состав государства западных, а затем восточных тюрков, а в 630—647 гг. на короткий промежуток даже сами создали государственное объединение, которое затем потерпело сокру-

---

[8] *Бартольд В. В.* Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар: Прил. к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.» Соч. М., 1973. Т. 8. С. 43—44.

шительное и внезапное поражение под совместными ударами армии китайской империи и тогузогузов. Разгромленные сеяньто-кыпчаки оказались раздробленными на несколько частей и разбросанными по различным частям плоскогорий и степей Центральной Азии, судьбы которых были неадекватны. Группировка сеяньтоских племен, кочевавших в Хангайском регионе Центральной Монголии в конце VII в., поддержала восстание тюрков и вместе с ними встала у истоков возрождения II Восточнотюркского каганата. Другая часть сеяньто в количестве 70 000 чел. убежала на запад [9], т. е., в степи Центрального и Восточного Казахстана, где они, ослабленные понесенным разгромом, стали легкоуязвимыми для поглощения новой политической силой в лице племен, облюбовавших берега Иртыша. В легенде Гардизи этот период истории, по нашему мнению, нашел свое отражение в следующих выражениях: «Они приветствовали Шада как своего начальника и стали оказывать ему почет. Другие люди... тоже стали приходить... собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада» [10]. Бросается в глаза число семь, 700, 70 тыс., имеющих определенное отношение к кимако-кыпчакским племенам. Как отмечал В. В. Бартольд, опубликовавший текст Гардизи с легендой о генеалогии кимаков, число людей, считавшихся необходимым для образования самостоятельного племени в древнетюркских эпитафиях, также имеют цифру 700 [11]. Приведенные сведения говорят о том, что факты, присутствующие в информации Гардизи о наиболее ранних фазах образования кимакского этнополитического союза с центром на Иртыше, далеко не так фантастичны, как могло показаться с первого взгляда. Они отражают действительные события периода тюркских каганатов, происходящие на стыке границ Восточного Казахстана и Западной части Джунгарских степей, в которых не последнюю роль играли кыпчакские племена и йемеки.

И, наконец, совершенно не случайно приведен Гардизи разговор предводителя кимаков с его супругой,

---

[9] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1. С. 343.

[10] *Бартольд В. В.* Извлечения из сочинений Гардизи... С. 44.

[11] *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973. Т. 8. С. 44.

которая плавала в образе волоса в обожествляемой (река — бог кимаков) кимаками реке-духе, хозяином которой являлся дракон (неханг). У многих народов существует поверье, что дракон (и змей — главная его ипостась) является первосоздателем всего сущего на земле. Дракон отделил небо от земли, создал солнце, людей, но остался божеством нижнего мира. Представление о последнем связано с божеством плодородия, основой всего сущего, иначе говоря, дракон (змей) не только тождествен божеству, живущему на земле, но он также имеет непосредственное выражение в женщине — Хатун, как созидательнице и матери человечества, в воде, без которой прекращается всякая жизнь.

Кимаки, обожествляя представителей пантеона нижнего мира — дракона или змея, должны были считать себя причастными к их образу и на этом основании должны были именоваться народом змей. Эти генеалогические представления они привнесли на Иртыш с территории своего первоначального обитания из монголоязычной этнической среды.

Сведения Гардизи о первоначальном проживании кимаков гораздо восточнее Иртыша, где-то в Восточных пределах Монголии, не являются единственными в своем роде. Они находят подтверждение в показаниях и других арабо-, персоязычных информаторов.

Так, весьма важны сообщения арабского путешественника Тамима ибн Бахра, совершившего, как известно, в 20-х гг. IX в. первое из сухопутных путешествий в глубь монгольских степей [12]. В путевых заметках он приводит ряд интересных данных о народах, по территориям которых проезжал, прежде чем достигнуть столицы царя тогузогузов (уйгуров). Этот город располагался на берегу р. Орхон, в 10 км к югу от озера Угэй-Нур при выходе реки из теснин Хангайского хребта. Сейчас в данной местности находятся развалины Хара-балгасуна (Черного города), которые и являются остатками главного города уйгурского хана [13].

Как уже отмечалось, в литературе существовало мнение о том, что Тамим описывал уйгурский город

---

[12] *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // BSOA S. 1948. V. 12. P. 303.

[13] Древнемонгольские города. М., 1965.

на новой родине уйгуров в Турфанском оазисе. В. Ф. Минорский в подтверждение давней догадки И. Маркварта убедительно доказал ошибочность этого мнения. При внимательном анализе дорожника Тамима можно прийти к однозначному выводу, что конечным пунктом арабского путешественника на его длинном пути в 80 дней была ставка уйгурского хана на Орхоне. На это указывает и упоминание Тамимом дипломатических связей императоров Китая с уйгурским каганатом, а также того, что глава уйгуров получал по 500 000 кусков шелка в год от правительства Китайского государства, очевидно, в уплату за лошадей. Очень существенно, что эти сведения арабского путешественника аналогичны китайским династийным хроникам.

Например, в 821 г. уйгуры отправили большое посольство в столицу Китая для встречи китайской царевны Тхайхо. Посольство состояло из 2000 чел., а в подарок было послано 20 000 лошадей и верблюдов [14]. Сообщение китайского источника о пожаловании уйгурскому хану 500 000 кусков шелка в уплату за лошадей [15], скорее всего, и послужило источником информации для Тамима ибн Бахра, именно, в эти годы нанесшего свой визит на берега Орхона, в город уйгурского хана, который давал аудиенции в своем большом золотом шатре, стоя на плоской крыше дворца, и был виден издалека, на расстоянии пяти фарсахов [16]. Очевидно, китайские летописцы имели в виду именно этот шатер, когда сообщали, что «хойхуский хан обыкновенно сидел в золотой палатке» [17]. Золотой ордой называл столицу уйгурии и киргизский хан в 839 г. В этот год он грозился хану уйгуров: «Я скорее возьму Золотую твою орду, поставлю перед нею своего коня, водружу мое знамя» [18].

Все сказанное неопровержимо свидетельствует о

---

[14] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 332.

[15] Там же. С. 333. Торговля лошадьми с Китаем началась по инициативе уйгуров с 760 г. Они продавали одну лошадь за 40 кусков шелка. В X в., по показаниям Ван Янде, лошадь уже стоила 1 кусок шелка. Подробно о связях уйгуров с Китаем в VIII—IX вв. см.:

[16] *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's journey... P. 284.

[17] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 356.

[18] Там же. Т. 1. С. 355.

том, что Тамим добрался в первой трети IX в. до столицы уйгуров на Орхоне, при подробном описании которой он приводит весьма существенную для нас деталь: «Направо от города царя тогузогузов — **страна тюрков**, где кроме них никто не проживает налево от него — **страна кимаков**, (выделено нами — *С. А.*), а впереди него находится страна Китай, до которой было 300 фарсахов» [19].

При обычной ориентации с севера на юг, принятой в арабской географической литературе, расположение этих координат не вызывает сомнения: тюрки — на западе, Китай — на юге, кимаки — на востоке. Но помимо такой ориентации можно взять за отправную точку одну известную координату — Китай, который по отношению к городу на Орхоне располагался к югу, юго-востоку. И в этом случае термин «налево», употребленный Тамимом ибн Бахром для локализации кимаков, снова указывает на их расположение к северо-востоку или к востоку от города на Орхоне. Об этом же пишет и В. Ф. Минорский [20]. Отмеченный факт кочевания кимаков влево от столицы уйгуров на Орхоне явно свидетельствует о проживании кимаков в начале IX в. в степях Северо-Восточной Монголии. Это известие арабского путешественника резко противоположно устоявшемуся мнению о локализации кимаков только в бассейне Иртыша. Тем не менее не доверять Тамиму ибн Бахру нет веских оснований. Он пишет в своих записках, что лично навестил и имел беседу с предводителем кимаков, армия которого состояла из 20 тыс. превосходных всадников [21]. Прежде чем наблюдать и иметь личные беседы с руководством кимаков и тогузогузов (уйгуров) в их собственных владениях, Тамим ибн Бахр отмерил сотни и сотни фарсахов на своем нелегком пути, и к его информации пренебрежительно относиться нельзя.

По словам Тамима, до ставки царя кимаков было расстояние в 80 дней пути для быстро скачущего всадника [22]. Путь этот начинался от Тараза — границы мусульманского мира. Дорога шла на восток и, как

---

[19] *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's journey... P. 284.
[20] Ibid. P. 300, 302.
[21] Ibid. P. 289.
[22] Ibid. P. 284.

пишет Тамим, «все эти степи, пески и долины обширны»[23], в которых путь всадника труден, опасен и длинен. Даже рассчитывая оптимальное расстояние для нормального человека и выносливой лошади в этих условиях в 45—50 км в день, мы неминуемо придем к заключению, что общее расстояние от Тараза до ставки царя кимаков составит не менее 3500—4000 км., что в конечном итоге приведет опять к восточным пределам монгольских степей.

Цифру 80 или 81 день пути до ставки царя кимаков от Тараза приводят и другие арабские писатели, которые, как выясняется, основывали свои показания на данных, впервые приведенных Тамимом ибн Бахром, — Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Якут, Идриси. Однако нигде в их трудах не утверждается, что резиденция царя кимаков, до которой надо было добираться 80 дней пути, находилась на Иртыше. Этого и не могло быть, ибо Тамим ибн Бахр размещал кочевья кимаков гораздо дальше, к востоку от Иртыша. Поэтому утверждения всех современных исследователей кимако-кыпчакской проблематики о том, что расстояние в 80 дней пути для быстро скачущего всадника от Тараза относится к месту обитания кимаков на Иртыше, основано, мягко говоря, на недоразумении и является данью сложившейся давно традиции отмечать кимаков только на Иртыше. Кто ошибся в таком представлении первым, сейчас выяснить трудно, но это утверждение стало кочевать из работы в работу.

Кимаков на Иртыше отмечают только поздние источники — Гардизи анонимный автор «Худуд ал-Алма», отразившие позднейшую нарративную традицию, когда внедрение кимаков на их новой родине в бассейне Иртыша и на юго-западных склонах Алтайских гор было завершившимся актом. Наоборот, Тамим ибн Бахр и следовавшие за ним авторы освещают жизнь кимаков еще на их старых территориях в северо-восточной Монголии и Манчьжурии или в период исхода кимаков на запад.

Вероятно, только Идриси, автор XII в., имевший в своем распоряжении источники обоих кругов информации, отразил в своих пространных и довольно об-

---

[23] Ibid. P. 289.

ширных известиях о кимаках эти две тенденции без должного анализа их, что, естественно, не могло не сказаться на его сведениях о стране кимаков, весьма путанных, противоречивых и неясных, что и вызвало оправданное недоверие многих исследователей к его сочинению. Так, И. Маркварт отмечал: «Можно предположить, что для Идриси главным источником о кимаках были поздние сочинения, в которых под термином кимак подразумеваются... выходцы из собственной Монголии»[24]. Этот автор также ничего не говорит о реке Иртыш, кимаки у него обитают на реке Гамаш. Однако кимакам он посвятил специальную главу в своем географическом своде, раздел этот озаглавлен «Восточная Азия, страна кимаков»[25]. Как бы раскрывая свою мысль, Идриси приводит такое описание страны кимаков, которое не оставляет сомнений в том, что он имел в виду крайние восточные пределы Азии, за которыми простирается только водное пространство. Вот его описание: «От Тараза до главного города, где живет царь... расстояние в 81 день пути. Кимакия является просторной и плодородной страной. На юге багаргар (тогузогузы. — *С. А.*)... на востоке море Мрака»[26].

На карте, являющейся неотъемлемой частью географического трактата Идриси, страна кимаков также расположена на самом краю, в восточной ее части. На ней также показано, что земли этой страны на юге, в полном соответствии, например, с данными Тамим ибн Бахра, соприкасаются с пределами страны тогузогузов, а с востока о берега страны кимаков бьются воды моря Мрака, отождествляемые большинством исследователей с мировым океаном, воды которого омывают и берега Китая[27]. И от этого океана, согласно Идриси, до столицы царя кимаков было всего шесть дней пути[28]. Как видим, и Идриси относит, по крайней мере, часть своих кимаков к территории, расположенной гораздо восточнее Иртыша. Приведенные им дан-

---

[24] *Marquart I.* Über das Volkstum der Komanen // AKGWG. Berlin, 1914. Bd. 13. N 1. S. 108.
[25] Geographie d'Edrist. Paris, 1840. T. 2. P. 218.
[26] Там же. С. 220.
[27] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 77.
[28] Geographie d'Edrist. T. 11. P. 220.

ные заимствованы из кругов, близких Тамиму, ибо он приводит расстояние до ставки кимаков в 81 день пути. Одновременно у Идриси имеются сведения о кимаках, обитавших уже на новых местах в пределах Восточного Казахстана, где их фиксируют поздние источники, в частности Гардизи.

Для этого автора так и осталось неизвестным написание самого имени *кимак*. По крайней мере среди приведенных им перечислений семь человек — предки-эпонимы кимакских племен, составивших позднее этнополитическое объединение; написание самого имени отсутствует. Это дало повод И. Маркварту предположить, что искомое слово *кимак*, возможно, составилось из соединения двух первых из приведенных Гардизи племенных названий — Ими и Имак (iki—imak><ki-mak — два кимака) [29].

Гипотеза И. Маркварта выглядит неубедительной. Существует мнение, что считающийся классическим список имен племен имеет явные искажения. Даже сам И. Маркварт отождествлял первый этноним ими с названием огузского племени имур [30]. У Махмуда Кашгарского и Рашид ад-дина это имя пишется как эймур [31], у Абу-л-Гази — как мимир [32]. Достоверные сведения в пользу отождествления ими с имир привел Ю. А. Зуев [33]. Б. Е. Кумеков считает, что «скорее всего в рукописи Гардизи lapsus calami: следовало бы писать эймур, а не ими [34].

Очевидно, термин *кимак* и этноним (если это этноним) были известны лишь определенной группе мусульманских авторов. До сих пор нет определенной ясности в том, как должно было звучать это написание в устах современников. Видимо, мы вправе говорить о некоем народе, по отношению к которому использовалось книжное имя кимак. Между тем существовала

---

[29] *Marquart I.* Die iki-Imak // Ostasiatiatische Zeitschift. Berlin, 1920. Bd. 8. S. 293—296.

[30] *Marquart I.* Über das Volkstum der Komanen... S. 96.

[31] *Кошгарий М.* Девону луготит турк. Тошкент. 1960. Т. 1. С. 114; *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Ч. 1. С. 458.

[32] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен... С. 53.

[33] *Зуев Ю. А.* К семантике этнонима «имур» (имур) // ИАН ТуркмССР. СО. 1968. № 4. С. 95—96.

[34] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 37.

не только нарративная, но практическая традиция, в которой слово «кимак» распространялось на значительную часть населения средневекового Казахстана и прилегающих к нему районов Южной Сибири, а затем южно-русских степей.

Весьма показательно, что такой автор XI в., как Махмуд Кашгарский, знавший из личных наблюдений политическую ситуацию и экономику Казахстанских степей начала II тысячелетия н. э., о народе кимак, как таковом, ничего не говорит. Молчат о нем и древнетюркские рунические памятники и китайские источники. Махмуду Кашгарскому на правом берегу Иртыша, где размещал своих кимаков Гардизи и неизвестный автор «Худуд ал-Алам», был известен народ только под именем кай [35]. Был известен Махмуду Кашгарскому и народ под именем йемек, также проживавший на берегах Иртыша. О них он даже приводит стихи неизвестного поэта караханидской эпохи: «На реке Иртыш йемеки засучивают рукава, у них отважные сердца, они собираются идти на нас» [36]. В непосредственной близости от этих двух племен Махмуд Кашгарский поселяет и татар. Таким образом, перед нами почти тот же порядок племен, который встречается у Гардизи в его списке. Различие только в том, что вместо кимаков Махмуд Кашгарский упоминает племя кан. Другой автор XI в. ал-Бируни, в районе Иртышского бассейна размещает племя кумак [37], локализация которого совпадает с кимаками, а огласовка противоречит предположению И. Маркварта. Ю. А. Зуев в этой связи отмечает: «Есть основание считать, что кумаки Бируни и кимаки других авторов — нетюркского происхождения и китайским эквивалентом их имени было кумо (kuo — mak > kumak)» [38].

То, что приведенный этнический термин *кумак* у ал-Бируни не случаен для интересующего нас региона, доказывает Рашид ад-дин. «Юрт Гуюк-хана находится

---

[35] *Кошгарий М.* Девону...

[36] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 255.

[37] *Wright R. R.* Ed. and tranal. The Book of Instruction in the Elements of the Art Astrology by Abu'l Raihan al-Biruni. London, 1934. P. 145.

[38] *Зуев Ю. А.* Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам (бома, гуй, яньмо): Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 15. С. 121—122.

в земле Кумак, в местностях, которые они, монголы, называют Йеры-Минграк, Эмиль и Юрсаур»[39]. Все топонимические названия, приведенные выше, легко отождествляются и наносятся на современную карту Восточного Казахстана. Минграк соответствует горам Монрак, Эмиль — современной р. Эмиль, Юрсаур — Саурскому хребту[40] и, таким образом, перед нами предстает бассейн верхнего Иртыша, называемый еще в XIII в. местностью Кумак.

Интересно отметить, что на топонимической карте Казахстана, на которой нашли свое отражение многие родоплеменные названия в соответствующих этнооронимах и этногидронимах эпохи средневековья, мы не встречаемся с топонимическими реперами с основой кимак, а имеем только этноним кумак. Например, под таким названием известна р. Кумак, протекающая по северо-западной части современнной Актюбинской области и впадающая в р. Урал.

Как видим, у весьма компетентных авторов XI в., какими являются Махмуд Кашгарский и ал-Бируни, у арабо-, персоязычных авторов племя кимаков, обитавших в бассейне верхнего Прииртышья, заменяется реально существовавшим народом кумак, по версии ал-Бируни, и народом каи, по материалам Махмуда Кашгарского, что, вероятно, отражает изначальную сложную структуру этого племенного образования, состоящую из двух частей, возможно, нетюркского происхождения. Во всяком случае, Махмуд Кашгарский отмечал: «Кай, ябагу, татары, бысмылы. У каждого из этих племен свой язык. Вместе с тем они хорошо знают тюркский»[41].

Последняя фраза средневекового филолога нас не должна смущать, ибо он сообщает о периоде, когда каи уже продолжительное время находились в тюркской этноязыковой среде, и, несомненно, восприняли язык и материальную культуру окружавших их кыпчаков и йемеков, проживавших, как известно, в бассейне верхнего Иртыша и региона Алтайских гор еще в середине I тыс. н. э. Указание на то, что у каи был особый язык, во всяком случае нетюркский, хорошо

---

[39] СМИЗО. Т. 2. Т., 1941. С. 66.
[40] Атлас СССР. М., 1952.
[41] *Кошгарий М.* Девону луготит турк. С. 66.

сочетается с представлениями о восточной природе происхождения кимаков на территории, являющейся этническим эпицентром татаро-монгольских родоплеменных объединений. На новом месте ко времени жизни Махмуда Кашгарского они еще не успели утратить свой язык и вычеркнуть из памяти свою генеалогию, следы которой отразились в мифологическом сценарии, приведенном Гардизи, где ассоциативная связь понятий женского волоса, плавающего в божественной реке, женщины-Хатун и дракона-змеи с божеством нижнего мира стала генеалогической основой происхождения кимаков-каи.

Если рассматривать этноним *каи* с позиции монгольского языка, что правомерно, исходя из вышесказанного, то окажется, что в диалектах этого языка термин *каи* означает змею, дракона. Очень серьезным подспорьем является весьма редкая возможность сопоставить тамги отдаленных в результате частых перемещений различных группировок этого племени. В китайском источнике VIII в. «Танхуйяо» в разделе «Тамги лошадей из вассальных княжеств» приводится и тамга племени каи ,изображенная в виде змеи [42]. Такая же тамга сохранилась и у племени каи, отмеченных в источниках уже в составе огузо-туркменских племен в Средней Азии [43].

Как видим, каи являются народом змей и в степях Восточного Казахстана. В бассейне Иртыша, став известным здесь ряду арабо-, персоязычных информаторов под именем кимак, они появились, выселившись с территории Северо-Восточной Монголии, где их впервые отметил в начале IX в. Тамим ибн Бахр. Возможно, именно этому арабскому путешественнику мы обязаны появлением в анналах истории имени кимак.

В районе, куда добрался Тамим ибн Бахр при посещении столицы уйгуров на Орхоне, в этот период, как известно, обитали и кимаки, которые, согласно Тамиму, кочевали налево от города на Орхоне, т. е. северо-восточнее и восточнее его. Более точную локализацию их расселения дает Рашид ад-дин: «В древ-

---

[42] *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 9, 132.

[43] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. С. 53.

ние времена местообитание уйгурских племен было по течению этих рек... в горах и равнинах. Те [из уйгуров], которые обитали по течению десяти рек, называли он-уйгур, а [живущих] в [местности] девяти рек — тогуз-уйгур... племена, обитавшие на Камланджу, которая есть девятая [река], называют народом **лун**, тех же, которые жили по реке Уткан, десятой по счету, называли народом **кумук-атыкуз»**[44].

«Древние времена», о которых упоминает Рашид ад-дин, падают как раз на начало IX в., когда Тамим ибн Бахр посетил столицу созданного уйгурами государства на Орхоне. Основатель уйгурского эля Элетмиш Бильге-каган, надпись в честь которого выбита на Селенгинском камне, называл себя государем он-уйгуров и тогузогузов. Среди последних упоминается народ лун.

Исследователи считают, что известия, которые приводит Рашид ад-дин, составлены с «учетом источников самого различного происхождения — монгольских, персидских, тюркских, китайских и др... Все это обеспечило сообщениям Рашид ад-дина такую полноту и точность, которая, по-видимому, не может быть признана более ни за одним другим сочинением, содержащим известия о народах Центральной Азии в раннем средневековье»[45]. Поэтому мы можем предположить, что упоминание им народа лун среди племен, обитавших в VIII в. в Центральномонгольских степях, отнюдь не случайный эпизод. Лун — китайское название дракона и змеи[46] и в таком прочно устоявшемся названии мы встречаем его до сих пор в двенадцатилетнем животном цикле — системе летоисчисления, распространенной среди тюркомонгольских и других народов Центральной и Восточной Азии, возникшей и вошедшей в употребление около начала нашей эры. Пятый год цикла называется драконом (китайское — лун). Параллельно с драконом этот год тюркоязычные народы называют годом рыбы (балык), годом крокодила величают его

---

[44] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 1. С. 147.

[45] *Зуев Ю. А.* «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина как источник по ранней истории джалаиров // Письменные памятники Востока. Историко-филологическое исследование. 1969. М., 1972. С. 178.

[46] *Чэнь Чан Хао, Дубровский А. Г., Котов А. В.* Русско-китайский словарь. М., 1953. С. 157.

таджики и персы (персид. «нехенг», «нак») [47]. Понятно поэтому теперь, почему персоязычный информатор XI в. Гардизи в приведенной генеалогической легенде о происхождении кимаков при описании эпизода, когда дракон утащил жену Шада кимаков Хатун в божественную реку, дает дракону название — крокодил (нехенг).

Важно отметить закономерность, заключающуюся в том, что рядом с народом дракона (лун и змеи, как главная его ипостась) Рашид ад-дин отмечает и народ кумук-атыкуз, проживавший на р. Утикан. В таком совместном сочетании эти два племенных наименования встречаются, как уже говорилось, на р. Иртыше в XI в., где они отмечены Махмудом Кашгарским под именем киа, у Бируни — под именем кумук. В период присутствия на р. Орхон Тамим ибн Бахра эти племена под именем кимаков находились, по терминологии арабского путешественника, налево от города кагана уйгуров, т. е. к северу или северо-востоку от Карабалгасуна.

Бретшнейдер локализует местность Камланджу, где сидел народ дракона, к району низовьев р. Толы, что действительно отстояло к северо-востоку от древней столицы уйгуров, расположенной, как известно, на выходе р. Орхон из ущелий Хангайского хребта. Утикан Рашид ад-дина — один из вариантов имени Утекенских гор, расположенных, по мнению большинства исследователей, в верховьях р. Орхон [48]. В этих местах обитали племена кумуков, которых, возможно, и видел Тамим ибн Бахр во время своего посещения столицы уйгуров и назвал их именем кимаков, которое в дальнейшем с его легкой руки, внедрилось в арабо,-персоязычные нарративы и в таком, книжном, наименовании стало широко фигурировать во всех трудах, начиная со средневековья.

Впрочем, мы высказываем только свое предположение о причинах появления этнического имени *кимак* на страницах мусульманских источников. Дело в том, что районы, лежавшие севернее или северо-восточнее

---

[47] *Захаров И. В.* Двадцатипятилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата. 1960. Т. 8. С. 36.

[48] *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей... С. 112.

ставки уйгурского хана, назывались также, согласно Рашид ад-дину, «местностью Кима в Кара-Коруме»[49], и эта местность была этнической территорией еще одного племени, вошедшего в изначальный семиплеменной политический союз, образовавший Кимакское объединение на Иртыше, которое в перечислении предков-эпонимов списка Гардизи упоминается под именем ланиказ.

Хотя В. В. Бартольд после названия племени ланиказ ставил знак вопроса, В. Ф. Минорский вместо ланиказ предпочитал произношение нилказ[50]. Если предложенная конъектура последнего автора верна, то нилказ можно сопоставить с родом нилкан племени Джалаир, перечисление 10 подразделений которых, проживавших в местности Кима в Кара-Коруме, приводит Рашид ад-дин[51]. Среди них, т. е. «десяти больших ветвей (племени джалаир. — *С. А.*), из которых каждая в отдельности стала большим народом»[52], помимо нилкан Рашид ад-дин упоминает и племя кумаут, которое Ю. А. Зуев сближает с племенем кимак, упоминаемым Бируни на Иртыше, и кимаками мусульманских авторов[53]. Все они проживали в местности Кима, лежавшей к северу от Орхонской столицы уйгуров, и именно в этой местности отмечал своих кимаков Тамим ибн Бахр.

В таком случае мы вправе ожидать, что китайские авторы, которых интересовали все крупные племена и народы, представлявшие для китайской империи потенциальную опасность и расположенные к северу от их границ, не обойдут их вниманием. И действительно, в регионах, лежавших к северо-востоку от древних земель, являвшихся в различные времена центрами образования тюрко-телеских государственных объединений, т. е. практически в тех местах, где локализовал своих кимаков Тамим ибн Бахр, согласно китайским летописным сводам, проживали народы под именем кумоси, варианты: кумохи, кучженьси.

Известный ориенталист В. В. Григорьев в конце

---

[49] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 93.
[50] *Hudud al-Alam.* The Regions of the Wolld... P. 304. С. с. 104.
[51] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Кн. 1. Т. 1. С. 93.
[52] *Зуев Ю. А.* «Джами ат-таварих... С. 184.
[53] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. С. 93.

XIX в. высказал мнение, что кимаки арабских авторов — это скорее всего кумохи китайских хроник [54]. Эта догадка русского ученого была подтверждена в 1920 г., когда французский синолог П. Пелльо в рецензии на работу И. Маркварта «О народности команов», убедительно доказал, что китайская транскрипция кумоси является передачей двух этнонимов: кумак и каи, где слово кумо (kuo-mak<kumak) — эквивалент имени кумак-кимак, а си происходит из ((hi<yiei) [55]. К. Г. Менгес пишет о последнем: «Этот этноним si-yiei сохраняет в современном кантонском диалекте свою более древнюю форму haj», и, «таким образом, народ си, возможно, тот же самый, что и «Qaj — каи» [56]. Позже эти выводы нашли свое подтверждение в работах В. Ф. Минорского и других исследователей [57]. Видный советский этнограф Г. М. Василевич в 1946 г. писала: «Китайские источники дают два этнонима кумо+хи (IV—VI вв.) и кима+ки... В X—XI вв. мы встречаем этноним *кимаки* уже в персидских источниках» [58]. Согласно В. А. Туголукову, «кимаки арабских источников... — это входившие в состав северных уйгуров кумохи (хисцы)» [59].

Си, или хи, упоминаются с III в. до н. э., но большинство сведений о них приходится на I тыс. н. э. В этот период преимущественным районом обитания их были восточные отроги большого Хинганского хребта в западной части Маньчжурии. Об этом племени в китайских источниках сказано: «Си, так же [как и кидан], относятся к [этнической группе] дунху. При династии Юань-Вэй (386—534) сами называли себя кучженьси и жили на бывших сяньбийских землях... Их земли на северо-востоке граничат с киданями, на западе — с туцзюэ, на юге проходят по р. Байланхэ... Обычаи такие же, как у туцзюэ. Пасут скот, переходя

---

[54] *Григорьев В. В.* Землеведение К. Ритера. Спб., 1873. С. 209.

[55] *Pelliot P. A.* Propos des Comans. S. 26.

[56] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»... С. 71.

[57] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi... P. 95—98.

[58] *Василевич Г. М.* Древнейшие этнонимы Азии и название эвенкийских родов // Советская этнография. № 4. 1946. С. 45.

[59] *Туголуков В. А.* Давние связи тунгусов с тюрками и уграми на Иртыше и Оби // Мат-лы III Всесоюзной тюрколог. конферен: Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984. С. 401.

с места на место в поисках воды и травы. Живут в войлочных шатрах. Ставят кольцом повозки, образуя лагерь... Остальные члены кочевья рассеяны по горным долинам... Средством существования служит охота при помощи луков. Из злаков много проса, причем собранное зерно хранят в погребах... Охотники были до драк и сражений. Имеют пять кочевий. Во главе каждого кочевья стоит сыцзинь. На западе владения... доходят до озера Далобо, находящегося в 3 тыс. ли от ставки правителя хуэйхэ (уйгуров)... При династии Суй отбросили (от своего названия) кучжэнь и стали называться просто си»[60]. Другие китайские авторы также подчеркивают их склоннность к «набегам и грабежам», что, например, «кумоси и кидани постоянно нападают друг на друга»[61]. Говорится также, что у кумоси «имеются превосходные лошади с крепкими копытами, хорошие на бегу»[62].

Сопоставляя известия об образе жизни кимаков, встречающиеся в мусульманских источниках с описанием быта и обычаев народа кумоси-кумохи в вышеприведенных цитатах из китайских хроник, даже несмотря на их фрагментарность, нельзя не обратить внимание на общность черт по основным деталям.

КУМОСИ	КИМАКИ
Кумоси-кумохи «пасут скот, переходя с места на место в поисках воды и травы; живут в войлочных шатрах».	Кимаки «зимой и летом кочуют в поисках пастбищ, воды и лугов; живут в войлочных шатрах».
Кумоси «ставят кольцом повозки, образуя лагерь» или, по другой терминологии, «отабаривались телегами».	«Куманы защищаются с помощью деревянных телег, из которых создают стену вокруг своего лагеря».
Средством существования служит охота... Из злаков много проса... Собранное зерно хранят в погребах...».	Кимаки занимались промысловой охотой на пушных зверей. Возделывали просо, ячмень, горох. «У кимаков есть

[60] Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. С. 148.

[61] Там же. С. 143, 144.

[62] Там же. С. 152. В этом же источнике сообщается, что кумоси «имели 20 тыс. конных воинов». Сравните с данными Тамим ибн Бахра, сообщающего, что предводитель кимаков имел армию из 20 тыс. превосходных всадников.

Кумоси были охотники до драк и сражений, к набегам и грабежам.

Тамга племени си (каи) изображает змею, так же, как само слово «каи» означает змею (ипостась — дракон). Река Амур, протекающая по территории, населенной кумоси, киданей и др. народов, называется по китайски Хэйлунгянь — река черного дракона [63]. Другое ее название Хэйхэ — «черная река».

ямы, которые устроены ими на зиму» [64].

Кимаки отличаются злым нравом, скупые и негостеприимные.

«Река — бог кимаков», хозяином которой является дракон. Мифологический дракон— водяное животное, он «бог воды, бог дождя» — символ божества нижнего мира и плодородия, к этому символу относится и женщина — Хатун, оказавшаяся вместе с драконом в водах Иртыша. «Вода реки черная [65]», отметил эту особенность реки персидский информатор Гардизи.

Приведенные сведения о кимаках и кумоси (кумо>>kymo>kuomak>kumak-ou-si<yiei) известие Тамима ибн Бахра о проживании кимаков «налево», т. е. к востоку, северо-востоку от уйгуров и Рашид ад-дина о обитании племен кумук-атыкуз и лун (дракон) в местности Кима, т. е. также вблизи земель уйгуров, где обитали племена кумоси, имевшие, согласно китайским источникам, на запад от себя земли уйгуров; указание Гардизи о бегстве кимаков на Иртыш и в горный регион, примыкающий к нему, где, согласно авторитетному утверждению Махмуда Кашгарского, не было народа под именем кимак, на их месте он размещает племя каи и где, по данным Бируни, проживали кумаки,— все это позволяет нам в настоящее время вполне обоснованно утверждать тождество племени, известного в книжной традиции мусульманской письменности под именем кимак, народу каи, а также определить первоначальное местообитание кимаков под именем кумоси в Восточной Монголии и Западной Маньчжурии по соседству с киданями.

Обитая на территории, населенной преимущественно народами монгольского этнического круга, кумоси были, по всей вероятности, нетюркоязычны. Китайские источники почти не отличают кумоси от киданей,

---

[63] *Храковский В.* Шараф ал-Заман Тахир Марвази... С. 213.
[64] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 3. М.; Л., 1953. С. 8.
[65] *Бартольд В. В.* Соч. Т. 8. С. 45.

монголоязычность которых не вызывает сейчас ни у кого сомнения. По «Вейшу», владение киданей находится к востоку от кумоси, с которыми они одного корня, но разной ветви»[66]. Общность происхождения этих двух народов также подтверждается источниками. «Си, так же [как и кидане], относятся к [этнической группе] дунху»[67], и «кидани и сисцы понимают язык друг друга фактически составляют одно государство»[68].

Л. Лигети писал: «Как известно, народ дунху, который раньше ошибочно отождествлялся с тунгусами, после поражения в войне с сюнну разделился на две части — ухуань и сяньби. О последних китайские источники в 45 г. н. э. приводят довольно подробные сведения... из них выделились, с одной стороны, племена си (кумохи) и кидане, а с другой стороны, несколько позже — ветвь ажа. Союз этих племен, начиная с VII—X вв. назывался шивей»[69].

Таким образом, можно предположить принадлежность народа кумоси к протомонгольскому сяньбийскому племенному союзу. И все же справедливости ради следует отметить, что среди китайских источников имелась и другая точка зрения, связывающая кумоси с сюнну. Например, гл. 74 «Записи по истории Пяти династий» сказано: «Сисцы, собственно говоря, являются отдельной ветвью сюнну»[70], а их обычаи весьма сходны с туцзюэ»[71], что являются, несомненно, отражением значительного влияния на них тюркоязычных народов, вначале восточных тюрков, сеяньто-кыпчаков, затем уйгуров. Это влияние было настолько сильным, что китайским информаторам было уже трудно определить их происхождение. Следует, вероятно, согласиться с заключением В. А. Туголукова, писавшего, что «хи (си) включали как хуннские, так и дунхуские этнические элементы, т. е. занимали как бы про-

---

[66] Материалы по истории древних кочевых народов... Китая III—V вв. н. э. Вып. 1. М., 1979. С. 154.

[67] Там же. С. 148.

[68] *Лун Ли Е.* История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979. С. 17.

[69] *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольского языка // Вопросы языкознания, № 5. 1955 С. 137.

[70] Материалы по истории кочевых народов... С. 152.

[71] Там же. С. 143.

межуточное положение между ранними тюрко- и монголоязычными группами» [72].

Традиции ранних этнополитических связей племени кумоси с тюркоязычными этносами в центральноазиатский период их жизни в дальнейшем существенно облегчили процесс их внедрения уже под именем кимаков в тюркоязычную этническую среду на их новой родине на берегах Иртыша, что не могло пройти мимо внимательного наблюдателя, каким являлся Махмуд Кашгарский, отметивший, что у народа каи (т. е. кимаков), так же, как и у татар, ябагу «свой язык», и в то же время они хорошо владели тюркской речью. Вероятнее всего, к навыкам тюркской речи, по крайней мере определенная часть народа каи, или си, вынуждена была приспособиться в период подчинения их господствующему в восточной части Центральной Азии в середине I тыс. н. э. народу сеяньто-кыпчакам и тюркам, а после разгрома последних — уйгурам. Во время кратковременного существования каганата Сеяньто в первой половине VII в. си входили в состав этого государства [73].

Такая тенденция продолжалась и при главенстве в степях Монголии II Тюркского каганата, во главе которого стояла коалиция из тюрков и сеяньто (кыпчаков). Так, под 710 г. преемник основателя каганата Гудулу Мочжо-каган «привел дома Кидань и Хи под свою власть» [74]. Вступивший на престол после гибели Мочжо новый каган Могилян также утверждал: «Хи и Кидань суть мои невольники и подданные» [75].

С возникновением в Центральной Азии в середине VIII в. на месте разрушенного Тюркского каганата нового государственного образования — Уйгурского эля, просуществовавшего почти сто лет (744—840 гг.) — положение племени си (каи) продолжало оставаться прежним. Сменился только их хозяин. Им стали уйгуры. «Прежде у народа си и киданей находились уйгурские уполномоченные по надзору и попечению, наблюдавшие за поступлением ежегодной дани» [76], — этот

---

[72] *Туголуков В. А.* Давние связи... С. 401.
[73] *Кюнер Н. В.* Китайские известия... С. 36.
[74] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 272.
[75] Там же. С. 276.
[76] *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров... С. 35.

отрывок из «Цзю Таншу» недвусмысленно засвидетельствовал истинное положение племени си (каи) во второй половине VIII — первой половине IX в.

Исходя из сказанного, можно предположить, что довольно значительное по времени пребывание народа каи в тюркоязычной среде в центральноазиатский период их истории не могло не наложить на него своего отпечатка и ко времени Махмуда Кашгарского, т. е. к XI в. они уже «хорошо знают тюркский», в то же время не позабыв родного языка, а это, скорее всего, язык монгольского лингвистического ареала, к которому принадлежали и татары, объединяемые в китайской географической литературе общим собирательным названием шивей, возможно, и сами кимаки (каи) отождествлялись в ряде источников с татарами. Поэтому кимаки, согласно информации Гардизи, оказались потомками и родственниками татар.

В свете сказанного любопытен факт, свидетельствующий об этнической близости кимаков (каи) и татар. Восточными соседями каи, согласно источникам, были кидани. В отчете китайского посла Ван Яньдэ, посетившего уйгурское турфанское княжество в последней четверти X в., при описании начальной стадии его посольского маршрута, проходившего через западные части Маньчжурии и восточные регионы Монголии, т. е. через этнические регионы, где по преимуществу обитали племена монгольского лингвистического круга, говорится: «Затем миновали племя волянхэтэ... Это были земли уйгуров при династии Тан. Потом проехали земли племени дачун тайцзы, граничащие с киданями. Местное население... из кобыльего молока приготовляет вино, от которого пьянеют»[77].

Слово «дачун» в переводе означает «великие змеи»[78]. С этими змеями кидани вели постоянные многолетние войны, но в конце концов все же одолели их. Подобная канва событий, если помнить об истинном положении дел в восточной части Центральной Азии в интересующий нас период, может прилагаться только к этническим коллизиям между кумоси и киданями, которые, согласно китайским источникам «постоянно-

---

[77] Там же. С. 88.

[78] *Ogel B.* Ein Tor nach China in 10 Shdt // Central Asiatic journal, 1961. V. 6. N 3. P. 175.

нападают друг на друга». Нам представляется, что в данном случае перед нами прямое тождество между кумоси (кимаки+каи) и народом змей. Исходя из всего сказанного, уместно предположить, что змей был тотемным животным определенного крупного этнического коллектива, приобретшего известность в источниках того периода по имени народ змей.

Действительно, на рубеже I и II тыс. н. э. в исторической жизни народов Евразийских степей определенную роль сыграло змеиное племя. Обратим внимание на одно звено из той цепи племен, которые участвовали в передвижении по обширным пространствам Евразии, а именно народ, известный в различных в языковом отношении источниках как змеи.

В армянском источнике сообщается, что народ отц (древнеарм. — народ «змей») вдруг двинулся на своих соседей «хардиаш», т. е., как нам уже известно, «рыжеволосых, светлых, белокурых» — кыпчаков-половцев. Потерпев поражение, несколько позже кыпчаки, уже смешавшись с народом змей (нашими кимаками) и создав с ними коалицию, в свою очередь, напали на своих соседей узов и печенегов и вместе с ними устремились далее на запад до Византии[79]. Об этой же цепи миграции имеются известия и у персоязычного автора ал-Марвази, но у него вместо племени отц фигурирует племя каи[80], т. е. те же самые змеи. Как установил В. Ф. Минорский, данные события произошли в первой половине XI в.[81].

Очевидно, кимаки помимо своего книжного имени были известны определенному кругу источников как народ змей (каи — монг. отц — арм.). Так как кимаки долгий период своей истории находились в тесной этнической связи с тюркоязычными народами, в первую очередь с кыпчаками и йемеками, и были в основном полностью отюречены, мы вправе предположить, что этот народ змей помимо монголоязычного варианта имел тюркский эквивалент, под которым его знали окружающие тюркоязычные народы. Почти во всех тюркских словарях, средневековых и современных, змея обозначается словом джилан, йылан. Однако в

---

[79] Gronique de Matthien d'Edesse... S. 89.
[80] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi... P. 103—104.
[81] Ibid. P. 104.

тюркской лексике средневекового периода истории Казахстана слово «джилан» в качестве обозначения особого этнического коллектива пока не обнаружено, кроме этнического имени елань, так именовалось и именуется подразделение башкирских кыпчаков [82]. Следовательно, бытовало какое-то другое, не сохранившееся в современных тюркских языках слово, под которым современники легко узнавали племя змей, т. е. кимаков, помимо их монголоязычного автоэтнонима — кай.

Таким словом, по нашему мнению, является термин *уран,* встречающийся исключительно в применении к кимако-кыпчакской этнополитической жизни в качестве этнического обозначения определенной части кыпчаков начала II тыс. н. э. Так, в одном источнике сообщается (речь идет о событиях конца XII в., о которых подробнее мы будем говорить в следующих главах) о кыпчакском хане Алп-Кара Уране и его соплеменниках уранийцах [83]. Сын его Кыран был отцом Теркен-хатун, больше известной в истории, как жена хорезмшаха Текеша и мать хорезмшаха Мухаммеда. Она, согласно Рашид ад-дину, происходила из племени уран [84]. При исследовании истории и этимологии племени уран мы обратились к тюрко-арабскому словарю XIII в. «Книга собрания толковых слов тюркских, неарабских, монгольских и персидских», известному в литературе как «Словарь Хоутсма», составленному на основе кыпчакских, огузских и в меньшей мере карлукских и уйгурских языков [85]. В этом глоссарии встречается слово уран. واورن ,которое переводится как змея, гадюка [86]. Возможно, этот термин восходит к древнетюркскому слову *игип* — проникать, прижиматься [87], или, что представляется более верным, слово *уран,* гомогенно с тюркским глаголом *ора* — наматывать, обманывать, мотать и является производным от

---

[82] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 362

[83] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. Спб., 1898. С. 719.

[84] *Рашид ад-дин.* Собрание летописей. Т. 1. Ч. 2. С. 209.

[85] *Курышжанов А.* Исследование по лексике тюрко-арабского словаря. Алма-Ата. 1970.

[86] Там же. С. 176.

[87] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 615.

этого глагола с прибавлением к нему аффикса — а (н), т. е. (ора+а/н/) — оран-уран, в значении существительного результата.

Возможно, этноним уран, обозначающий достаточно известный в Евразии народ змей, возник и появился в обиходе, стал достоянием определенного круга информаторов-современников из-за особенностей религиозно-магического мышления, столь обычного для периода средневековья в тюрко-монгольской этнической кочевой среде, связанного с шаманским запретом называть своим настоящим именем определенное племя.

Имя было тотемическим символом и поэтому имело магическое значение, члены рода или племени держали личное имя в тайне от всех из опасения, что, узнав его, иноплеменники получат благоприятную возможность нанести им вред. Так как змей был тотемом народа кимак, возможно, на его тюркское название, означающее змею, а именно джилан, был наложен запрет (табу). Оно было заменено именем, максимально близко характеризующим все основные черты и повадки змеи, но звучащим отлично от всем известного имени джилан. Таким образом, вместо этнонима джилан в письменных источниках появлялся этноним уран, имя, означавшее тоже змею, но только в завуалированном виде, так как само слово уран означает то, что обматывает или прижимается, т. е. в этих словах отражается основная сущность змеи. Интересно отметить, что одним из тувинских онгонов был ирень — пестрый — табуированное название змеи [88].

Как видим, этноним уран, встречающийся, что очень существенно, сугубо в кимако-кыпчакской среде, отражая лексику тотемического культурного круга, является эквивалентом монгольского этнонима кан и книжных кимаков. Отметим, что под названием уран народ змей был известен не только как логически следовало бы ожидать, с появлением его в сугубо тюркоязычной этнической среде, уже на территории современного Казахстана, но и на своей прародине, на стыке Монголии и Маньчжурии, где имя уран в различных вариантах было, вероятнее всего, аллоэтнонимом, т. е. названием

---

[88] *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1976. С. 83; *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири. М.; Л., 1936. С. 14.

полученным извне, из тюркоязычной среды, представителями которой в этом регионе в период раннего средневековья были сами тюрки (в узком, этническом понимании термина), их соправители — кыпчаки, уйгуры.

Не случайно этот термин, в китайском варианте волянхэтэ, был зафиксирован китайским послом конца X в. Ван Яньдэ во время его дипломатического вояжа к гаочанским уйгурам. Важно, что этот народ располагался, согласно китайскому автору, на той территории, которая считалась землями «уйгуров при династии Тан»[89], что, как известно, вполне отвечает историческим фактам. Выше уже неоднократно отмечалось, что в VIII—X вв. земли, где кочевали каи-кимаки, находились в подчинении у тюрков, а затем уйгуров. Не случайно отмечено Ван Яньдэ близкое соприкосновение пастбищ племени волянхэтэ с землями народа дачун, т. е. змеев[90]. Само племя волянхэтэ ряд исследователей (Д. Р. Гамильтон, Б. Огель, А. Г. Малявкин[91]), отождествлял с племенем уранкай, уранкат. Виттфогель и Фэн Цзяшен считают, что наиболее раннее упоминание этого племени встречается в «Ляоши» в транскрипции улянгай[92]. Наиболее полную сводку о различных вариантах именования этого племени в письменных источниках составил известный советский синолог Н. В. Кюнер. Согласно ему, они именовались улянха, улянхай, урянхай, урянхиты, уранкаи, унянгай, волангай, оренгай, уренкат и т. д.[93]. Весьма существенно его утверждение, что «Улянха представляют собой потомков хорошо известных си (хи) или кумоси (кумохи)»[94], т. е. кимаков — каи.

При ближайшем рассмотрении видно, что этноним уранкай является композиттивным, состоящим из двух этнонимов — уран и кай (уран+каи), каждый из составных частей предположенного гибридного назва-

---

[89] *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров... С. 88.

[90] Там же. С. 88.

[91] *Hamilton J. R.* Les ouighurs al'epoque des Cing Dinasties d'apres les documents chinoise. Paris. 1915. P. 159; Ogel. Op. cit. P. 175; *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров... С. 164.

[92] *Wittfogel K. A.* Feng Chid — Sheng. History of Chinese sosiety Liao (907—1125) — Transactions of the American Philosophical sosiety, Philadelphia, 1949. V. 36 P. 98.

[93] *Кюнер Н.* В Китайские известия о народах... С. 367.

[94] *Он же.* С. 303.

ния которого переводится как змея. Можно предположить, что полный перевод этого словосочетания будет иметь вид «змея+змея». Перед нами типичный пример образования этнонима при наслоении двух однозначных терминов, относящихся к разным языкам, что является типичным для контактных зон, каким и является регион Северо-Восточной Монголии и Западной Маньчжурии, где этнополитическая и этнокультурная история тюркоязычных, монголоязычных и тунгусских племен бесконечно перекрещивалась вследствие неоднократных инвазий и перемещений огромных масс кочевников и полукочевников. В результате этого происходили многослойные процессы взаимодействия и взаимовлияния, метисации и интеграции различных племен и народов.

То, что этот искусственно зародившийся этноним имел право на существование и был довольно широко распространен, подтверждают данные топонимики на обширном пространстве Евразийских степей, начиная от сопок Маньчжурии на востоке до берегов Черного моря на западе. Самое примечательное в нашем случае то, что и этнический двучлен уран+кай, и каждый из его составляющих по отдельности этнонимов уран и кай отразились в гиронимах, оронимах и реже ойконимах только на той территории, где действительно в различные периоды своей истории проживали родоплеменные подразделения, так или иначе связанные с кимако-кыпчакскими этнополитическими объединениями.

Подобные топонимы встречаются на географических картах Маньчжурии и Монголии, Казахстана и территориях, лежащих западнее их. В Маньчжурии протекают реки под названием Хайлар и Урэнгол, имеется местность обозначенная по существующему здесь колодцу Уранкудук. Одноименный колодец отмечен и в Монголии в Восточно-Гобийском аймаке. В Центральной Монголии возвышается гора Уран-Дунбэн. Еще западнее, уже в Северной Джунгарии, протекает р. Урунгу, впадающая в озеро Улюнгур. В Восточном же Казахстане поселок под именем Уранхай расположен у восточных берегов оз. Маркакколь.

Небольшая р. Уранхай впадает в р. Иртыш, реку, которую, как известно, обожествляли кимаки. В Центральном Казахстане, на карте Карагандинской облас-

ти, можно обнаружить гору Уранкай. Встречены подобные топонимы и на территории Южного Казахстана. В 20 км северо-восточнее современного г. Туркестана археологи обнаружили городище XIII—XV вв., имеющее местное название Уранкай. К. М. Байпаков отождествляет это городище с известным в источниках XIII—XIV вв. небольшим поселением Оронг [95]. Интересно, что целый ряд показаний письменных источников первой половины II тыс. н. э. приурочивает к среднему течению р. Сырдарьи и региона северо-западных, западных и юго-западных отрогов Каратауских гор определенные топонимические точки, связанные с именем змей.

Например, район расположенный к западу от низовьев Сарысу, в источнике XIII в. именуются Уранг или Урунг-Чакыл [96]. Вероятно, этот же регион был зафиксирован в XVI в. в уже видоизмененном плане — Йурунджкалык. Так именовалась местность рядом с Ак-Суме, где в 1582 г. во время карательного похода Шейбанидского правителя Абдалла-хана против непокорных казахских ханов его войско сделало остановку [97].

Ак-Суме отождествляется с еще сохранившейся башней Ак-Сумбе, с высоты которой видны низовья реки Сарысу, воды которой теряются в песках Моюн-Кума. Это не вызывает сомнения в идентичности местности Урунг-Чакыл XIII в. Йурунджкалаку XVI в. После остановки в этой местности Абдалла-хан с войском, за один дневной переход одолев пески, подошел к Сарысу, где стоянки его войска были названы Балтум-Турангу [98], Йатим-Турангу и Тибал-Турангу [99]. Заманчиво в топониме Турангу [100], видеть более древний, уже бытовавший в этом регионе, топоним Уранг.

---

[95] *Байпаков К. М.* О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ате, 1977. С. 89.

[96] СМИЗО. Т. 2. С. 112, 158.

[97] Шараф-Наме-йн Шахи // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII в. (Далее — МИКХ). Алма-Ата, 1969. С. 270.

[98] МИКХ. С. 272.

[99] Там же. С. 287.

[100] *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 567. (Хотя он и пишет, что Туран(г) — солончак, солончаковый луг... «среди лесов и лесостепей», далее добавляет, что «термин остается без тюркских параллелей»).

Возможно, автору XVI в. Хафизу Танышу, описавшему поход Абдалла-хана, были известны оба тюркских термина, обозначавших змею — уран и джилан, ибо Хафиз Таныш, отметил, что Абдалла-хан прошел местность Йиланджук [101] (Джиланчик), т. е. змеиное место после того, как его войско покинуло стоянки Балтум-, Йатим- и Тибал-Турангу.

Можно привести еще один топонимический репер для исследуемого региона, а именно: ойконим — Джилан (Йилан) — Караул, названный по имени змей. Он также расположен на северных склонах Каратау и стал одним из объектов притязаний воинских подразделений Шейбанидов, которые шли из-под Сузака на помощь основным силам Абдалла-хана, занятым в этот период осадой первоклассной крепости Сауран. Согласно Хафизу Танышу, эти отряды по пути прибыли «к одной крепости, укрепленной и сильной, носящей название Йилан-караул» [102]. Так как войско торопилось к Саурану, была выбрана кратчайшая дорога, ведущая с северных предгорий Каратау в Южные, через перевалы этого хребта, скорее всего путь шел по древней караванной дороге, ведущей из Сузака в Туркестан и далее к Саурану. Как раз на этой дороге находилась крепость Йилан-караул, где, «сидело многочисленное войско Дашта и препятствовало проезду» [103]. В результате штурма крепость пала.

В настоящее время в ущелье Кызылсай, расположенном в 5 км. к северо-востоку от г. Кентау Чимкентской обл., прорезающем горный кряж Каратау с юга на север и кратчайшей дорогой связывающем оазисы берегов среднего течения Сырдарьи с просторами Дешт-и Кыпчака, имеются следы древней караванной дороги, ею и сейчас можно пользоваться вьючному транспорту. В 1982 г. одним из отрядов Южно-Казахстанской археологической экспедиции, которым руководил автор данного исследования, в 15 км, вверх по ущелью Кызылсай была обнаружена каменная крепость, носящая местное название Кырыккыз [104]. Она

---

[101] Там же. С. 273.
[102] Там же. С. 293.
[103] Там же.
[104] *Ахинжанов С. М.* Исследование каменной крепости в Каратау // Археологические открытия. 1982 г. М., 1984. С. 450.

располагалась на самом краю сопки высотой до 60 м., мысом выступающей в широкую межгорную долину, и имела форму неправильного эллипсоидного круга диаметром 85×80 м. Крепостные стены сложены из дикого камня-плитняка, преимущественно сланца, причем наиболее массивные плиты весом до 80—100 кг. были заложены в основание стен. Камни не связывались между собой никакими растворами. Толщина крепостных стен — 1,5—2 м., сохранившаяся высота — до 5 м. Две обнаруженные монеты датируют основное время функционирования крепости — XV—XVI вв., т. е. время его штурма войсками Абдалла-хана. Эта крепость, запиравшая сквозной проход по ущелью Кызылсай из северных склонов Каратау (начала Дешт-и Кыпчака) в Туркестанский оазис [105], вероятнее всего и соответствует Йилан-Караулу.

Нам представляется далеко не случайным такое скопление змеиных топонимов, приуроченных к сравнительно ограниченной территории западной части хребта Каратау и присырдарьинских оазисов среднего течения этой реки. Это является отражением довольно длительного присутствия в данных районах племен кимакской группы, бывших составной частью кыпчакского этнополитического массива, с начала II тыс. н. э. вплотную придвинувших свои кочевья к границам оседло-земледельческих оазисов (Отраро-Туркестанского региона) Сырдарьи.

Исследование топонимических следов пребывания змеиного племени на территории действительного обитания, согласно показаниям источников, кимаков арабо-персидских нарративов показывает, что все они приурочивают основное место их обитания после ухода из северо-восточной Монголии к территории современного Восточного Казахстана, к региону бассейна Иртыша, куда входят юго-западные склоны Алтая, Тарбагатайский хребет, район озера Алаколь, Саурский горный массив. Все эти места, согласно Джувейни и Рашид ад-дину, еще в XIII в. именовались Алакамак, или просто змея-кумак [106]. Почти такое же название сохра-

---

[105] *Акишев К. А.* Средневековые каменные крепости Казахстана // Информ. бюл. Спецвыпуск. Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М., 1987. С. 85—88.

[106] СМИЗО. Т. 2. С. 22, 66.

няется за регионом Притарбагатайской долины к северу от озера Алаколь, за долинами р. Эмиля и Кобука и в XIV в. Он именуется местностью Кубак. Чередование согласных *м-б* в середине слова — явление типичное для тюркских языков средневековья и современности.

В регионе, носящем название Кумак (Кубак), происходили основные военные действия армии Тимура против некоторых могулистанских ханов, в частности Инга-тюре, когда могущественный завоеватель предпринял поход в северо-восточные окраины Могулистана, дойдя при этом до Иртыша. Описание этих событий, происходивших в 1388—1389 гг. встречается у авторов XIV—XV вв., летописцев деяний Тимура, его походов и сражений — Низам ад-дин Шами, Шараф ад-дина Йезди, Абд ар-Раззака Самарканди. Они сообщают, что главная ставка Инга-тюре, где он располагался со своей армией, находилась в местности Урунг-Йар [107]. Далее Низам ад-дин Шами пишет, что отправленные авангардные части войск Тимура во главе с Эмирзаде Омар-шейх-бахадуром с приказом «в местности Урунг-Йар настигнуть Инга-тюрю» [108], действительно, в этой местности столкнулись с его армией и «учинили им жестокое сражение и, разграбив вилайет врага и изгнав оттуда Инга-тюре, захватили беспредельные и неисчислимые богатства и скот». В то же время для этой местности Низам ад-дин Шами приводит название не Урунг-Йар, а Кубаг [109], т. е. эти два топонима выступают как синонимы. То же самое сообщает и Шараф ад-дин Йезди, информирующий, что Омар-шейх-бахадур во исполнение приказа Тимура настигнуть могулистанского правителя в «местности Урунг-Йар» [110] прошел через горы и степи, пока «в местности Кубак не подошел к Инга-тюре» [111], где в завязавшемся сражении разбил могулистанцев, «перебив многих из них, и, преследуя Инга-тюре, изгнали его из вилайета...» [112].

---

[107] Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. (далее — МИКК).

[108] Низам ад-дин Шами Зафар-Наме // МИКК. С. 107.

[109] Там же.

[110] Там же. С. 137.

[111] Там же.

[112] Там же. С. 137.

У более позднего автора, Абд ар-Раззак Самарканди, писавшего об этих же событиях, приуроченных к местности Урунг-Йар [113], которая, как выясняется, еще именовалась и местностью Кубак, данная территория обозначена другим названием. По его версии, «царевич (Эмирзаде Омар-шейх-бахадур. — *С. А.*), отправившись без обоза, налегке, настиг Инга-тюрю в местности Кайас и перебил его иль и улус, (сам же) Инга-тюря ушел» [114]. Как видим, новый топоним синонимичен вышеуказанным Урунг-Йару и Кубаку. Естественно, было бы предположить, что все три информатора о событиях конца XIV в., происходивших в верховьях бассейна Иртыша, говоря о ставке Инга-тюря, имели в виду три разные ее точки локализации под тремя различными наименованиями: Урунг-Йар, Кубак и Кайас.

Однако, зная, что местность, приуроченная к верховьям Иртыша, именуемая в ряде источников как Кумак (Кубак), получила свое наименование, по всей вероятности, от имени главенствующего народа, поселившегося по обоим берегам на рубеже I и II тыс. н. э., а именно кумак-кимак, резонно отождествить их с народом змей, варианты названия которого звучат то как уран в тюркской лексике, то как каи в монгольских диалектах. Существование тройного варианта названия Кубак-Кумак, Кайас и Урунг-Йар, приуроченного к одной географической точке, не должно вызывать удивления. Оно только подтверждает нашу точку зрения об идентичности народа змей — кимаков-уранкайцев (уран+каи).

Исследуя топонимические следы пребывания змеиного племени в регионе верхнего бассейна р. Иртыш и соседствующих с ним земель, следует, по нашему мнению, обратить внимание на ойконим, отмеченный рядом письменных источников первой трети II тыс. н. э. Так, Вильгельм Рубрук, глава миссии, посланной в 1253 г. французским королем Людовиком IX в далекую Монголию, францисканский монах-минарит во время своего путешествия в ставку великих монгольских ханов, проезжая по территории Семиречья, в прекрасно

---

[113] Матла' Ас-Са' Дайн ва Маджма' ал-Бахрайн Абд Ар-Раззака Самарканди // МИКК. С. 155.

[114] Там же.

орошаемой долине, лежащей между отрогами Джунгарского Алатау и оз. Балхаш, посетил большой город Кайлак, известный своим обширным базаром, посещаемым множеством купцов [115]. Как отмечает В. В. Бартольд, этот «Кайлак, несомненно, соответствует Каялыку мусульманских источников, столице карлукского хана Арслана, который в начале XIII в. отложился от каракитаев и подчинился монголам» [116]. У Рашид ад-дина же Каялык (Киялык) в XIII в. отмечается, скорее, как местность, чем как населенный пункт [117]. Согласно Джувейни, Каялык располагался в семи днях пути от местности Алакумак [118].

Хотя некоторые авторы произвольно трактуют имя Каялык как Койлык, т. е. «баранье место», якобы получившее такое название из-за «знаменитого бараньего базара, который устраивался у его стен» [119] (неизвестно, почему четко зафиксированный у разноязычных авторов топоним Каялык-Кайлак превратился в Койлык, что не оправдано и фонетически), нам представляется, что в данном топониме также отразился факт пребывания в этом регионе части змеиного племени, где вторая часть слова Каялык-Кайлак — лак-лык — является аффиксом, указывающим на свойство (каялык — змеиный).

Если наша конъектура приемлема, то, как нам кажется, найдет свое разъяснение и довольно загадочное высказывание Рубрука о том, что страна, где проживали каялыкцы, называлась Оргонум —Organum, якобы получившая это наименование потому, что жители были хорошими органистами [120]. Однако, как писал еще В. В. Бартольд, «относительно названия Оргонум нельзя, конечно, принять толкование Рубрука» [121] за серьезный аргумент. Этот энергичный и сме-

---

[115] *Рубрук В.* Путешествие в Восточные страны. Спб. 1911. С. 125.

[116] *Бартольд В. В.* К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. Соч. М., 1966. Т. 4. С. 105.

[117] СМИЗО. Т. 2. С. 66.

[118] Там же. С. 22.

[119] *Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971. С. 110.

[120] *Рубрук В.* Путешествие... С. 125.

[121] *Бартольд В. В.* К вопросу об археологических исследованиях. С. 105.

лый путешественник, скорее всего принял желаемое за действительное. Для монаха, христианина-католика, конечно, было очень приятно узреть атрибуты своей религии в далеких азиатских землях, тем более что Рубрук сообщает о присутствии представителей одной из ветвей, правда еретической, христианской веры — несториан — в одном селении, находившемся всего в 3 милях от Кайлака. Увидев церковь, францисканский монах со своими спутниками со слезами на глазах вошел туда и радостно запел «Salve regina»[122].

В настоящее время казахстанскими археологами окончательно установлена локализация средневекового Кайлака-Каялыка. Он отождествляется с выявленным крупнейшим городищем северо-восточного Семиречья, расположенным на месте современного села Антоновское[123], отстоявшего в нескольких десятках километров к юго-западу от оз. Алакуль.

Мы уже пытались доказать, что территория Алакульской котловины, соседствующей с регионом Верхнего Иртыша, где в конце XIV в. вел боевые действия Тимур, в ряду письменных источников того периода именовалась, с одной стороны, Кумак-Камак, с другой — Кайас и Урунг-Йер (варианты названия последнего топонима — Оренг, Уранг, Уран, нелишне напомнить, что с Калбинского хребта, расположенного в северной части этого региона, берет свои истоки р. Уранхай, впадающая в Иртыш). Нам представляется, что этот топоним, широко бытовавший еще в XIV в., был, конечно, в обиходе и в XIII в., когда волей судьбы указанный регион пересекал Вильгельм Рубрук, державший путь к берегам далекого Орхона, в центре Монголии и в создании которого странным образом местное название области Урунг-Йер, трансформировалась в привычное слуху Оргонум.

Такая латинизированная передача названий местных топонимов для Рубрука, не знавшего всех тонкостей аборигенной речи и пользовавшегося толмачем, неким крещенным сирийцем Омодеем, не должна вызывать особого удивления. Несколько раньше этот путешественник также привел и использовал латинизи-

---

[122] *Рубрук В.* Путешествие... С. 112.

[123] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С. 36.

рованное имя для названия города, который он встретил, когда переправился с левого берега р. Или на правый. Город, известный еще в XI в. Махмуду Кашгарскому и отмеченный на его круглой карте как Ики-Огуз [124], благодаря информации Рубрука, вошел в историю и под именем Эквиус [125]. В настоящее время Ики-Огуз-Эквиус отождествляется археологами с «городищем Дунгане, расположенным в Долине Коксу, неподалеку от современного Талды-Кургана» [126].

Перемещаясь за кимако-кыпчакскими племенами на рубеже I и II тыс. н. э. далее на запад и следуя по следам их довольно сложных перемещений, мы неминуемо обратим внимание на совпадение географии их расселения с распространением топонимов с редкой основой уран и кай. Например, в Башкирии, бесспорно, являющейся регионом, где в эпоху предмонгольского нашествия кочевали племена кимако-кыпчакских формирований, сыгравших значительную роль в этногенезе башкир [127], имеются гидронимы по имени Уран. Так, два притока Сакмары носят название Большой и Малый Уран, в Зауралье близ города Миасса в XVIII в. два озера именовались Уранга и Урангич [128].

Гидронимы и ойконимы с основой *уран-оран* встречаются и в Закавказском регионе. В Азербайджанской ССР, в Варташенском районе протекает р. Уран, в Лерикском районе расположено с. Оран [129]. Остатки средневекового города Байлакана (V—XIII вв.) имеют и местное название Орен-Кала.

Появление этих топонимических наименований следует связывать главным образом с продвижением представителей кимако-кыпчакских группировок, которые проникали в Азербайджан двумя путями — с юга, из Средней Азии и с севера, из Дешт-и Кыпчака. Как пишет Р. А. Гусейнов, в начале XI—XII вв. «имела место массовая миграция тюрок, которые обосновались в различных зонах Передней Азии, в том числе в Азербайджане», где относительно многочисленные носители

---

[124] *Кошгарий М.* Ташкент. Т. 1.
[125] *Рубрук В.* Путешествие... С. 105.
[126] *Байпаков К. М.* Средневековая... С. 36.
[127] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.
[128] Там же. С. 355.
[129] *Мусабекова Н. Ч.* Об образовании этногидронимов Азербайджана. С. 1., 1986. № 2. С. 70.

кыпчакского языка появились в XII в., что связано «с именем атабеков Ильдегизидов, по происхождению, как считается, кыпчаков [130].

Со второй половины XI в. кыпчаки становятся известны грузинским летописцам. В 1118 г. грузинский царь Давид IV строитель, готовившийся к войне с тюрками-сельджуками, и со стремившимися к сепаратизму местными грузинскими феодалами, для укрепления своих военных сил провел через земли аланов-овсов около 40 тыс. воинов-кыпчаков с семьями. Вновь приобретенный воинский контингент был поселен на восточных и юго-восточных рубежах Грузинского царства. И именно в этих районах Грузии были зафиксированы нетипичные для грузинской лексики топонимы Кок-Уран и Ак-Уран [131].

Указанные негрузинские топонимы являются отчетливыми следами пребывания определенных компонентов кыпчакского этнополитического объединения, среди которых не последнюю роль играли представители кимакских, т. е. уранийских родов, поселенных грузинскими правителями в межгорных долинах, наиболее пригодных для скотоводства. Чтобы сильнее привязать кыпчаков к новым землям, Давид Строитель стал насаждать среди них христианскую религию и, как пишет информатор, «с каждым днем больше и больше кыпчаков становились христианами»[132]. Последующие цари Грузии продолжали привлекать кыпчакские воинские контингенты на службу, приглашая их из северокавказских степей, где кыпчаки проживали в XII в., находясь, по всей вероятности, в союзнических отношениях с местными народами, например, аланами (овсами).

При грузинском царе Георгии III (1156—1184 гг.) в Грузию вновь переселились несколько десятков тысяч кыпчаков и овсов [133], названных в грузинских летописях «новыми кыпчаками». Часто упоминаются кыпчаки и в войсках царицы Тамары (1184—1213 гг.). Например, во время вооруженного мятежа западно-

---

[130] *Гусейнов Р. А.* Огузы, кыпчаки и Азербайджан XI—XII вв. // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата., 1980. С. 351.

[131] *Мусабекова Н. Ч.* Указ. раб. С. 70.

[132] *Анчабадзе Г. З.* Кыпчаки в Грузии // Проблемы современной тюркологии Алма-Ата, 1980. С. 342.

[133] *Анчабадзе З. В.* Кыпчаки Северного Кавказа... С. 119.

грузинских феодалов кыпчаки были среди тех, кто сохранил верность царице. Во время нашествия монголов и позже, при описании политических коллизий в Закавказье, источники сообщают и об активной роли кыпчакских племен в тех или иных событиях. Много кыпчаков служило в войсках, воевавших с Грузией атабеков Южного Азербайджана, Гянджи, дербентских эмиров. Во время появления на Кавказе преследуемого монголами хорезмшаха Джелал ад-дина кыпчаки принимали активное участие в борьбе с ним на стороне грузин, а также в качестве его военных союзников при захвате Дербентского прохода и крепости Дербент [134].

Последние упоминания о кыпчаках на Кавказе в письменных источниках относятся к началу XIV в. [135], когда они принимали участие во внутрифеодальных войнах правителей Грузии. Память о них сохранилась в грузинских народных преданиях, в топонимии (Кок-Уран и Ак-Уран).

Конечно, кыпчаки-половцы не могли бы столь активно участвовать в исторической жизни народов Закавказья начала II тыс. н. э., если бы не чувствовали мощную поддержку своих родственных племен, уже в XII в. прочно обосновавшихся в северопредкавказских степях. Впервые в этих местах они появились, вероятно, в конце XI в., вытеснив с этих кочевий печенегов [136], на первых порах внедрение их на новые земли проходило далеко не мирным путем. На вооруженную борьбу с пришельцами-степняками местного оседло-земледельческого населения (аланами, адыгами, вайнахами и др.) недвусмысленно указывает грузинский автор конца XI в. Джуаншер: «В последующее время печенеги и джики во множестве бежали от тюрок и ушли печенеги на запад» [137]. Джики — это адыги, а под тюрками Джуаншер имел в виду кыпчаков [138]. Однако уже с начала XII в., когда определились границы между кыпчаками, адыгами, аланами по течению Кубани, Тереку и другими местами, в северокавказских степях установилось

---

[134] Там же. С. 343.

[135] *Анчабадзе З. В.* Кыпчаки Северного Кавказа... С. 115—116.

[136] Там же.

[137] Там же. С. 116.

[138] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988 С. 149.

политическое равновесие, и началось взаимное сближение, в чем были заинтересованы обе стороны. Не последнюю роль в этом примирении сыграла политика грузинских правителей. Летопись сообщает: «Овсы (аланы. — *С. А.*) и кыпчаки, по предложению царя Давида, отдали друг другу заложников, учинили друг с другом обоюдное согласие, между собой мир и любовь» [139]. Какие же конкретные кыпчакские объединения кочевали по предкавказским степям и играли столь значительную роль в политической жизни народов Кавказа в канун монгольского нашествия?

Скудость источниковедческого материала не позволяет конкретно ответить на вопрос. Русская летопись не приводит сведений о половецких группировках, жизнь которых не была непосредственно связана с Русью, поэтому предкавказские кыпчаки не были предметом их непосредственного интереса. По сведению грузинских же хроник, кыпчаки проникли в центральные части Предкавказья, включая часть равнин Чечено-Ингушетии и часть приморского Дагестана в районе Дербента, где известны «дербентские кыпчаки» [140]. Археологические памятники уточняют эти границы. Картографирование кыпчакских каменных изваяний, являющихся яркими и выразительными памятниками культуры этого народа, обычно сооружаемых только на землях, по которым кочевали кыпчакские объединения, показало, что наибольшее их число сооружалось по линии верховья Кубани (Пятигорск и Ессентуки) — левобережье р. Кумы. Многие из них известны на территории Ставропольского края. Пребывание кыпчаков в этом регионе четко локализуется и по курганным материалам, датирующимся XII—XIII вв. [141] Как видим, письменные известия и археологический материал свидетельствуют о том, что кыпчаки занимали на Северном Кавказе большие пространства равнинного Предкавказья — от Дербента до Нижнего Дона [142], где их кочевья соприкасались с территорией самого старого

---

[139] Там же.

[140] *Анчабадзе З. В.* Кыпчаки Северного Кавказа... Нальчик, 1960. С. 118.

[141] *Минаев Т. В.* К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 11. С. 167—196.

[142] История народов Северного Кавказа... С. 149.

половецкого объединения — Донского, и даже, судя по данным источников, предкавказские кыпчаки являлись отколовшейся частью донских половцев [143].

С. А. Плетнева, на основании данных русских летописей и картографирования половецко-кыпчакских каменных изваяний, пришла к выводу, что кочевья «донских» половцев располагались в самом центре Половецкой земли — в бассейне среднего течения Северского Донца, который русские летописи неоднократно называли Доном или даже Доном Великим [144]. Согласно ей же, донские половцы, обосновавшиеся в первой половине XI в. в придонских степях, перешли на вторую стадию кочевания — с определенными и ограниченными местами и маршрутами кочевок, летними и зимними [145], и в местах их зимовок у половцев в XI в. возникают небольшие оседлые поселения. Благодаря данным русских летописей, нам известны некоторые имена этих «городков» — Шарукан, Сугров и Балин, все они локализуются на Северском Донце [146]. Если название Балин можно сопоставить, как предполагает С. А. Плетнева, с древнетюркским словом — balig [147], что означает город [148], то два упомянутых ойконима Шарукан и Сугров, несомненно, получили свое название по имени донских половецких предводителей (хана Шарукана и его брата Сугра).

Шарукан, известный в летописях на протяжении почти 40 лет, с 1068 по 1107 г., являлся одним из главных предводителей (перед ним как глава донских половцев, в летописных анналах, только один раз упоминается его отец — хан Осень, умерший в 1082 г.) могущественного донского объединения кочевников. Династия Шаруканидов прослеживается в русских летописях на протяжении четырех поколений. К роду Шарукана принадлежали «его сыновья Отрок, бежав-

---

[143] *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 275.

[144] *Рыбаков Б. А.* Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» // Научные доклады высшей школы. Сер. Истор .науки. М., 1958.

[145] *Плетнева М. А.* Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 253.

[146] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. МГУ. 1966. С. 202.

[147] *Плетнева С. А.* Донские половцы... С. 255.

[148] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 80.

ший в Грузию от Мономаха, и Сарьчан, а также брат Шарукана — Сугр, сын Отрока Кончак (упоминается с 1172 по 1203 г. как глава донских половцев), и, наконец, сын Кончака Юрий, участник битвы на Калке, упоминается с 1205 по 1223 г. и, по нашему мнению, один из предводителей кыпчакского войска, неудачно выступившего в союзе с аланами в 1222 г. против монголов, в период их первого появления в предкавказских степях.

Нам представляется, что династия Шаруканидов, возглавлявшая объединение донских половцев, была выходцем из змеиного племени (кимаков — уран — каи — уранкаев). Приведем в подтверждение этой гипотезы некоторые доказательства.

Начнем с вышеупомянутых половецких городков. Учеными были сделаны попытки определить их местонахождения. Например, Н. В. Сибилев помещал их ниже Изюма, сопоставляя Шарукан с Теплинским городищем, Сугров — с Сидоровским городищем, Балин— с Маяцким [149]. Однако С. А. Плетнева, обследовав эти городища, пришла к выводу, что они датируются VIII—XI вв. и относятся к типу так называемых городищ с земляными валами салтовско-маяцкой культуры [150]. В то же время, согласно Плетневой, в данном регионе имеется одно, разрушенное распашкой укрепленное поселение, датируемое по керамическому материалу XII в. Это городище у с. Гайдары и, что интересно, рядом с Гайдары (Кайдары-Кайлары?) расположен г. Змиев (ныне Готвальд). В этой связи С. А. Плетнева далее замечает: «Факт существования в районе Змиева городища XII в. чрезвычайно интересен, так и как сам г. Змиев был, судя по названию, половецким становищем. Название города от слова «змея» связывает его с половцами-кыпчаками...» [151]. С. А. Плетневой как бы вторит И. Г. Добродомов, писавший, что «очевидно, половецкий город Шарукан можно отождествить с городом Змиевым в Харьковской области, тем более что он находится в том районе, куда специа-

---

[149] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 202.
[150] *Плетнева С. А.* Половецкая земля... С. 270.
[151] Там же.

листы по русской исторической географии помещали этот половецкий город»[152].

Сопоставление г. Шарукана с ойконимом Змиевым исходит из этимологии личного половецкого имени Шарукан от тюркского названия дракона, о чем подробно сообщает К. Г. Менгес, писавший, что слово Шарукан восходит «к венг. sarkan (sarkany) или его древневенгерской форме, имеющей значение «дракон»... слово встречается впервые в 1193 г. Поппе сравнивает «венг. sarkan с тур., крым., куман. sazayan — дракон, змея»[153], и «это имя первоначально обозначает дракона почитавшегося «великим духом», или тотемным животным...»[154]. А как известно, именно дракон и змея как главная его ипостась были тотемными животными кимаков во времена их политического господства в степях Казахстана в IX—X вв., где они именовались в тюркской лексике под именем уран, в монгольской — каи.

Начиная с середины XI в. кимаки в составе кыпчаков-половцев появились у границ Древнерусского государства, что нашло отражение в русских летописях, преданиях и былинах.

Народ змей, т. е. кимаки, отложился в русской письменной традиции и под своим самоназванием, принесенным им из центральноазиатских степей, отложился он и в топонимике. Например, в древнерусских летописях встречается племя каепичи[155]. Структура этого этнонима ясна. Как пишет К. Г. Менгес, «имя представляет собой патроним на — ичь в им. п. мн. ч., образовано от сложного слова, вторая часть которого — *ора/аро* «отец»... Первая часть сложения — племенное название Qai (Кашг.) или Qajy; последнему отдает предпочтение Маркварт...»[156]. Одним из следов топонимического пребывания кимакских племен в землях донских половцев является ойконим Гайдары, отождествляемый с городом Шарукан. Интересно, что г. Шарукан, названный в честь хана Шарукана, в некоторых летописных списках, например Троицкой ле-

---

[152] *Добродомов И. Г.* Тюркская топонимика в «Повести временных лет» // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 140.

[153] *Менгес К. Г.* Восточные элементы... С. 172.

[154] Там же. С. 173.

[155] ПСРЛ. Т. 2. С. 507.

[156] *Менгес К. Г.* Восточные элементы... С. 61.

тописи, именуется Чешуевым [157], в чем, по справедливому замечанию С. А. Плетневой, опять же можно усмотреть связь со змеей [158].

Варианты ойконима Шарукан — Чешуев, Гайдары, Змиев, прикладываемые к конкретному половецкому городу, как видим, являются лингвистической разновидностью одного термина, означающего змею.

Исходя из факта, что Шарукан — город донских половцев, во главе которых свыше 150 лет стояла династия Шаруканидов или, по нашему мнению, династия драконов, змей (основателем династии, видимо, следует считать Шарукана, в личном имени которого персонифицировался этноним), а для информаторов, описывающих события в Евразийских степях начала II тыс. н. э., не было секретом, что под змеиным племенем имелось в виду только этнические коллективы кимакской группировки, можно, как нам представляется, с определенным основанием предположить, что ханами донских половцев, образовавших династийную линию, были выходцы из народа «змей» — кимаков (уран-кай).

Выше мы пытались обосновать положение о том, что кимаки в своей первоначальной основе были народом монголоязычного этнического круга, в дальнейшем сильно отюреченного, почти полностью ассимилированного в процессе более чем 300-летнего проживания на территории Казахстана в кыпчако-йемекской тюркоязычной среде. Исходя из этого, следует предположить полиэтничность донского союза половцев, во главе которого стояли Шаруканиды, в среде которых, очевидно, представления о своих генетических связях с далекой родиной, монгольскими степями никогда не прерывались и в драматические отрезки истории вдруг выступали на передний план. Помимо половцев-кыпчаков и кимаков в донское объединение кочевников входили остатки «самого различного степного и лесостепного населения, обитавшего на данной территории до прихода... кыпчаков. Это были аланы и болгары..., печенеги и тюрки...» [159]. Например, в половецких городах Шарукан и Сугров, являвшихся зимними став-

---

[157] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 207.
[158] *Плетнева С. А.* Половецкая земля... С. 270.
[159] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья... С. 61.

ками обоих ханов, проживали вместе с половцами остатки разоренного и почти полностью уничтоженного еще печенегами аланского (яского) [160] населения Хазарского каганата [161], исповедующих христианство. Поэтому во время похода русских войск на «Дон» население Шарукана сдалось им без боя и вышло встречать их как представителей христианского воинства со всеми почестями, а во время второго похода в 1116 г. на эти же города сын Владимира Мономаха князь Ярополк «и ту взял полон мног... и приведе с собой Ясы, и жену полони себе Ясыню» [162].

Эти действия русских войск являлись заключительной серией походов на донских половцев, организованных Владимиром Мономахом в начале XII в. против своих беспокойных южных кочевых соседей. Разгром половцев был полным и результаты были значительными. Угнанные «за Дон, за Волгу, за Яик» кочевники надолго прекратили набеги на русские княжества, о Шарукане источники больше ничего не сообщают, он, видимо, вскоре умер, а его сын Отрок (Атрак) со своим народом откочевал далеко на юго-восток — в Предкавказские степи, в Обезы. Значение этих событий хорошо понимали и современники, и летописцы, ведшие записи спустя 100 лет. В них неоднократно повторяется, что Владимир Мономах «пил золотым шеломом Дон» и приводятся его слова: «И сказал Владимир. Сегодня день, созданный богом, возрадуемся и возвеселимся в этот день, потому что бог избавил нас от врагов наших и сокрушил им головы *змеиные* (курсив наш. — *С. А.*) [163]...»

Можно предположить, что Владимиру Мономаху, крупнейшему политическому деятелю Древней Руси на рубеже XI—XII вв., многие годы ведшему борьбу с кочевой степью (по преданию, он хорошо знал половецкий язык), было несомненно известно, что во главе объединения донских половцев стояли правители, образовавшие «змеиную» династию, основателем которой был хан Шарукан, и поэтому в его эмоциональной речи определение «змеиные головы», скорее всего, было

---

[160] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. 1887. М. Ч. 3.
[161] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья... С. 59.
[162] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись... С. 207.
[163] ПСРЛ. Т. 1. С. 279.

не данью политической метафоре, а отражало истинное положение вещей. Русские летописи не характеризуют эпитетом «змеиный» другие известные им половецкие объединения, существовавшие в тот период на южных границах Древней Руси. Этот термин относился только к объединению донских половцев, значительная часть которых в начале XII в. из-за походов Владимира Мономаха, его союзников и сыновей, была разгромлена, а хан Отрок (Атрак), ушел со своим народом в степи Северного Кавказа, где после определенной конфронтации установил дружеские и союзные отношения с обитавшими в этих краях аланами (ясами). Возможно, это было облегчено предыдущим совместным проживанием половцев и аланов (ясов) на берегах Северного Донца, в городках Шарукан, Сугров и Балин. Не исключено, что часть оседлого населения, это в основном аланы (ясы), после разгрома в 1116 г. городков ушла вместе с разгромленными половцами-кыпчаками хана Отрока к своим родственным племенам в Предкавказье. В установлении дружеских отношений между аланами и кыпчаками помогла и политика Давида IV Строителя, который, прежде чем пригласить к себе на службу кыпчакские племена Отрока, настоял на заключении между кыпчаками и аланами «мира и любви».

Одним из результатов этого союза было то, что аланы в 1118 г. пропустили кыпчакские войска через кавказские перевалы в Грузию, где Давид IV расселил их на восточных и юго-восточных рубежах своей страны. Теперь становится понятным, почему именно в этих районах и обнаруживаются нетипичные для грузинской лексики топонимы Ак-Уран и Кок-Уран — их, несомненно, принесли с собой тюркоязычные кыпчаки, во главе которых стояли предводители династийного «змеиного племени», т. е. уранийцы, а точнее, соплеменники хана Отрока (в русских летописях этот хан значится также под именем Атрак, настоящее, тюркское его имя было скорее всего Артык [164].

Союз кыпчаков и грузин, кроме принятия кочевниками христианства [165], был закреплен женитьбой царя

---

[164] *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика... С. 87.
[165] *Анчабадзе Г. З.* Кыпчаки в Грузии... С. 342.

Давида IV Строителя на дочери хана Отрока — Гурандухте. Если во второй части двухкомпонентного антропонима Гуран+Духт — слово духт-дохт переводится с иранского как дочь, девушка, что не удивительно, если помнить о долголетних связях донских половцев, с ираноязычными аланами, то о первом компоненте имени дочери половецкого вождя трудно сказать что-либо с уверенностью. Не считая предложенную версию семантики этого слова вполне убедительной с филологической точки зрения, рискнем все же предположить, что имя Гуран является, возможно, искаженным небольшим дефектом (лишняя буква — г), названием племени, к которому принадлежала дочь Отрока. Следовало, скорее всего, читать это слово как Уран — «змея», и тогда имя юной супруги грузинского царя переводилось бы как «дочь змеи», «дочь дракона».

После смерти Давида Строителя, в 1125 г., значительная часть переселенных им кыпчаков вернулась обратно на Северный Кавказ, а сам хан Отрок после смерти Владимира Мономаха, также последовавшей в 1125 г. вернулся на берега Дона, уступив долгим уговорам своего старшего брата Сырчана, продолжавшего кочевать с немногочисленными соплеменниками в Донских степях. Отрок вернулся не один, а с сыном своим Кончаком.

Как пишет С. А. Плетнева, «благодаря Кончаку, не погас род старого Шарукана»[166], который после смерти половецких ханов, его отца Отрока и дяди Сарычана, возглавил их объединения и превратился, таким образом, в одного из крупнейших половецких предводителей конца XII столетия. Ему, видимо, удалось объединить многие разрозненные половецкие роды и племена, кочевавшие по берегам Дона и Северского Донца. В «Слове о полку Игореве», где основным противником князя Игоря является именно хан Кончак, в поэтической форме приводятся сведения о том, что в решающий день битвы, приведшей к разгрому войск Игоря, на стороне Кончака выставили свои отряды половцы, пришедшие «от Дона, и от моря, и от всех стран»[167]. Складывается впечатление, что против Иго-

---

[166] *Плетнева С. А.* Донские половцы... С. 264.
[167] «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 12.

рева войска ополчилась вся половецкая степь: от Волги до Приднепровья и от русского пограничья на севере до предкавказских степей на юге. Большинство исследователей истории русско-половецких отношений пришли к мнению, что это, конечно, далеко от действительности. Поход Игоря был направлен против донских половцев и поэтому на стороне Кончака выступили, главным образом, те половецкие племена, чьи кочевья попадали непосредственно под угрозу разорения, т. е. объединения, которые кочевали на берегах Северского Донца и Дона.

Ипатьевская летопись приводит имена половецких ханов, принявших участие в битве. Большинство из них является персонифицированными этнонимами и поэтому при упоминании имени хана Токсобы, принявшего участие в сражении, следует иметь в виду, что на стороне донских половцев, возглавляемых Кончаком, в битве приняли участие и половцы-токсобичи, чьи кочевья располагались на среднем течении Северского Донца. Согласно источникам, они входили в Донской союз [168]. Поражение Игоря, несомненно, способствовало возвышению Кончака и росту могущества его объединения, которым он управлял до самой смерти, последовавшей в самом начале XIII в. Наследником Кончака, по всей вероятности, стал его сын Юрий Кончакович, упоминаемый в летописях с 1205 по 1224 гг., который помимо донских половцев имел влияние и на родственные ему племена, кочевавшие в предкавказских степях, и поэтому о нем русские летописи писали, что он «больший всех половец».

Как видим, объединение донских половцев, под контролем которых находились земли от северных отрогов Кавказского хребта до низовьев Дона и во главе которых стояла правящая династия Шаруканидов или «рода дракона, змеи», находившаяся уже под насильственной, переходящей от отца к сыну (Осень — Шарукан — Отрок — Кончак — Юрий) властью (а не по обычаю — от отца дяди к племяннику), начало уже в 1022 г. складываться в раннефеодальное кочевническое государство [169]. Однако этот процесс был прерван нашествием татаро-монголов в первой трети XIII в.

---

[168] *Плетнева С. А.* Половецкая земля... // С. 292.

[169] Там же. С. 300.

Первое появление татаро-монгольских войск на Кавказе и в северной части Предкавказья довольно подробно освещено исследователями. Для нас представляют интерес события, разыгравшиеся в 1222 г., участниками которых были, с одной стороны, кыпчаки, а с другой — рейдовый корпус монгольских войск под предводительством видного и опытнейшего военачальника Чингисхана — Субэдэй-багатура. На стороне кыпчаков были союзные с ними аланы. Этот союз был настолько силен, что монголы, не сумев первоначально их разбить пошли на хитрость: решив расколоть монолитность кыпчако-аланского войска, послали к кыпчакам своих дипломатов. Главным козырем в их хитроумной политике было утверждение об общем их происхождении, общем генетическом родстве. Вот какими словами монгольские послы внесли раскол среди алан и кыпчаков. «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор...»[170]. Как ни удивительно, кыпчаки послушались монголов и покинули своих союзников. Остальное известно. Источники сообщают, что монголы сначала легко справились с аланами[171], затем набросились на кыпчаков, которые, «чувствуя себя в безопасности в силу заключенного между ними и (татарами) мира, разошлись»[172]. Застигнутые врасплох, кыпчаки бежали без боя и рассеялись по степным просторам. «Большинство их, собравшись, направились к Дербенту Ширвана»[173], а часть из них бежала на северо-запад, в междуречье Дона и Днепра, т. е. на основные свои земли. Согласно летописям, «Юрий Кончакович... не може стати противу лица их; бегающи ему и мнози избъени быша, до реки Днепра...»[174].

Но почему тюрки-кыпчаки так легко поверили, что они состоят в родстве с монголами, что они и монголы однокоренное племя? Не выдерживают критики предположения ряда ученых, считающих, что общие традиции кочевого хозяйства монголов и кыпчаков объединяли их в отличие от оседлых аланов. Но вся пред-

---

[170] СМИЗО. Т. 2. С. 31.
[171] Там же. С. 33.
[172] Там же. С. 142.
[173] Там же. С. 145.
[174] ПСРЛ. Т. 2. Столб. 740.

шествующая история борьбы монгольских племен за господство в Евразийских степях полна свидетельств того, как они беспощадно истребляли кочевые племена, стоявшие на их пути. Только на территории северопредкавказских степей при столкновении с кыпчаками, являвшимися частью объединения донских половцев, возглавляемых Юрием Кончаковичем, последним представителем династийного рода Шаруканидов или, по нашей концепции, кимаков (уранкаи), монгольские военачальники, возглавляемые Субэдэй-багатуром, вытащили на свет свой козырь.

Аргумент об этногенетических связях, как видим, был еще ощутим у определенной части кыпчаков, ее правящей верхушки, и напоминание об их родственных связях, уводивших в глубь веков, на территорию востока Евразийских степей с татаро-монголами, послужило роковым резонансом на хитроумное предложение Субэдэя. Весьма интересно, что сам Субэдэй-багадур, согласно источникам, являлся выходцем из племени уранкатов — уранхайцев, древние родовые кочевья которых располагались на территории Северо-Восточной Монголии, откуда, согласно Гардизи, в конце I тыс. н. э. произошел первый исход родственных татарам кимакских племен, ставших в дальнейшем династийным, правящим родом в определенной части кыпчакских племен, например в донском объединении половцев.

Таким образом, декларативная фраза татаро-монгольских дипломатов «Мы и вы — один народ и из одного племени», относящаяся к кыпчакам, не является неожиданной, более того, она вполне оправданна и вытекает из логики развития исторических событий.

В свете вышеприведенного может найти свое объяснение другой факт из этнополитической жизни половецко-кыпчакских племен в период монгольского нашествия, вызывающий у исследователей недоверие к источнику Ибн Халдуна, писавшего, что «племя дурут — из кыпчаков, а племя токсоба — из татар, что перечисленные племена не из одного рода»[175]. Это, во-первых, свидетельствует о том, что кыпчакские родоплеменные подразделения далеко не монолитны в

---

[175] СМИЗО. Т. 1. С. 541.

своей основе, в нем наряду с тюркоязычными присутствуют и монголоязычные компоненты, а во-вторых, племя токсоба, которое, как известно, кочевало по среднему течению Северского Донца и входило в состав донского объединения половцев, династийным родом которого были Шаруканиды, т. е. змеи, также имели определенное отношение к монголоязычным племенам.

Заканчивая рассуждения о монголоязычной природе происхождения некоторых кимакских племен в отличие от тюркоязычных в своей основе кыпчакских и этнополитических компонентов, остановимся вкратце на последних положениях Б. Е. Кумекова, который в своих тезисах «Этнокультурные контакты кыпчаков и татар» и в нескольких строках научно-аналитического обзора «Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII—XIV вв. «пришел практически к аналогичным выводам[176]. К этому его логически подвели «отдельные факты, заключенные в средневековых нарративных памятниках, прямо указывающие на отголоски реалий этнокультурных и этнополитических контактов между кыпчакскими и татарскими племенами»[177]. Хотя дальнейшее утверждение Б. Е. Кумекова о том, что доказательных аргументов по существу этой проблемы не было дано и «не нашло научного объяснения»[178], что законно вызывает удивление (практически он полностью игнорирует исследования по этой проблеме В. В. Григорьева, И. Маркварта, П. Пелльо и наши работы)[179], интерес вызывают его положения о причинных рычагах и механизме центральноазиатских связей кыпчаков с монголоязычными племенами[180].

Б. Е. Кумеков обнаружил у Ибн Халдуна интерес-

---

[176] *Кумеков Б. Е.* Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Тезисы докладов XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (РАС) «Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности». М., 1986. С. 39—40; Арабские и персидские источники... С. 289.

[177] *Кумеков Б. Е.* Арабские и персидские источники... С. 29.

[178] Там же.

[179] *Ахинжанов С. М.* Этнонимы «кимак» и «кыпчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. Там же приведена литература по данной проблеме.

[180] *Кумеков Б. Е.* Арабские и персидские источники... С. 29.

нейшую информацию, заключающуюся в том, что «у кыпчаков издревле была тесная связь с народом татар Чингисхана и его домочадцами. По большей части кыпчаки роднились с татарами по женской линии, беря в жены их дочерей. Поэтому Чингисхан считал кыпчаков однородцами»[181]. Исходя из этого контекста, Б. Е. Кумеков приходит к выводу, что «здесь отмечены уходящие в глубь веков по преимуществу патрилокальные связи кыпчаков с татарами»[182], т. е. отношения близости между людьми, возникавшие из брачного союза, или так называемый институт «свойства».

Согласно степным кочевническим традициям, отношения свойства как «союз мира и родства» на разных уровнях межплеменных связей имели исключительно важное значение[183]. Они влекли за собой целую систему реальных и нередко тесных связей, проявившихся в общественно-политической поддержке. Часто они использовались в дипломатических и военных делах и, как видим, по событиям 1222 г., такая политика приводила к действенным результатам. Б. Е. Кумеков также считает, что начало брачных связей кыпчаков с татарами, скорее всего, следует датировать VIII в., временем постоянных политических взаимодействий кыпчаков и огузов с племенами монголоязычных центральноазиатских группировок и, хотя в данном случае он прямо не упоминает кимаков, но весь ход событий и наши знания о реальной этнополитической обстановке на востоке Евразийских степей последней четверти I тыс. н. э. логически приводят нас к этому утверждению.

Скорее всего институту свойства, возникшему в отношениях кыпчаков с кимакскими родоплеменными подразделениями в регионе бассейна Иртыша, предшествовали бурные исторические события, разыгравшиеся в недрах Центральной Азии в конце I тыс. н. э., отголоском которых явилась легенда, приведенная Гардизи, об отделении кимаков от татар и внедрении их на берега Иртыша.

Когда же произошло переселение кимаков на Иртыш? Как мы уже отмечали, кимаков в регионе со-

---

[181] *Он же.* Этнокультурные контакты... С. 39—40.
[182] *Он же.* Арабские и персидские источники... С. 29.
[183] *Он же.* Этнокультурные контакты кыпчаков и татар... С. 40.

временного Восточного Казахстана знают только арабо-, персоязычные информаторы, писавшие в X—XI вв. Более ранние авторы отмечают их значительно восточнее. Такое различие информаторов не случайно. Вероятно, рубеж VIII—IX вв. был тем периодом, когда произошла инфильтрация определенной части кимакских племен на Иртыш.

Ясно, что переселение не было единовременным актом. В самом предании Гардизи слышны отголоски каких-то двух или даже трех-четырех этапов миграции. Действительно, сначала на Иртыш, опасаясь за свою жизнь, бежит сам будущий предводитель кимаков. Затем к нему присоединяются, причем в два этапа, оставшиеся на прежних кочевьях родственные племена.

Причиной появления кимакских племен на новых местах послужили, как писала А. А. Гаврилова, «политические перемены»[184] в степях Центральной Азии. Одним из них был разгром енисейскими киргизами уйгурского государства с политическим центром на Орхоне в 840 г.[185] Этот разгром дополнился стихийными бедствиями, обрушившимися на монгольские степи. «В тот год, — повествует летопись, — был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, отчего пало много лошадей и овец»[186]. Эпидемия и джут в придачу к военным невзгодам вынудили разноэтническое население уйгурского ханства забросить обжитые кочевья и искать новые земли на стороне. Ведь даже победители — киргизы — не обосновались на новых местах из-за боязни чумы. Киргизский хан перенес свою ставку «на южную сторону гор. Лаошань. Лаошань еще называют Думань (Танну-Ола): оно лежит в 15 днях конной езды от прежнего хойхуского стойбища»[187].

Пути расселения племен и народов, составлявших костяк Уйгурского каганата после его гибели, подробно исследованы в специальной статье А. Г. Малявкина, выделившего на основании данных источников пять основных направлений их исхода из степей Централь-

---

[184] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; 1965. С. 72.

[185] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. 1. С. 356.

[186] Там же. С. 334.

[187] Там же. С. 356.

ной Монголии, из чего становится ясно, что они бежали практически во все стороны, кроме севера, где обитали киргизы — их враги [188]. Не упоминал А. Г. Малявкин и северо-западное направление из-за того, что китайские источники об этом пути умалчивают. Однако Д. Г. Савинов отмечает, что «в настоящее время имеются основания предполагать, что какая-то часть уйгуров (или входящих в состав Уйгурского каганата племен — проникает не только на запад, но и на северо-запад (северо-западное направление), в районы верхнего Иртыша» [189]. В доказательство своей версии он приводит сведения из информации, обнаруженной им у автора XVII в. хивинского хана Абу-л-Гази, писавшего, что «около 3000 лет жили уйгуры в означенном месте (Монголии), потом они пришли в упадок, попали в плен и рассеялись. Некоторые из них остались на родине, другие пошли на берега Иртыша и распались там на три колена... Третье колено поселилось в лесах на Иртыше, не разводило скот, а занималось рыболовством и охотою на соболей, куниц и белок, питалось их мясом и одевалось в их шкуры...» Д. Г. Савинов пишет далее, что «несмотря на поздний характер источника, приведенные в нем факты... полностью соответствуют событиям середины IX в.» [190].

Соглашаясь с предположением Д. Г. Савинова о действительном существовании на Иртыше населения разгромленного Уйгурского каганата, добавим, что наряду с сугубо уйгурскими племенами этим же путем удалились на Иртыш и кимакские группировки, о чем и сообщает Гардизи в своей генеалогической легенде. Поэтому совершенно справедливо Б. Е. Кумеков делает вывод о том, что «после распада в 840 г. Уйгурского каганата часть племен, входивших в него (эймюр, баяндур, татар), присоединилась к ядру кимакского объединения. Именно в это время происходит сложение кимакской федерации в том составе, который приводит Гардизи [191].

---

[188] *Малявкин А. К.* К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Сиб. отд. АН СССР. 1972. № 1. Вып. 1.

[189] *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 104—105.

[190] Там же. С. 105.

[191] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. С. 114.

Другие события произошли в Маньчжурии, где продолжала обитать часть кимаков — каи. Они вели непрерывные войны со своими соседями киданями. Кульминацией этих войн стал 847 г., когда часть племен каи бежала на запад. В. П. Васильев так объясняет это перемещение: «В 847 г., когда северные роды хисцев (каи) сбунтовались, Лулун Чженчжунву сжег у них 200 тыс. кибиток, захватил 70 000 баранов и прочее... Но одно поколение убежало от киданей и поселилось... у Северных гор; поэтому при киданях появились два рода хи — восточные и западные, первые жили на старых местах при реке Иньляньчжоу и могли выставить до 20 000 конницы»[192]. Возможно, эту часть кимаков видел Тамим ибн Бахр во время своего посещения ставки хана. Он тогда отмечал, что у предводителя кимаков была конница в 20 000 всадников.

Бежавшие от киданей каи были последней волной в переселении кимаков на Иртыш.

Заключая сказанное отметим:

1. Кимаки на Иртыше — пришлый народ, а сам этноним кимак книжный, известный лишь в кругу арабо-, персоязычных информаторов. Самоназвание их было, очевидно, каи. От окружавших, издавна проживавших в регионе современного Восточного Казахстана тюркоязычных племен кыпчаков и йемеков они, возможно, получили имя уран. И каи и уран в переводе означают змею. Кимаки — народ змей, дракона.

2. Первоначальный регион обитания кимаков-каи — район северо-восточной Монголии, западная часть Маньчжурии, где они были известны китайским источникам под именем кумоси — кумохи и уранкаи. Часть их во второй половине I тыс. н. э. находилась в сфере влияния Тюркского, а затем Уйгурского каганатов. После разгрома последнего кимаки переселяются на запад, в бассейн верхнего Иртыша.

3. Являясь выходцами с территории, населенной преимущественно монголоязычными племенами, каи первоначально были нетюркского происхождения. Согласно источникам, они относились к протомонгольскому сяньбийскому племенному союзу.

---

[192] *Васильев В. П.* История и древности вост. части СА / Зап. Импер. Арх. общ-ва. Т. 13. Спб., 1859. С. 35.

4. Появившись в IX в. в районе верховья Иртыша и Алтая, населенного тюркоязычными кыпчаками (сеяньто), йемеками и др. кимаки-каи уже к середине XI в. были отюречены и с переходом главенства в степях Казахстана с начала II тыс. н. э. к кыпчакам, с расширением территориальных притязаний последних на просторы Евразийских степей вместе с кыпчаками участвуют в их сложной истории. Нередко кимакские племена становятся главенствующими династийными родами в кыпчако-половецких объединениях как на территории Дешт- и Кыпчака, так и Поля половецкого.

Глава 3

РАССЕЛЕНИЕ КИМАКО-КЫПЧАКСКИХ ПЛЕМЕН В IX—XI вв.

Прежде чем рассматривать вопрос о расселении кимако-кыпчакских племен в IX—XI вв., вернемся к некоторым особенностям этнических названий, распространенных у многих кочевых народов. Они заключаются в том, что людей разных родов и племен называли по имени господствующего рода или племени, и могущественное в какой-то определенный период времени племя заслоняло своим именем этнические наименования, подчиненных племен.

Например, под 461—465 гг. летописец сообщает, что племена, ранее известные под собственными именами, после покорения их аварами (жуанжуанями) [1] приобрели это новое название. Более того, те же авары, широко прославившиеся в период так называемого великого переселения народов, повлияли на распространение тенденции к причислению многих этнических общностей, к громкому и достаточно известному имени авар. Не напрасно Феофилакт Симокатта специально останавливается в своей «Истории» на различии между аварами и теми, кого назвал псевдоаварами [2].

Рашид ад-дин высказывался о том, почему и при каких обстоятельствах получил известность этноним татар. Процетируем его слова: «Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и досто-

---

[1] Тождество жуанжуань — авар доказано: *Olbricht Uchidas,* Prolegomena zu einer Geschichte der Jeu-Jan // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd. 26. 1954. H. 1—2. S. 90—100.

[2] *Фиофилакт Симокатта.* История. М.; 1957. С. 199.

инство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем» [3].

Как уже говорилось, в конце I тыс. н. э. кыпчакские племена, обитавшие на территории Казахстана, попали в политическую зависимость от внедрившихся с востока кимаков, которые на рубеже VIII—IX вв. проникли в бассейн Иртыша и постепенно расширили свое влияние далее на запад. К этому времени, вероятно, следует отнести появление в огузском племенном союзе на Сырдарье племен каи и баяндеров [4].

Добившись политического господства, кимаки вобрали в свое этническое имя наименования подвластных им племен кыпчаков и йемеков и ряд других, более мелких общностей, и, таким образом, обозначили целый комплекс этнических образований на территории Казахстана.

ТЕРРИТОРИЯ ОБИТАНИЯ КИМАКОВ И КЫПЧАКОВ В IX—X вв.

Наиболее достоверные сведения о стране кимаков, поскольку ему принадлежат известия о происхождении кимаков и их этническом составе, дает Гардизи, который свои данные черпал из более ранних источников, относящихся к VIII в. [5] Согласно Гардизи, кимаки, отделившись от татар, переселились на Иртыш, где к ним примкнули кочевавшие здесь племена, среди которых фигурируют кыпчаки и йемеки. Следовательно, вполне определенно можно утверждать первоначальное после переселения проживание кимаков на Иртыше. Возможно, они занимали на первых порах даже земли правобережного Иртыша, поскольку Гардизи утверждал, что, только «переправившись через Иртыш, приходят к шатрам кимаков» [6].

К этому периоду сами кыпчаки в основной массе располагались на просторах Центрального Казахстана, имея на юге от себя земли печенегов, кочевавших в VIII в. от Бабхаша до Сырдарьи [7], а в конце VIII в.—

---

[3] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 102.
[4] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 46.
[5] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen... S. 67.
[6] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке... С. 107.
[7] *Bacot J.* Recconnaissance et Haute Asie... P. 147.

начале IX в. ушедших в Приуральские степи. В этих местах в то время обитали и башкиры.

О пребывании древнебашкирских племен в Приаралье свидетельствуют комплексные показания ряда источников. Основываясь на их показаниях один из современных исследователей башкирского этноса Р. Г. Кузеев пишет: «...вся совокупность этнографических и письменных источников свидетельствует о том, что группа тюркских племен под общим названием башкиры издавна обитала на широком пространстве Приаралья, постепенно продвигаясь к западу. Основным районом расселения башкирских племен непосредственно перед их массовым передвижением на запад было Северное Приаралье, где они, очевидно, входили в состав печенежского объединения»[8].

Исходя из этих известий, можно представить карту расселения кыпчаков и кимаков в конце VIII в. Кимаки еще обитали в долине Иртыша, кыпчаки занимали степи Центрального Казахстана, граница проходила первоначально на юге, а затем на западе, с печенегами и башкирами. Не случайно Ибн Хордадбех в своем перечне племен, относящихся именно к VIII в., отмечал территорию кыпчаков отдельно от кимаков. Однако уже к началу IX в. кимаки расширили свое политическое влияние в степи, где кочевали кыпчаки. Поэтому у Гардизи мы находим следующие сведения. Он упоминает о Башкире — подданом хазарского кагана, который жил «между хазарами и кимаками»[9]. Широкое расселение башкир до кимаков, обитавших на Иртыше, маловероятно. Следовательно, чтобы граничить с башкирами на западе, кимаки должны были приблизиться вплотную к их местам обитания, что было возможно лишь при условии подчинения им степей Центрального Казахстана с проживающими в них кыпчаками.

Однако дальнейшее продвижение кимако-кыпчакских племен на запад и юго-запад сдерживалось печенегами и башкирами, которые, вероятно, были еще довольно сильны. Для борьбы с ними кимаки искали союзников, ими стали огузы, завершившие к началу

---

[8] *Кузеев Р. Г.* Урало-Аральские этнические связи в конце I тыс. н. э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т. 4. 1971. С. 23.

[9] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке... С. 109.

IX в. процесс консолидации своих племен в государстве сырдарьинских ябгу. Заинтересованнность в расширении кочевий толкала огузскую аристократию к широкой внешнеполитической активности [10]. Их взгляды, естественно устремились в первую очередь на богатые пастбища Приаральских степей. Экспансионистские планы аристократической верхушки кимакских и огузских племен на определенном этапе совпадали, а усилия были направлены на борьбу с печенегами.

О жестоком соперничестве кочевников за обладание пастбищами вокруг Аральского моря, просторами Западного Казахстана, сообщают представители двух разных кругов информации. Наиболее полные сведения дает византийский император и историк Константин Багрянородный. В своем сочинении «Об управлении государством» он писал: «... печенеги превоначально имели место жительства на реке Атила, а также на реке Гейхе (Урал), имея соседями хазар и так называемых узов [11] (гузов). Пятьдесят лет тому назад узы, войдя в сношение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одерживали верх, изгнали их из собственной страны и ее заняли до сего дня так называемые узы» [12].

Трактат был написан около 948 г., поэтому события, когда печенеги передвинулись на запад и распространились вплоть до северо-восточной части Балканского полуострова, произошли до 898 г. О том, что в этой борьбе на стороне печенегов находились башкиры, сообщает ал-Масуди. Согласно ему, причиной движения

---

[10] *Толстов С. П.* По следам... С. 247.

[11] Д. А. Расовскому принадлежит мнение, что узы это не огузы (*Расовский Д. А.* Половцы. Прага, 1935. Т. 7. С. 251). Сейчас этого мнения придерживается К. Шаниязов, который отмечает, что имеющийся в его распоряжении этнографический материал убеждает, «что узы были в прошлом самостоятельным родоплеменным объединением», т. е. отличны от гузов (см.: *Шаниязов К.* Узы // ОНУ. 1970. № 2. С. 70). Однако вышеприведенные известия двух авторов разнотипных источников (Багрянородного и Масуди), относящиеся к описанию одних и тех же событий, где главными действующими лицами являются у одного узы, у другого — гузы, представляют убедительный довод не рассматривать гипотезу Расовского и Шаниязова. Большинство исследователей принимают узов и огузов за одну и ту же народность.

[12] *Багрянородный К.* Об управлении государством // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 81. С. 15.

тюркских племен с востока на запад стали события, имевшие место в районе Аральского моря, когда шла борьба «между этими четырьмя племенами: баджанак, баджане, баджагард и наукерде и гузами, карлуками и кимаками» [13].

Баджанак — это вариант имени печенегов; последующие два названия — баджане и баджагары — отождествляются с бурзянами и башкирами [14]. Чрезвычайно ценно то, что Масуди указывает на этническое родство башкир, бурзян и печенегов. Он пишет, что перечисленные племена «суть три рода из тюров» [15]. Обитая на пастбищах Западного Казахстана, они разделили горькую историческую судьбу, выпавшую на их долю после понесенного поражения от более могущественного союза огузов и кимаков. На стороне последних, как видим, выступили и карлуки, также проникшие в VIII—IX вв. на среднее течение Сырдарьи [16]. В то же время огузы, игравшие, вероятно, главную роль в наступательном союзе, использовали против печенегов и силы их западных соседей — хазар, как об этом сообщает Константин Багрянородный.

Конечно, устоять против таких могущественных врагов, тем более борясь на два фронта, печенеги и союзные им башкиры не смогли. Они вынуждены были покинуть свои пастбища и отступить на запад и северо-запад. По всей вероятности, огузы главенствовали в той неоднородной племенной общности, которая сложилась после бурных событий конца XI в. в степях к северу от Аральского моря. Среди них продолжали обитать некоторые части печенегов, которые, как сообщает все тот же Багрянородный, остались на старых местах по собственному желанию [17]. Они входили как внутренний элемент в состав огузского союза, завершая его этническую консолидацию. Недаром Махмуд Кашгарский в XI в., Рашид ад-дин в XIV в. отмечают

---

[13] МИТТ. Т. 1. С. 166; ВСА. Т. 8. С. 180.

[14] *Кузеев Р. Г.* Урало-Аральские этнические связи... С. 134—135.

[15] МИТТ. Т. 1. С. 166.

[16] *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 272.

[17] К. Багрянородный писал, что печенеги «и доселе остаются среди них... их верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная с предплечий: этим они показывают, что отрезаны от своих сородичей и соплеменников». (Указ. раб... С. 16).

печенегов уже как коренное огузское племя[18], называя их в числе 24 (или 22) колен народа огузов, потомков легендарного Огуз-хана.

Башкиры же после разгрома переселились к северо-западу. «С этого момента этногенез башкир целиком протекал на современной территории Башкирии. Бурджаны-бурзяны частично расселились на Бугульминской возвышенности, а в основной массе двинулись на запад, где смешавшись с другими племенами, приняли участие в формированиии дунайских болгар или, позднее, растворились в составе крымских татар, гагаузов и и других народов. Башкирские племена... заселили во второй половине XI в. западное и южное Приуралье и Зауралье...»[19] В то же время небольшая их часть продолжала оставаться и в Северо-Западном Приаралье. Упоминание об этом можно найти в сочинении ибн-Фадлана, он писал во время своего путешествия об угрозе встречи с воинствующими башкирами на реке Чаган (Шаган)[20]. Однако, несмотря на присутствие этих остаточных родоплеменных групп в степях Приаралья, можно говорить о том, что в основном этот район в IX—X вв. принадлежал уже не им.

Вытеснив печенегов, огузы заняли покинутые ими места, покорив оставшихся печенегов и башкир. И. Маркварт говорит, что из победы гузов над печенегами извлекли выгоду и их союзники кимаки[21]. И действительно, ал-Масуди писал: «А из больших известных рек, впадающих в это море (Хазарское), река Черный Иртыш, обе они велики, каждая из них больше Тигра и Ефрата, между устьями их около 10 дней пути; на них расположены зимовья и летние кочевья кимаков и огузов»[22]. Несмотря на присутствие в этом описании имени Иртыш, мы совершенно очевидно имеем дело с двумя реками — Волгой и Уралом[23] или Эмбой и Уралом, ибо они впадают в Каспийское море и между их устьями расстояние действительно 10 дней пути. Притом только в этом регионе у кочевников могли

---

[18] МИТТ. Т. 1. С. 309.
[19] *Кузеев Р. Г.* Урало-Аральские этнические связи... С. 25.
[20] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1955. С. 65.
[21] *Marquart J.* Op. cit. S. 100.
[22] МИТТ. Т. 1. С. 166; ВСА. Т. 8. С. 62.
[23] *Marquart J.* Op. cit. S. 101—102.

быть на сравнительно небольшом расстоянии и летние кочевья (южные склоны Уральских гор), и зимние пастбища (устья Волги и Урала).

На присутствие кимаков в этих местах как будто указывает недолгое существование у персов названия море Кимакское. Этим именем Фирдоуси в «Шах-Намэ» называет Каспийское море [24]. Как известно, в арабской географической литературе моря и реки часто получали названия от разных прибрежных областей и народов, преобладавших в данный момент или господствовавших на побережье. Например, Каспийское море известно в разные периоды как Табаристанское, Джурджанийское, Хазарское и т. д. Следовательно, название «море Кимакское» служит доказательством того, что определенная часть кимаков располагалась к северу от Каспийского моря. Однако основными обитателями этих районов были огузы.

Например, Т. Бангу-оглы считает, что огузы в X в. помимо долины Сырдарьи занимали степи между Иртышом и Волгой [25]. Такого же мнения придерживался и В. Ф. Минорский [26]. Но, как установлено, степи к западу от Иртыша находились в руках кыпчаков. Правильнее считать, что в начале X в. большинство огузов кочевали в степях вокруг Аральского моря, в междуречье Волги и Урала, достигая южных склонов Уральских гор [27]. По ал-Истахри, «пределы страны огузов — той, что находится между хазарами и кимаками, страной карлуков и булгар и границами мусульманских стран...» [28].

Как видим, огузы в X в. занимали огромное пространство, не случайно мусульманские географы в X в. называли степи Казахстана степью гузов [29]. Зимние пастбища их находились в окрестностях Аральского моря и в низовьях Сырдарьи. Рашид ад-дин, говоря о родине огузов, писал: «Абулджа-хан был кочевник, его летовка была в Ортаке и Казтаке... (они) чрезвычайно большие и высокие горы; зимнее стойбище Абул-

---

[24] *Marquart J.* Op. cit. S. 104.
[25] *Banguogly T.* Oguzlar uzerine // TdAVB. 1950. N 180. S. 4—12.
[26] *Minorsky V.* Hudud al-Alam. P. 103.
[27] *Агаджанов С. Г.* Указ. раб. С. 79—80.
[28] BCA. T. 1. P. 9.
[29] BCA. T. 1. P. 217.

джа было также в этих пределах, в местностях называемых Бурсун, Какьян и Каракорум... поблизости этих мест находились города Талас и Кары-Сайрам»[30]. Кара-хан, один из легендарных предков огузов, также «зимовал в устье реки Сыр, Кара-Кумах и Бурсуке»[31]. Эти названия и сейчас хорошо известны в топонимике севернее Аральского моря. Бурсун, Бурсук — пески Малые Борсуки рядом с приаральскими Кара-Кумами. Летние же пастбища огузов находились как в предгорьях Урала, так и в бассейне среднего течения Сарысу, Кара-Кенгира.

Исходя из этого можно провести границу между гузами и кимаками в районе г. Улутау и р. Кенгир. Конечно, рубежи условные. Это хорошо поясняет автор «Худуд ал-Алама», который, касаясь межплеменных отношений гузов и кимаков, писал: «... когда между ними мир — они откочевывают зимой к гузам»[32].

Общее пользование пастбищами было взаимным: не только кимаки зимовали у гузов, но надо полагать, и гузы пасли свои многочисленные стада летом в Центральном Казахстане.

И. Маркварт думает, что огузам было известно верхнее течение Иртыша[33]. О присутствии огузов в глубине страны кимаков сообщает ал-Бируни. Он пишет, что в стране кимаков имеется «источник пресной воды... в горах, называемых Манкур, по величине он подобен большому щиту; поверхность воды стоит вровень с краями; иногда из него пьет целое войско, но он (уровень) не понижается даже на палец. Около этого источника следы ног, рук с пальцами и колен человека, который молился здесь, следы ребенка и копыт осла; тюрки-гузы поклоняются им, когда видят их»[34]. По поводу местонахождения этой горы нет определенного мнения. Согласно И. Маркварту, Манкур означает Мынколь —тысячи озер[35], но это никак не согласуется с контекстом отрывка. По В. Минорскому, Манкур —

---

[30] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 1. С. 80—81.
[31] *Абу-л-Гази.* Родословная туркмен. С. 40.
[32] *Minorsky V.* Hudud al-Alam. P. 99.
[33] *Marquart I.* Über das Volkstum der Komanen... S. 101.
[34] *Бируни.* Памятники минувших поколений. Ташкент. Т. 1. 1957. С. 290.
[35] *Marquart I.* Op. cit.

искаженное слово, которое встречается у него при описании дороги к кимакам. В. Минорский отождествляет эту гору с Улутайским хребтом в Центральном Казахстане [36]. Именно здесь находились общие летние выпасы кимаков и гузов. Такие добрососедские отношения сложились, возможно, на основе военного союза гузов и кимаков против печенегов в конце IX в.

Для X в. наиболее подробные сведения о территории, населенной кыпчаками и кимаками, встречаются в географическом трактате анонимного автора «Худуд ал-Алам», освещающем события рубежа IX—X вв., или даже середины X столетия. Во всяком случае те сведения, которые в ней даются по отношению к географии страны кимаков, указывают на период расцвета их политического господства в степях Казахстана. Именно на этот период, согласно Кумекову, приходится образование державы кимаков [37].

В представлении автора «Худуд ал-Алам» страна кимаков располагалась к западу от киргизов: «На юге от нее — р. Иртыш и Атиль, на западе — некоторые из кыпчаков и частью необитаемые страны севера. К северу она граничит с землями, где никто не проживает. В их стране... много племен... Царь кимаков называется хакан. Он имеет одиннадцать сборщиков налогов в подвластных им областях...» [38].

О сложении у кимаков к середине X в. государственного образования свидетельствует появление титула кахана и существование некоторых атрибутов, присущих государственной власти, в частности наличие фискального аппарата, состоявшего из одиннадцати сборщиков налогов, чьи функции передавались по наследству детям, что, кстати говоря, также является характерной чертой раннегосударственного объединения [39].

Свидетельство о бытовании в стране кимаков одиннадцати сборщиков налогов, собирающих дань с подвластных областей, наряду с прямым указанием о существовании у них большого количества племен, наводит на мысль о полиморфизме этнического состава

---

[36] *Minorsky V.* Op. cit. P. 202.
[37] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 116.
[38] *Худуд ал-Алам.* Л. 18б; Там же. P. 100.
[39] *Кумеков Б. Е.* Указ. раб. С. 115—120.

и разнообразии территориального членения страны кимаков в X в. Если у Гардизи, описывающего события конца VIII—IX вв., в состав только что образовавшейся конфедерации с кимаками во главе входили семь племен, то автор «Худуд ал-Алма», описывая апогей политического преобладания кимаков, говорит об 11, а если допустить и существование собственного каганского рода, то о 12 племенах, находившихся в зависимом положении от хакана кимаков.

Сама резиденция хакана кимаков вместе с прилегавшими землями, согласно «Худуд ал-Алам», локализовалась в бассейне Иртыша в среднем его течении, в большей части в междуречье Иртыша и Верхней Оби и захватывала южные степи Западной Сибири, доходя до земель киргизов на востоке, а на западе соприкасаясь с кочевьями некоторой части кыпчаков. Эта огромная территория называлась Йагсун-Йасу. Она перечисляется вместе с двумя территориальными единицами, являвшимися, вероятно, наиболее крупными и важными в стране кимаков, поскольку им отведено специальное описание в географическом трактате.

«Йагсун-Йасу — район кимаков между р. Атиль и Иртыш, которые имеют более приятные и более умеренные условия» — такова характеристика одной из областей кимаков [40]. Согласно тексту, она раскинулась на огромном пространстве между Иртышом и Волгой (Атиль). Однако утверждение автора не совпадает с действительным взаиморасположением племен на территории Казахстана в середине X в.

Как известно, территория Западного Казахстана находилась еще в руках огузов. Да и сам автор «Худуд ал-Алама» отмечал в главе, посвященной огузам, что западной границей их является именно р. Атиль. В таком случае можно предположить, что автор либо ошибся, либо под р. Атиль имел в виду другой гидроним. В. Ф. Минорский, разбирая в комментарии описание страны кимаков, высказал мнение, что «имя Атиль в этом месте может быть ошибкой, на самом деле следовало иметь в виду реку под именем Асус» [41], которую И. Маркварт отождествлял с современной

---

[40] *Худуд ал-Алам.* Л. 18б; *Minorsky V.* Hudud al-Alam. P. 100.
[41] *Minorsky V.* Hudud al-Alam. P. 30.

р. Ишим [42], Йасу в междуречье Ишима и Иртыша с переходом далее к востоку от Оби. И сегодня эти районы наиболее благоприятны для обитания человека. Хороший климат, плодородные земли, тучные пастбища и многочисленные озера — компоненты, давшие повод автору X в. говорить об области Йагсун-Йасу как о благоприятной местности. Естественно предположить, что именно этот район закрепил за собой и своим племенем хакан кимаков, разбив здесь летнюю ставку, так как в Центральноазиатских средневековых образованиях местоположение ставки кагана определяло политический центр самого государства.

Другим районом обитания кимаков, согласно «Худуд ал-Алам», был Кыркырхан, или Каркархан, жители которого некоторыми обычаями похожи на киргизов [43]. Обитатели этой области, судя по характеристике, находились в близком соседстве с какой-то частью киргизов.

В литературе дается несколько вариантов локализации области. В. Ф. Минорский первоначально предполагал читать это имя как Каркархан и относил к району Каркаралинска, расположенного в 300 км к юго-западу от Семипалатинска в Карагандинской области [44]. В 1955 г. в дополнении к «Худуд ал-Алам» он, принимая во внимание сходство обычаев жителей Каркархана с киргизами, читал уже это имя как Кыркызхан [45]. А. Н. Бернштам ищет область или город под таким названием в Семиречье [46]. К. И. Петров, исходя из своей теории о принятии некоторыми этнонимами названий «по цвету пород края», привязывает местность Кыркырхан к городу Красноярску, потому что кыр означает красный цвет [47].

Однако кыр у тюркских народов имеет преимущественное значение степной, именно такое семантическое наполнение отмечено для термина «кыркыр». В словаре тюркских наречий В. Радлова записано, что

---

[42] *Marquart I.* Über das Volkstum... S. 206.

[43] *Худуд ал-Алам.* Л. 18б; *Minorsky V.* Op. cit. P. 100.

[44] *Minorsky V.* Op. cit. P. 309.

[45] *Minorsky V.* Addenda to the Hudud al-Alam // BSOAS. 1955. Vol. XVII. pt. 2.

[46] *Бернштам А. Н.* Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа // Труды КАЭЭ. Фрунзе. 1959. Т. 3. С. 21.

[47] *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963. С. 33.

гористая степь между Балхашом и Иртышем называлась у казахов Кыркыр [48].

Интересна в связи с этим версия эпоса «Манас», приведенная в сочинении XVI в. «Маджму ат-таварих». Согласно ей, Манас был внуком Каркары, родоначальника, имя которого было также персонифицированным этнонимом, к которому относился род Манаса. Народ Манаса именовался также кыпчаками, а точнее, каркаралинскими кыпчаками, или кыпчаками Каркары [49]. Кыпчаки Манаса, согласно преданию, действуют в Каракишлаке и в верховьях Таласа. Как отмечает В. А. Ромодин, «в современной топонимике сохранилось название местности Каркара, находящейся около р. Каракыстак в Казахстане, верховья которой к югу от Мерке отделены Киргизским хребтом от верховьев Таласа [50].

Хотя вышеприведенная цитата говорит больше о локализации местности Кыркыр в Семиречье, на что указывал еще Бернштам, все же представляется, что в данном случае речь идет о местности, расположенной между Балхашом и Иртышем. В связи с этим вызывает интерес высказывание А. Х. Маргулана, обратившего внимание на сообщение Ч. Ч. Валиханова о сохранившейся среди казахов, проживающих в Каркаралинских и Чингистауских горах, расположенных между Иртышем и Балхашом, легенде о Манасе. «По этой легенде, богатырский конь Манаса назывался Как-Кула ат, он стоял под горой Бегазы, ел клевер из каменных яслей (тас соры). В горах Бегазы (в 80 км к югу от Каркаралинска) много древних наскальных рисунков, изображающих козлов, собак, лошадей и следы копыт. Одну из этих групп казахи связывают с богатырским конем Манаса — Кула ат» [51].

Для уточнения местонахождения этой области кимаков обратимся к свидетельству ал-Идриси. Согласно ему, наиболее населенной частью страны кимаков были берега о. Гаган, к северу от которого простирался горный хребет под названием Гиргир. Гаган соответст-

---

[48] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1.
[49] Собрание историй Маджму ат-таварих. Л., 1960. Л., 61-а.
[50] **См.: *Бартольд В. В.* Соч. Т. 2. Ч. 1. С. 511.**
[51] Труды КАЭЭ. Т. 3. С. 197.
С. 511.

вуют системе озер в Алакольской впадине, а Гиргир — хребтам Чингистау и Тарбагатая [52]. На карте ал-Идриси страна кимаков показана к северо-западу от киргизов, и поэтому жители области Кыркырхан имели некоторые черты, присущие киргизам. Исходя из всего сказанного, нам представляется, что можно довольно определенно привязывать местность Кыркырхан «Худуд ал-Алама» или Гиргир ал-Идриси к району к югу от Иртыша вплоть до Балхаша, захватывая Каркаралинские, Чингистауские и Тарбагатайские горы.

О самих кыпчаках говорится в «Худуд ал-Аламе» в двух случаях. В одном случае — это кимакская область Андар аз-Кифчак, чьи жители некоторыми своими обычаями напоминают огузов [53]. Исходя из последних слов, можно предположить, что этот район располагался непосредственно на границе с огузами. Земли их простирались от среднего течения Сырдарьи до Волги. Районы междуречья Ишима и Иртыша и далее к востоку были отведены под область Йагсун-Йасу, а Восточный Казахстан был известен под именем Кыркырхан. Таким образом, для самих обитателей области Андар аз-Кифчак остаются землями Центрального Казахстана [54]. Кыпчаки в здешних местах обитали еще в VIII в., но уже в IX в. они попали под влияние кимаков, и как бы юридическим отражением этого акта в источнике X в. стало появление названия Андар аз-Кифчак.

Но, хотя область и называлась кимакской, преобладающим населением оставались кыпчаки. Имея это в виду, можно принять замечание В. В. Бартольда о том, что город Сауран был «пограничной крепостью против гузов и кимаков» [55], и что под кимаками надо подразумевать кыпчаков [56]. Сауран располагался по среднему течению Сырдарьи, «был окружен семью

---

[52] *Караев О.* Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах в Киргизии. Фрунзе, 1968. С. 57; *Ахинжанов С. М.* Древние караванные пути кимаков // Материалы первой научной конференции молод. уч. АН КазССР. Алма-Ата, 1968. С. 430.

[53] *Худуд ал-Алам.* Л., 18б.

[54] Согласно А. Маргулану, Андар аз-Кифчак — это области Центрального Казахстана, Улутау, бассейн Сарысу, на юге доходит до хребта Каратау. См.: *Маргулан А. Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1951. Вып. 3. С. 34.

[55] BGA. T. 3. С. 274.

[56] *Бартольд В. В.* Кыпчаки. Соч. Т. 5. С. 550.

степями, одна за другой» и был конечным пунктом влияния мусульман — дальше Сырдарья протекала по степи, занятой гузами и кыпчаками. Макдиси называет еще несколько пунктов, пограничных с владениями тюрков, и среди них большой, богатый, укрепленный город против кимаков Шагилджан [57], находившийся, вероятно, северо-западнее Саурана. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич отождествляют Шагилджан с городищем Ишкан, расположенным почти в середине современного поселка Атабай в 25 км к северу от города Туркестана [58]. Следовательно, в X в. кочевья кимакской области Андар аз-Кифчак вплотную подходили к среднему течению Сырдарьи.

Приведенный историко-географический материал позволяет привязать кимакскую область Андар аз-Кифчак в широком смысле к Центральному Казахстану: это бассейн р. Сарысу и его притоков Кара- и Сары-Кенгиров, пастбища вокруг гор Улутау на юге границы района достигла низовьев Чу и Таласа. Соприкасаясь непосредственно с кочующими вблизи их огузами, вступая с ними в наступательные (против печенегов) и оборонительные (против Саманидских притязаний) союзы, кыпчаки, известные в источниках под именем кимаков, имели ряд общих черт в языке и обычаях с огузами. Так, в языке гузов и кыпчаков мы находим элементы «джеканья», характерные для современного казахского языка [59]. Поразительное сходство можно обнаружить при сравнивании погребального обряда огузов, зафиксированного ибн Фадланом в 922 г. во время его путешествия через степи Западного Казахстана [60] с погребальным обрядом кыпчаков, описанным В. Рубруком в XIII в. [61] Все эти данные все больше убеждают нас в том, что область Андар аз-Кифчак непосредственно соприкасалась с огузами в степях Центрального Казахстана.

Относительно самого названия Андар аз-Кифчак в науке укрепилось мнение В. Минорского, который по-

---

[57] BGA. T. 3. C. 274.
[58] Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 104.
[59] *Махмуд ибн-ал-Хусейн ал-Кашгари.* Стамбул, 1915. Т. 1. С. 31.
[60] МИТТ. Т. 1. С. 161—162.
[61] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

лагал, что Андар аз-Кифчак переводится как внутренние кыпчаки [62]. В исторических источниках имеются примеры разграничения племен на внешние и внутренние. В знаменитом памятнике средневекового огузского героического эпоса «Китаб-и дэлэм Коркут» («Книга моего деда Коркута») часто встречается упоминание огузов внешних и внутренних.

Наличие в степях Казахстана в X в. отдельной области внутренних кыпчаков служит косвенным подтверждением присутствия и другой родоплеменной группы, которая должна, если следовать логике, именоваться внешними кыпчаками. И, действительно, автор «Худуд ал-Алам» информирует о существовании еще одного подразделения интересующего нас племени. Правда, он не называет их внешними, но само их описание, локализация по отношению к другим известным этническим коллективам недвусмысленно указывает на это. Так, в одном случае он, описывая пределы страны собственно кимаков, говорит, что к западу от нее располагались «некоторые из кыпчаков и частью необитаемые страны севера» [63], т. е. эта группа соприкасалась с «необитаемыми» странами, должна была действительно выглядеть в глазах современников передовым, пограничным, внешним отрядом.

Зная, что земли, принадлежавшие собственно кагану кимаков Йагсун-Йасу, располагались в междуречье Иртыша и Ишима, следует территорию отдельной группы кыпчаков искать западнее Ишима и располагать в предгорьях Южного Урала, преимущественно с ее восточной стороны [64]. В X в. западнее их обитали и племена огузского объединения, а непосредственно в предгорьях Уральского хребта — башкиро-мадьярские племена.

Отметим, что данная группа кыпчаков пребывала еще в полузависимом политическом отношении от кима-

---

[62] *Minorsky V.* Op. cit. P. 309.

[63] Книга моего деда Коркута. М.; Л., 1962. С. 1, 31, 32, 64.

[64] Б. Е. Кумеков локализует кимакскую область Йагсун-Йасу в бассейне р. Эмбы. (См.: *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 65). Если исходить из такого представления, следует расселять отдельную группу кыпчаков еще западнее, в низовьях Волги, а то и на правом ее берегу, что никак не согласуется с истинной атрибуцией окружавших племен в IX—X вв.

ков. Вероятно, они находились уже на стадии выделения из кимакского государства, но не окончательного, ибо в «Худуд ал-Алам» говорится, что хотя «кыпчаки — племя, которое отделилось от кимаков», однако их «царь назначался кимаками» [65].

Поэтому становятся понятными строки из «Худуд ал-Алам» о некоей горе, лежащей между «концом границы русов и началом кимакской границы; ее длина пять дней пути» [66]. Эти слова служат подтверждением того факта, что два народа примыкали с двух противоположных сторон к склонам одной горы [67]. Такой горой могли быть склоны Южного Урала [68]. Однако автор, несомненно, ошибся, помещая непосредственно с западной стороны Уральских гор земли русов. Ведь именно сам он сообщает в другом месте, при описании страны мадьяр, что к западу от них «области русов» [69], а к востоку от мадьяр (башкир) горами могли быть только Уральские склоны. Именно в этот период, вероятно, башкиры втягиваются в систему устойчивой разнохарактерной связи с кочевническим кыпчакским миром. Начиная с этого времени нарастает волна кыпчакского этнического воздействия, которая, проникая во все части древнебашкирского этноса, влияет на его формирование, нивелирует племенные различия, убыстряя процесс ассимиляции булгаро-мадьярских и других племен [70]. Хотя в X в. кыпчаки еще не очень активно проникали на север, в глубину башкирского массива, однако кыпчакское направление этнокультурного развития определилось довольно четко: не случайно во второй половине XI в. язык башкир был близок языку кыпчаков [71]. О проникновении кыпчаков в башкирский этнический мир свидетельствуют и археологические данные. Особый интерес представляют исследованные Н. А. Мажитовым в крайних южных районах

---

[65] *Худуд ал-Алам.* Л. 19а; С. 284.
[66] Там же. Л. 7б. С. 102.
[67] Там же.
[68] Там же. Р. 305.
[69] *Худуд ал-Алам.* Л. 19б. Р. 102.
[70] *Кузеев Р. Г.* Указ. раб. С. 27.
[71] *Махмуд ибн-ал-Хусейн ал-Кошгари.* Стамбул. 1915. Т. 1. С. 31; Махмуд Кошгари. Тошкент, 1960. С. 64.

Башкирии курганы X—XII вв., на основе которых была выделена Караяксуновская культура [72].

Историко-географические материалы позволяют сделать некоторые выводы. К концу X в. вся территория, населенная кыпчаками и кимаками, делилась на четыре основных области:

Йагсун-Йасу — область, населенная в основном кимаками, захватывала междуречье Ишима и Иртыша и Барабинскую степь к западу от Новосибирска.

Кыркырхан — еще одна область кимаков. Локализовалась она в Восточном Казахстане, простиралась также от Иртыша до Балхаша и Алакуля на юге. В нее входили Каркаралинские, Чингистауские горы и Тарбагатайский хребет.

Андар аз-Кифчак — область к югу от Йагсун-Йасу и к западу от Кыркырхана. Это Центральный Казахстан, населенный преимущественно кыпчаками, включал в себя окрестности Улутауских гор, р. Тургай, Сарысу, Каракенгир и др. На юге область доходила до низовьев р. Чу и Таласа. По Сырдарье она непосредственно граничила с Саманидскими владениями Средней Азии, на западе соприкасалась с огузскими племенами.

Районы предгорья Южного Урала, преимущественно юго-восточные его склоны и степи, к ним примыкавшие, занимали некоторые из кыпчаков отделившиеся от кимаков.

Таким образом, если рассматривать территорию, населенную кимаками и кыпчаками в IX—X вв., как целое, можно заметить, что к концу X в. после бурных политических событий предшествовавших десятилетий положение в степях Казахстана несколько стабилизировалось. Территория, контролируемая племенами кимако-кыпчакского объединения охватывала земли от Алтайских гор на востоке до р. Урала на Западе, от южной кромки Западной Сибири (от границы лесов на севере) до низовьев р. Чу и Таласа на юге. Такое относительное мирное затишье в степях способствовало процветанию торговых связей и развитию караванных маршрутов.

---

[72] *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв.; Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск. 1988. *Максимов Е. К.* Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 130—137.

К концу I тыс. н. э. в восточных источниках появляются известия о торговых контактах оседло-земледельческих культур Южного Казахстана и Средней Азии с племенами кимако-кыпчакских группировок, обитавших в Казахстане. Было бы, конечно, ошибочно думать, что культурно-экономические связи между степью и оазисами Средней Азии возникли именно в этот период [73]. Хозяйственные различия между областями создали условия для развития товарообмена еще с глубокой древности. Для областей Средней Азии и Южного Казахстана торговля с соседними кочевыми племенами всегда имела большое экономическое значение.

Необходимы эти торговые сношения были и для жителей степей нуждавшихся в предметах и продуктах земледелия, и для жителей городов и оседло-земледельческих районов, получавших скот, мясо, шерсть от кочевых соседей в большом количестве и по дешевой цене. О цене на мясо ал-Макдиси говорит следующее: «Мясо без костей (продается) по 4 маны (около 3,3 кг.) [74] за диргем» [75]. Кожи, доставляемые кочевниками, возвращались в степь уже в виде изделий из них. Например, тот же ал-Макдиси пишет: «Из Шаша вывозятся высокосортные шашреневые седла, колчаны для стрел, палатки. Кожи же привозятся от тюрков и дубятся».

Помимо изделий из продуктов животноводства в степь поступали и товары ремесленного производства и продукты земледелия. «Изары (плащи) и молитвенные коврики, воротники, хлопковое семя, отличные луки и некачественные иглы... хлопок... и ножницы. Из Самарканда также парча, которая вывозится к тюркам, шелк и одежда из него, орехи...»[76]. Предметом

[73] О караванных путях связывающих Среднюю Азию с Центральным Казахстаном, Алтаем, Китаем и странами Восточной Европы с конца 1 тыс. н. э. См.: *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Археолог. 1958. С. 203—210.

[74] Малый, или канонический манн (манн-и шар-и) равный 260 дирхемам, весил в пер. на европейскую систему 832 г. В XIV в. он был заменен большим манном. См.: *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом на метрическую систему. М., 1970. С. 25—32.

[75] Ал-Макдиси // ВСА. Т. 3. С. 274.

[76] Там же. С. 325.

торговли были также рабы из тюрков, славян (свидетельство междоусобных войн среди тюркских племен и набегов на соседние народы), меха пушных зверей и другие товары.

С дальнейшим развитием феодального способа производства в Средней Азии и Южном Казахстане, ростом городов, развитием производительных сил в IX—X вв., а также с приближением кочевьев кыпчаков вплотную к земледельческим оазисам эти торговые связи усилились. Главным предметом торговли у кыпчаков, как и прежде у других скотоводческих народов, продолжали оставаться скот и продукты скотоводства в обмен на изделия ремесленного производства и продукты земледелия. Основным платежным средством при меновой торговле издавна был скот, выполнявший функцию денег. «Кочевые народы, — писал К. Маркс, — первые развивают у себя форму денег: так как все их имущество находится в подвижности, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в столкновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов» [77].

Торговля осуществлялась взаимным путем. Среднеазиатские и другие купцы проникали в глубь казахстанских степей и вели торговлю в кочевьях самих кыпчаков и кимаков, которые, в свою очередь, не дожидаясь приезда к ним купцов, пригоняли скот на рынки присырдарьиских городов: Отрара, Сыгнака, Саурана, Дженда и др.

По каким же дорогам двигались караваны в степи Казахстана и оазисы Средней Азии? В отличие от подробных описаний старых традиционных торговых маршрутов, связывавших Китай со Средней Азией (Великий шелковый путь), а также Среднюю Азию с районами Поволжья и далее с Хазарией и Русью, в нашем случае, имеются лишь фрагментарные неясные и запутанные известия о дорогах, ведущих в широкие просторы Центрального и Северного Казахстана. Наиболее ранние, но фрагментарные известия о существовании дорог к кимакам дает Тамим ибн Бахр. «Мы спросили его о дороге кимаков от Тараза, — сказано

---

[77] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. М. Т. 1. С. 96.

у него, — и рассказал он, что дорога от Тараза идет к двум селениям, населенным и цветущим, называемым Кавакиб, расстояние их от Тараза 7 фарсахов. Из этой местности до города царя кимаков расстояние в 80 дней пути для всадника, быстро скачущего, который везет с собой запас еды...» [78]. У ибн ал-Факиха, заимствовавшего у Тамима эти сведения, имеется дополнение, которое указывает направление дороги к кимакам. Согласно ему, дорога идет от Тараза налево [79], т. е. на север. Упоминание как Тамимом, так и другими авторами, что на этот путь требуется большой запас провизии, служит подтверждением того, что дорога шла на север и северо-восток, в малонаселенные районы Центрального Казахстана, Южной Сибири, так как такими местами не могли быть области Семиречья, где издавна проходил Великий шелковый путь с функционирующими стоянками для купцов.

И все-таки точный маршрут к кимакам остается неясным. Исходной точкой был Тараз (современный Джамбул). Налево от него в семи фарсахах находились два селения, а дальше дорога шла по пескам, степям и долинам. Автор «Китаб ал-харадж» Кудама ибн-Джафар, описывая дорогу от Шаша на восток, пишет: «Песок находится между Таразом и Куланом к северу, а за песком — пустыня из песка и гальки, где водятся змеи, она (пустыня) простирается до территории кимаков, направо от него гора, на которой много фруктов, клевера и горных овощей» [80].

К югу от современной трассы Джамбул (Тараз) — Луговая (Кудан) находится Киргизский Алатау, а к северу — пески, это современный Мойынкум, примыкавший с юга вплотную к Бетпак-Дале. В настоящее время поверхность Бетпак-Далы, особенно на юге, покрыта щебнем и массивами песка [81]. Если сравнить описание Кудамы с современным ландшафтом данной территории, можно увидеть полную их идентичность, что позволяет уверенно говорить, что маршрут, указанный у Тамим ибн Бахра, пролегал через восточную Бетпак-Далу.

---

[78] *Minorsky V.* Tamin ibn Bahr's journej's... P. 281.
[79] *Волин С.* Сведения арабских источников... С. 75.
[80] ВСА. Т. 6. С. 204.
[81] БСЭ. Т. 3. С. 118.

По этой части степи в середине XVIII в. проходила караванная дорога, известная под названием Ханжол (Ханская дорога), получившая свое название после путешествия по ней в 1753 г. хана Аблая [82]. Исходной точкой этого пути, как и дороги кимаков, был район Таласа. Далее дорога шла через Мойынкум, выходила к среднему течению р. Чу, пересекала ее в районе Коктерека и оттуда направлялась на северо-восток к верховьям р. Сарысу мимо гор Джамбыл, Кайптынг-Кзылжартасы, Боллатау. С верховьев Сарысу долинами р. Нуры и приишимскими степями этот караванный путь вступал в низовья р. Ишима, Тобола и Иртыша, где в интересующее нас время находились пастбища кимаков. Были и другие дороги, связывавшие оазисы долин р. Таласа, Чу и Сырдарьи с обширными степями Казахстана, об этом свидетельствует наличие нескольких дорог, проходивших через пустынные земли Бетпак-Далы в более поздние времена. Несомненно, эти дороги проходили по старым караванным маршрутам.

Наиболее подробный маршрут к кимакам описан у Гардизи. Приведем его полностью: «Что касается пути к кимакам, то из Фараба идут в новое селение; на пути из него в страну кимаков встречают реку, переправляются через нее и приходят к реке Сокук, после переправы через нее начинаются солончаки. Дальше приходят к горе Кендыр-Тагы. Путешественник идет все по берегу той же реки; гора высока. После этого поднимаются на гору по узкой тропинке. От горы Кендыр-Тагы приходят к реке Асус; по этой дороге в течение пяти дней на людей совсем не падает свет солнца, вследствие тени деревьев, до самого берега реки Асус. Вода в реке черная; она течет с востока до ворот Табаристана. После этого приходят к реке Иртыш, где и начинается страна кимаков» [83].

Как видим, исходной точкой этого пути является Фараб (Отрар). Мы не знаем, имеет ли в виду Гардизи г. Фараб или округ того же названия, но вероятней всего, город. Так, автор IX в. ибн Хордадбех, являвшийся одним из источников Гардизи, сообщал о Фарабе, как городе находившимся на правом берегу реки [84].

---

[82] *Маргулан А. Х.* Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала. ВАН КазССР. № 1 (46). 1949. С. 69.

[83] *Бартольд В. В.* Отчет... С. 106—107.

[84] ВСА. Т. 6. С. 31.

Этот город располагался на среднем течении Сырдарьи, на правом берегу, там, где в нее впадает р. Арысь[85].

Таким образом, дорога к кимакам, по Гардизи, начиналась со среднего течения Сырдарьи. Но дальнейший путь вызывает недоумение. Вторым пунктом на пути к кимакам является новое селение. Подробно о местонахождении населенного пункта под таким названием сообщает Ибн Хаукаль. Он находился в фарсахе от Сырдарьи, в двух днях пути от места впадения ее в Аральское море и в 20 днях от Фараба[86]. Из Фараба в Новое селение (Янгикент — тюрк., Дих-и нау — перс., ал-Карьят ал-Хадиса — араб.) можно было добраться двумя путями: сухопутным маршрутом вдоль русла реки, на что уходило 20 дней, и водным путем, вниз по ее течению.

Вызывает удивление что для пути к кимакам Гардизи избрал такой окольный маршрут, в то время как существовали прямые дороги на севере через Бетпак-Далу. Вероятно, Гардизи объединил два совершенно самостоятельных маршрута к кимакам, бравших свои начала соответственно со среднего (Фараб) и нижнего течения Сырдарьи (Янгикент). На это указывает тот факт, что Гардизи совершенно не приводит никаких подробностей о дороге из Фараба в Янгикент: по правому или левому берегу шел путь, где переправлялись через Сырдарью, ибо известно, что город Фараб находился на правом, а Янгикент — на левом берегах.

Если брать за исходную точку начала пути г. Янгикент, то первой рекой на пути к кимакам должна быть р. Сырдарья. Несомненно, название такой крупной реки должно было быть известно Гардизи, тем более что он знал названия более мелких рек, встречавшихся на этом пути. Можно предположить, что Гардизи в своем дорожнике имел в виду какой-то другой, новый город, который являлся новым по отношению к Фарабу как исходной точке на пути к кимакам.

Таким городом мог быть Кедер, в X в. на короткое

---

[85] О тождестве Отрар—Фараб, истории изучения городища, его современной топографии. См.: *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

[86] МИТТ. Т. С. 217; О местонахождении Янгикента, отождествляемого с развалинами Джанкента, расположенного на левом берегу Сырдарьи в 22 км. к юго-западу от Казахстана, см.: *Толстов С. П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 57—62.

время ставший главным городом округа Фараб [87]. Макдиси утверждал, что Кедер был новым городом, возникшим после Фараба. Согласно А. К. Акишеву, К. М. Байпакову, Л. Б. Ерзаковичу [88], время возвышения Кедера до ранга столицы области Фараб совпадало с периодом сложения и усиления государства огузов. Скорее всего, Кедер был городом-резиденцией наместника огузского ябгу. В нем, видимо, преобладавшим населением были огузы [89].

Известно, что подлинный Янгикент, лежавший в устье Сырдарьи, являлся резиденцией самого огузского ябгу и был населен огузами. Видимо, эти обстоятельства и послужили причиной путаницы Гардизи и заставили его маршрут к кимакам из Отрара усложнить лишним направлением в Янгикент, в чем совсем не было необходимости. Если же наше отождествление (Кедер — «Новый город» Гардизи) правильное, то можно маршрут Гардизи легко сопоставить с караванной дорогой более поздних времен, проходившей по средней части Бетпак-Далы и известной под названием Сарысуская дорога. Отправной точкой ее на юге был г. Отрар, далее Сауран, затем Сыгнак, от последнего путь шел на перевал Ак-Сумбе, оттуда — к низовью р. Сарысу, вверх по ее течению, вдоль левого берега, переходила на правый и от Каражала направлялась на север вдоль притока Сырасу Кара-Кенгира, мимо г. Улутау, подходила к Ишиму у Жар-Кайнага и далее по руслу Ишима выходила к Иртышу [90].

Сравним дорожник Гардизи с «Сарысуским» путем. Отправные пункты обоих маршрутов совпадают в точности — это Фараб и Отрар (в X в. и позднее Фараб отождествлялся с Отраром). Новое селение Гардизи — это Кедер, расположенный в фарсахе на северо-запад от Отрара [91], от него в двух днях пути расположен

---

[87] *Худуд ал-Алам.* Л. 24 б.

[88] *Макдиси* // ВСА. Т. 3. С. 273; *Бартольд В. В.* Фараб. Т. 3. С. 525. См.: *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. С. 30.

[89] Там же. С. 31—32.

[90] *Маргулан А. Х.* Указ. раб. С. 76; К. М. Байпаков отождествляет Кедер с городищем Куйруктобе, расположенным в 6—7 км. (т. е. в 1 фарсахе) на северо-запад от Отрара. См.: *Байпаков К. М.* О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. // Археолог. сб. Л., 1964. С. 105—110.

[91] СМИЗО. Т. 2. С. 159.

Сауран, т. е. маршрут проходит через те же пункты что и в Сарысуском караванном маршруте. Отсюда переправляются через реку, название которой неизвестно, вероятнее всего, это низовья р. Чу, чьи воды теряются в песках недалеко от низовьев Сарысу. Переправившись через Чу, путешественники, избравшие данный маршрут, через определенный промежуток времени достигают песков Мойынкума, раскинувшихся к северу от озера Тамгалы. Возможно, об этом месте Гардизи сообщает как о песках Уюкман. Это был самый тяжелый участок дороги на пути к кимакам. Именно в этом районе, идя походом в Дешт-и Кыпчак в 1391 г., Тимур потерял большое количество лошадей, погибших от безводья, и только после его прибытия к местности Сарыкузен, т. е. к р. Сарысу, «воды стало много»[92].

Вслед за И. Марквартом[93] сопоставим р. Сокук, следующую после песков Уюкман, Гардизи с р. Сарысу, протекавшей к северу от Мойынкума. Переправившись через нее, можно было следовать вдоль русла правого притока Сарысу Кара-Кенгира и подойти к Кендыр-Тагу, откуда, согласно Гардизи, брала свои истоки река того же названия, т. е. река называлась Кендыр, что очень сходно с современным Кенгиром[94]. Солончаки, о которых упоминает Гардизи, встречающиеся после переправы через Сокук, соответствуют району впадения Кара-Кенгира в Сарысу. В жаркое время летом Кара-Кенгир не доносит свои воды до Сарысу и пересыхает, разбиваясь на плесы с солоноватой и даже соленой водой.

Р. Кара-Кенгир берет свое начало в восточных склонах Улутау, высшая точка которой равна 1134 м. Отсюда следует, естественно, предположить, что г. Кендыр-Тагы Гардизи можно отождествить с Улутау. Гардизи пишет, что дорога после переправы через Сокук, идя по берегу р. Кендыр, проходит среди зелени. И в наше время берега Кара-Кенгира покрыты

---

[92] СМИЗО. Т. 2. С. 159.

[93] *Маркварт И.* Указ. раб... С. 205.

[94] В «Книге Большому Чертежу» упоминается Кендырлик. Истоки ее показаны в г. Улутау. Один из истоков реки (всего их три) впадал в Сарысу. См.: Книга Большому Чертежу. М., С. 9; *Макшеев А. И.* Географические сведения «Книги Большому Чертежу» о киргизских степях в Туркестанском крае // ЗГО. Т. 6. 1880. С. 25—26.

зарослями ивы, березы, а пойма реки богата травами. От Кендыр-Тагы караванная дорога шла к р. Асус. Путешественники, двигавшиеся по этому маршруту, затрачивали пять дней, прежде чем достигали берегов Асуса. На таком же расстоянии, т. е. около 200 км к северо-востоку от Улутау, находится крупная р. Ишим. О ней Гардизи говорит, что она течет с востока и доходит до ворот Табаристана, т. е. впадает в Табаристанское (Каспийское) море.

И, действительно, для путников, вышедших к Ишиму описанной дорогой, Ишим представляется текущим с востока, где в горах Нияз, к северу от Караганды, берет свое начало. В районе пос. Державинское Ишим резко меняет свое русло и течет на север, но караванная дорога к Ишиму выходила до этого поворота и, вероятно, изменение ее русла не попало в поле зрения древних информаторов, поэтому у них р. Асус впадает в Каспийское море. Вероятно, Гардизи, описывая р. Асус, соединил верховья и среднее течение этой реки с устьем другой реки, воды которой действительно впадают в Каспийское море.

Наиболее подходящей рекой, могущей служить продолжением Ишима, является, на наш взгляд, р. Урал. Если взглянуть на современную карту, то можно заметить, что Урал, начиная с Орска, течет строго на запад до г. Уральска и служит как бы естественным продолжением части русла Ишима, текущего с Востока на запад. Они расположены на одной широте и являются как бы естественным продолжением друг друга. В арабской географической литературе X в. довольно часто существовали представления, что верховья одних рек соединяются с низовьями других.

Асус — последний этап на пути к кимакам. О дальнейшей дороге к ним Гардизи ничего не говорит. Из его сообщений ясно одно, что страна кимаков начиналась после переправы через Иртыш.

Существовали, конечно, и другие караванные пути, связывавшие культурные центры Южного Казахстана с кочевыми племенами Северного и Северо-Восточного Казахстана, но известия о них до нас не дошли. О наличии таких дорог говорит существование в более

позднее время в Бетпак-Дале не менее шести маршрутов [95].

К кимакам вел еще один путь — из низовьев Сырдарьи, где исходной точкой был Янгикент. Но это не то Новое поселение, которое, согласно Гардизи, было вторым пунктом его маршрута. Через Янгикент, расположенный в низовьях Сырдарьи, проходил караванный путь, связывающий Среднюю Азию со странами Восточной Европы, от этой основной магистрали, возможно, ответвлялся путь на север в степи к кимакам.

В. Ф. Минорский в комментариях к «Худуд ал-Алам» пытался привязать маршрут, описанный у Гардизи, к району севернее Аральского моря. С этой целью он принимал первую безымянную р. Гардизи за Иргиз, а Сокук — за Тургай, приведя в доказательство слова Абулгази о местности Иргиз-Совук, относящейся к району слияния р. Иргиз и Тургай. Сопоставляя р. Сокук с Тургаем-Сувуком, В. Ф. Минорский далее ведет дорогу вдоль правого берега Тургая до его истока, предполагая, что водораздел между Тургаем и западными притоками Ишима можно принять за г. Кендыр-Тагы. Однако в этом отождествлении он сам сомневался, ибо водораздел незначителен по высоте [96].

Мы можем добавить, что В. Ф. Минорский выпустил из виду, что Янгикент находился на левом берегу Сырдарьи, и, следовательно, прежде чем начать путь к кимакам, путешественники должны были переправиться через Сырдарью. Следовательно, первую реку надо отождествлять не с Иргизом, а с Сырдарьей. Это, во-первых, а во-вторых, у Абулгази сказано при описании раздела земель Бату-ханом, что область, где должен был жить Шибан-хан, занимали земли: «летом... на восточной стороне Яика, по р. Иргиз-Сувук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы — в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр...» [97].

Как видно, летние пастбища Шибан-хана находились на южных отрогах Уральских гор и северных склонах Мугоджар, в этих районах протекают р. Орь и Илек и берет свои истоки Иргиз. Район же впадения

---

[95] *Маргулан А. Х.* Указ. раб.
[96] *Minorsky V.* Hudud al-Alam. P. 308.
[97] *Абулгази.* Родословное древо тюрков. 1906. С. 160.

Иргиза в Тургай как раз приходится на пески Приуральских Каракумов, где находились зимние пастбища. Поэтому нам кажется необоснованным сопоставление В. Ф. Минорским р. Тургай с Сувуком. Название Иргиз-Сувук относится к верховьям Иргиза. Возможно, Иргиз-Сувук [98] обозначает холодный Иргиз, что также указывает на то, что название Иргиз-Сувук относится к верховьям Иргиза, где вода холоднее. Далее водораздел между Тургаем и Ишимом, как говорит В. Ф. Минорский, был небольшим, в то время как Гардизи сообщает о Кендыр-Тагы как о высокой горе. Отсюда до Асуса было пять дней пути; от водораздела же, принятого Минорским за Кендыр-Тагы, до Ишима по прямой 50 км, т. е. не более двух дней пути.

Однако мы не отрицаем существования торговых путей от низовьев Сырдарьи на север и северо-восток Казахстана, а лишь пытаемся доказать невозможность отождествления дороги Гардизи с маршрутом из Янгикента, расположенного в устье реки.

По источникам IX—X вв. известны два достоверных маршрута к кимако-кыпчакским племенам, ведущим из Средней Азии: восточный, берущий начало от Тараза (так называемая Ханская дорога) и западный, начинающийся от Отрара (Сарысуская дорога).

О существовании еще трех дорог, проходивших через Семиречье и связывавших города Средней Азии с районами, расположенными между Балхашом и верховьями Иртыша, где в середине IX—X вв. находились также кочевья кимаков, сообщает ал-Идриси. Эти маршруты подробно разработал в своей работе Б. Е. Кумеков. Согласно ему, в страну кимаков шли следующие дороги: одна из Тараза через земли карлуков Семиречья, далее через Тарбагатай к Иртышу; другая из Ферганы через перевал Каракол к Баласагуну и через северо-восток Семиречья выходила к Алакульскому озеру; третий маршрут начинался из Турфанского оазиса, из страны тогузогузов прямо на север и также выходил к системе Алакульских озер [99].

---

[98] В «Тюркско-арабском словаре» XIII в. слово «савук» переводится как холодный, прохладный. См.: *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старо-кыпчакского письменного памятника XIII в. Тюркско-арабский словарь. Алма-Ата, 1970. Ч. 181.

[99] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 79—85.

РАССЕЛЕНИЕ КЫПЧАКОВ В XI в.

Кыпчаки, постепенно освобождаясь из-под власти кимаков, распространяли свои владения на запад и юго-запад, занимая помимо степей Центрального Казахстана и районы к северу от Аральского моря. К концу XI в. они вплотную подходят к северо-восточным границам Хорезма на Сырдарье. Впервые о появлении кыпчаков на границах этого государства сообщает Бейхаки при описании событий 1030 г., когда хорезмшах Алтунташ (1017—1032) отказался возвратиться во двор Махмуда Газневийского, мотивируя свой отказ в письменном виде, между прочим следующим: «А кроме того, вчера вечером пришло письмо от ходжи Ахмеда сына Абд-ас-Самада кедхудая, что кечаты, джиграк и хифчак волнуются... как бы не случилось беды»[100]. Как видим, хорезмшаху Алтунташу приходилось отражать набеги соседних кочевых племен, которые просачивались даже в пределы Хорезма, где они поступали на службу к тем же хорезмшахам. О присутствии кыпчакских племен в середине XI в. в Хорезме говорят строки из «Истории Масуда»: «Харун тоже выступил, возвратился в Хорезм и еще ревностней начал готовиться к походу. Со всех сторон к нему стекались люди (племена кечат, джиграк и кыпчак), получилось большое войско»[101].

Более подробную картину расселения кыпчаков в XI в. можно представить из труда Махмуда Кашгарского.

На юге кыпчаки вышли вплотную к Таразу. Согласно Махмуду Кашгарскому, «Кенджак Сангир — город вблизи Тараза. Это пограничная крепость кыпчаков»[102]. О длительном хозяйствовании кыпчаков на юге в соседстве с карлуками говорят также известия Махмуда: «Булак — тюркское племя. Они были в подчинении у кыпчаков, но затем спаслись благодаря помощи Аллаха и теперь они называются алка-булак»[103].

О том, что булаки входили в карлукский союз, фик-

---

[100] *Абу-л-Фазл-Бейхаки.* История Масуда 1030—1041. Ташкент. 1962. С. 104.

[101] Там же. С. 602.

[102] МК. Стамбул. Т. 1. 1915. С. 299; Там же. Ташкент. Т. 1.. 1960. С 444.

[103] Там же. С. 317; Там же. С. 360.

сирует Шараф ал-Марвази, согласно которому карлуки состояли из девяти групп, в том числе «три чигиль... одна тухси, одна булак»[104]. Заметка Кашгарского, служит отголоском каких-то военных столкновений карлуков с кыпчаками задолго до жизни Махмуда.

Восточные рубежи продолжали проходить по Иртышу, так как на карте Кашгарского левый берег реки обозначен как местообитание йемеков, о которых он писал: «Йемеки — тюркское племя. А он у нас кыпчакский род»[105].

О западных границах кыпчаков дают представление следующие слова Кашгарского: «Итиль — название реки в стране кыпчаков»[106]. Район Аральского моря отмечен на его карте как «обиталище огузов и кыпчаков»[107].

Таким образом, во второй половине XI в. огромная территория от Иртыша на востоке до Волги на западе была занята кыпчакскими племенами. Проникли кыпчаки и на Мангышлакский полуостров. В пользу такого мнения говорит карта Махмуда Кашгарского, на которой на восточном берегу Каспия отмечено поселение кыпчаков[108]. В источнике говорится, что в 1065 г. сельджукский султан Алп-Арслан из Хорезма совершил поход на Мангышлак. «Этот поход был направлен против Кифшата и Джази. Алп-Арслан осадил Кифшата, засевшего в крепости Мангышлак»[109].

Как пишет С. Агаджанов, «скорее всего здесь мы имеем дело не с именами собственными, а со своеобразной этнонимической персонификацией. В пользу такого мнения говорит и то обстоятельство, что в труде Сабита ибн ал-Джуази в рассказе о походе 1065 г. упоминаются «кыфчак и туркмен»[110]. Согласно исследованию того же ученого имя Джази соответствует племенному названию языр[111].

Следовательно, источники информируют нас о том,

---

[104] *Шараф ал-Заман Тахир Марвази.* Глава о тюрках // Тр. Сектора востоковед. АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 213.

[105] МК. Стамбул. 1915. Т. 1. С. 71;

[106] Там же. Тошкент. Т. 1. С. 103.

[107] МК. Т. 1. 1960. С. 60.

[108] МК. Т. 1. 1960. С. 60; См.: Советская тюркология. 1972. № 1.

[109] МИТТ. Т. 1. С. 467.

[110] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории... С. 246.

[111] Там же.

что в XI в. Мангышлак был населен кыпчаками, проживавшими совместно с племенами язырской группы, где им приходилось отстаивать свои земли от Сельджукидов Хорасана. Однако власть сельджукидов над кыпчаками Мангышлака и язырами Прибалхашья была недостаточно прочной [112]. Кочевые племена этой области были достаточно могущественны, чтобы, в свою очередь, совершать набеги на Хорезм и другие среднеазиатские районы, Ибн ал-Асир указывал, что во главе тюрков Мангышлака (а это были несомненно, племена кыпчакского объединения) стоял могущественный царь, который в 1096 г. двинулся походом на Хорезм. Поход был настолько грозный, что тогдашний наместник Хорезма Кутб ад-дин Мухаммед ибн Ануштегин обратился за помощью к Санджару и только вместе с ним прогнал этих тюрков, которые бежали на Мангышлак.

Важным доказательством пребывания кыпчаков в районе Южного Мангышлака и юго-восточнее в центре этнической территории туркмен служит топонимика. Так, во времена Надиршаха и даже в начале XIX в. степь к югу от Мангышлака до р. Чандыр называлась Дешт-и Кыпчак [113].

Таким образом, Махмуд Кашгарский дает нам реальную картину расселения кыпчакских племен в XI в. Восточные границы их проходят по Иртышу по землям, населенным йемеками, и в районе Кашгара, поскольку один из населенных пунктов в области Кашгар назван Кыпчак. Это была только часть йемеков, другая же их часть переселилась в общем потоке кыпчакского движения на запад. Их мы встречаем в бассейне Волги. Наджип Хамадани писал: «Саксин — это город, больше его нет города в Туркестане... жителей его беспокоят племена кыпчаков и йемеков. В этой области нет реки, кроме Атила» [114]. Махмуд Кашгарский в перечне тюркских племен с запада на восток помещает йемеков рядом с башкирами, проживавшими в Приуралье [115]. В XI в. йемеков упоминают русские летописи под именем половцев Емякове в низовьях

---

[112] Там же.
[113] МИТТ. Т. 2. М.; Л., 1938. С. 117, 130—132, 161.
[114] *Агаджанов С. Г.* Указ. раб. С. 162.
[115] МК. Т. 1. С. 389; Там же. Т. 10. С. 9.

Камы[116]. Между прочим, в Предуралье и поныне распространены топонимы и антропонимы с основой йемек. Русская фамилия одного из башкирских тарханов XVIII в. была Емяков, в татарских говорах выражение «йемек майы» означает горчица [117].

Как видим, кыпчаки в XI в. расширили свои владения как на западе, так и на юге. Но если дальше к югу и юго-западу они не могли продвинуться, ибо на их пути стояло сильное хорезмийское государство, то к западу после падения государства сырдарьинских ябгу путь был открыт. В середине XI в. кыпчаки перешли Волгу и в 1054 г. под именем половцев уже появились в русских летописях [118]. Недаром Махмуд Кашгарский писал, что у границ Рума (Византии) живут печенеги, а рядом с ними к востоку — кыпчаки [119].

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Стремительное расширение пределов кыпчакских владений объясняется совокупностью внутренних и внешних причин. Внутренние причины были обусловлены ростом поголовья скота, признаки, которого можно обнаружить в показаниях Гардизи, Марвази и анонима X в. В этот же период продолжался бурный рост присырдарьинских городов, которые, увеличили интенсивную торговлю со степными племенами. Именно на этот период падают сообщения о функционировании караванных маршрутов в глубь кыпчакских степей. Как следствие этого в кыпчакской среде наблюдался быстрый рост товарности скотоводства и неизбежное стремление к расширению пастбищ, которое происходило у кыпчаков даже более бурно, чем, например, у огузов, из-за отсутствия в их среде сильных земледельческо-оседлых традиций. Это стремление к расширению пастбищ, а также желание кыпчакской знати непосредственно участвовать в торговых делах без посредников привело к столкновению с державой сыр-

---

[116] ПСРЛ. Т. 1. С. 389; Там же. Т. 10. С. 9.

[117] *Гарипов Т. М.* Махмуд Кашгари и кыпчакские языки Урало-Поволжья // Советская тюркология. 1972. № 1. Баку. С. 48.

[118] ПСРЛ.Т. 1. Стб. 162; Там же. Т. 2. Стб. 151.

[119] МК. Т. 1. Тошкент. С. 64.

дарьинских ябгу, преграждавших им путь на рынки Средней Азии на юге и к городам Причерноморья и Руси на запад.

Была и другая, внешняя, причина для передвижения кыпчакских племен, хотя и в этом случае основой оставалось увеличение населения и поголовья скота, что неминуемо вело за собой освоение новых пастбищ. К. Маркс по этому поводу писал: «... давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... То были пастушеские племена, охотники и воины: их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума... Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия...» [120].

В истории древних кочевников Азии уже не раз были такие передвижения, вспомним хотя бы «великое переселение народов». И в XI в. мы имеем пример того «сказочного странствия», когда на территории Центральной и Средней Азии произошли события, имевшие важное значение для жизни племен кыпчакского объединения и других кочевников и вследствие этого вынужденных включиться в ту цепь миграции, сообщение о которой нам доносят различные источники.

Наиболее подробно о последовательной миграции народов с востока на запад говорит Шараф ал-Заман ал-Марвази: «Среди них есть группа (людей), которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они были несторианскими христианами. Свои пастбища они покинули из-за нехватки земель... Из их числа был Акинджи ибн Кочкар Хорезмшах. Их преследовал народ по имени кай. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с этих (новых) пастбищ. Затем они (куны) пошли на земли шаров, а шары ушли в землю туркмен. Туркмены переместились на восточные земли гузов, а гузы переместились в земли печенегов поблизости от берегов Армянского (Черного) моря» [121]. Коротко запишем порядок племен, участвовавших в передвижении, следующим образом: Кай — куны — шары — туркмены —

---

[120] *Маркс К.* Соч. Т. 9. С. 278—279.
[121] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi. P. 18.

печенеги. Если более внимательно проанализировать эту цепь миграции, то можно сделать вывод: переселение начали куны, бежавшие от Китай-хана, т. е. от киданьского императора, в другое место в поисках пастбищ. Только после обоснования на новых землях куны подверглись нападению более могущественного племени по имени каи. Согнанные с новых земель, куны устремились на западных соседей из племени шары, которые, в свою очередь, сдвинули с насиженных мест туркмен, ушедших в земли огузов, которые передвинулись в области, населенные печенегами.

После тщательного исследования времени этой цепи миграции, приведенного В. Ф. Минорским, в исторической литературе утвердилось мнение, что это переселение произошло в первой половине XI в.[122]. Считается также, что передвижение явилось следствием образования в начале X в. в Северном Китае государства Ляо, основанного киданями. В результате расширения границ этой державы на запад в Центральной Азии произошли этнические и политические перегруппировки, следствием чего явилась цепь миграции, охватившая огромную территорию с Дальнего Востока до берегов Черного моря.

Однако возникают сомнения, почему экспансионистская политика киданей X в. заставила бежать кунов только в середине XI в. и почему это довольно крупное передвижение племен, происшедшее на северных границах Китая, выпало из поля зрения китайских информаторов. Ничего не говорится об этом передвижении и в официальной истории династии Лао «Ляоши». Зато о них упоминается в хронике армянского историка Матвея Эдесского, который под 1050—1051 гг. отмечает, что народ змей отц разбил племя хардеш — рыжеволосых, которые обрушились на узов (огузов) и печенегов и совместно с ними двинулись в пределы Византии[123]. Под именем «хардеш» — рыжеволосых — мы, несомненно, узнаем племя сарышары, наших кыпчаков, которые обитали на территории Казахстана.

---

[122] *Minorsky V.* Op. cit. P. 103—104; С. П. Толстов. Анализируя текст Мавраzи, склонен проецировать его известие на события V—VI вв., связанные с аварским движением на запад. См.: *Толстов С. П.* Города гузов. С. 81.

[123] Gronique de Mathien d'Edesse... P. 89.

Согласно Эдесскому, волну передвижения, начав с нападения на кыпчаков, породил народ змей. Записав порядок племен, участвовавших в миграции, по версии Матвея Эдесского, в виде цепи отц (змеи) — хардиаш (желтые, пóловые)-огузы-печенеги, и сравнив их с перечнем Марвази каи-куны-шары (желтые, пóловые)-огузы-печенеги, мы можем предположить идентичность обеих версий. По всей вероятности, оба автора описывают одни и те же события. Но у Матвея Эдесского отсутствует племя кунов. Вероятнее всего предположить, что для него самое дальнее звено в цепи миграции в лице кунов было неизвестно, и он заставляет племя змей, по его терминологии — отц, напасть прямо на кыпчаков.

По-видимому, под именем отц подразумеваются каи, племя, которое первоначально было известно на территории Северо-Восточной Монголии, в соседстве с киданями, под китайским именем хи, среднекитайским — хай или кай. Источники сообщают, что язык каи был близок киданьскому языку [124]. Имея в виду это обстоятельство и помня, что восточные кидани были монголоязычными, можно обратиться к самому имени каи с позиции монгольского языка. При этом окажется, что в диалектах современного монгольского языка термин «каи» означает змею. Серьезным подспорьем является очень редкая возможность сопоставить тамги отделенных группировок этого племени. В китайском источнике VIII в. тамга каи (хи) изображена в виде змеи [125]. Такая же тамга обнаруживается у племени каи, внедрившегося в состав огузского объединения на Сырдарье [126].

Как известно, на рубеже VIII—IX вв. часть каи переселилась на запад, где они, согласно Гардизи, под именем кимаков расселились в долине Иртыша и прилегавших к нему районах. Махмуд Кашгарский не знал племени кимаков на Иртыше, хотя писал в эпоху переселения народов с Дальнего Востока. Согласно ему, на Иртыше обитало племя каи, или змей. Именно их и имел в виду в своем перечне племен Матвей Эдесский.

---

[124] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 2. С. 74.

[125] *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 132.

[126] *См.: Кононов А. Н.* Родословная туркмен. М.; Л., 1958. С. 53.

Нам представляется, что, хотя миграция племен в XI в. началась с Дальнего Востока, основные события развернулись гораздо ближе на территории Джунгарии. Согласно Марвази, переселение начал народ, спасаясь бегством от Китай-хана, нам представляется, что бегство кунов на новые пастбища в тот период еще не породило соответствующего движения других племен. Только после того, как они обосновались на новых землях, куны подверглись нападению более могущественного племени каи. Кто же такие куны и где они обосновали свои новые пастбища?

Куны не были известны Матвею Эдесскому, по его словам, народ змей, (каи) напал прямо на хардиашкыпчаков. Нет кунов как названия народа и у Махмуда Кашгарского в его перечислении племен с запада на восток. Восточная цепочка перечисленных племен у него следующая: «...басмылы, кай, ябагу, татары, киргизы»[127]. О последних сказано — живут по соседству с ал-Сином. Имя кун обнаруживается только у Бируни и Марвази. У Бируни об этом племени написано в его «Тафхиме»: «Шестой климат начинается с территории восточных тюрков: каи, кунов, киргизов, тогузогузов, страны туркмен, фараба»[128]. В этом перечне народов куны показаны как одно из самых крайних племен к востоку от киргизов, т. е. где-то по соседству с киданями.

Так как «Тафхим» Бируни был написан между 1029 и 1034 гг. то, очевидно, миграция племен началась после этих годов. Марвази о кунах говорит как о группе людей, отделившихся от киданей. Это наводит на мысль, что, может быть, здесь мы имеем дело только с каким-то осколком киданьских племен, отколовшимся от своей основной части и ушедшим на запад. Возможно, именно, об этой группе киданей сообщает Ибн ал-Асир, по словам которого часть китаев при Арслан-хане была поселена на границе между Китаем и владениями караханидов, где они должны были защищать горные проходы, за что получили пастбища. И назначено им было определенное жалование. Их было 16 тыс. кибиток[129]. Марвази также отмечает, что ханы кытаев

---

[127] МК. Т. 1. С. 64.
[128] *Абу Райхан-ал-Бируни...* С. 145.
[129] *Ибн ал-Асир.* Т. 2. С. 55—56; МИКК. С. 65.

и уйгуров, боясь притязания ханов ислама (вероятно караханидов), закрыли дороги в свои страны и выставили войско [130].

Сведения о границах караханидов в Восточном Туркестане сообщает М. Кашгарский. Пограничными пунктами на северном караванном пути, ведущем из Мавераннахра в Китай, была Куча [131], на южном — Черчен [132]. Пределы государства Ляо в XI в. на западе ограничивались западной кромкой пустыни Гоби. Между этими районами лежали горы Восточного Тянь-Шаня. Вероятно, в этих горах для охраны горных проходов и поселились 16 тыс. семей киданей. Поселены они были тут при Арслан-хане Сулеймене ибн Юсуфе, правившем в Восточном Туркестане после смерти отца Юсуфа Кадыр-хана, умершего в 1032 или 1034 г.[133] Это подтверждается и указаниями Бируни, согласно которому в 1030 г. куны еще отмечены как крайнее восточное племя, т. е. они еще локализовались в районе расселения киданей. Примечательно, что в «ал-Канун» «ал-Масуди», написанной после 1030 г. куны у Бируни уже не отмечены на Дальнем Востоке. Они в этот период, очевидно, начали свое движение на запад и поселились в Тянь-Шаньских горах в 1032 г. в год вступления на престол Арслан-хана Сулеймена ибн Юсуфа.

Конечно, горы не самое выгодное место для пастбищ, и поэтому через определенное время куны остановили богатый караван и потребовали от купцов, чтобы они указали им хорошие пастбища. Купцы их направили в сторону Баласагуна, т. е. в Семиречье [134]. В. В. Бартольд отмечал: «Неизвестно, из какого источника один из компиляторов XVI в. заимствовал извес-

---

[130] *Марвази.* С. 19.

[131] МК. Т. 1. С. 339.

[132] Там же. С. 364.

[133] Наиболее подробно о династии Караханидов написал О. Притцак, автор стройной концепции образования двух совершенно самостоятельных караханидских каганатов с параллельной титулатурой. После смерти номинального главы династии Юсуфа Кадыр-хана (424—1032) два его сына, согласно письменным источникам, получили самые высокие титулы: Сулеймен б. Юсуф (в Баласагуне и Кашгаре) — стал Арслан-ханом, а Мухаммед б. Юсуф (в Таразе и Исфиджабе — Богра-ханом. Так возникли Восточный каганат со столицей в Баласагуне (Кашгаре) и Западный каганат со столицей в Узгенде (Самарканд).

[134] МИКК. М., 973. Вып. 1. С. 66.

тие, что это переселение произошло в 433 г. (1041—1042) и что Арслан-хан потребовал от переселенцев принятия ислама; они решительно отказались, но во всем остальном оказывали хану полное повиновение, так что он решил оставить их в покое» [135].

Как видим, переселение киданей из горных ущелий Восточного Тянь-Шаня произошло из-за нехватки пастбищ. Кидани двинулись в Семиречье и по пути продвижения подверглись, очевидно, нападению кимаков или племени змей (каи), обитавших севернее их, на Иртыше.

У Махмуда Кашгарского есть любопытное известие, которое, на наш взгляд, имеет прямое отношение к интересующей нас проблеме. Он писал: «Бука — большая змея. В пословице говорится: «У змеи семь голов». Иногда этим словом называют героев, подобно тому, как называли одного из видных людей, ябагу Бука Будрадж. Всевышний обратил их в бегство в тот день, когда с ними сражался Арслан-тегин — завоеватель с 40 тыс. мусульман, а неверных с Бука Будраджем было 700 тысяч» [136].

Далее говорится, что на стороне неверных находились басмылы и джумулы. Кашгарский еще мог говорить с одним из участников похода, так что война произошла сравнительно незадолго до написания его труда, но, как отмечал В. В. Бартольд, «вокруг этого события успел сложиться целый цикл легенд. К области легенды относится, конечно, и число кафиров, будто бы принимавших участие в сражении. Существование таких многочисленных армий в степи по условиям кочевой жизни совершенно невозможно» [137]. Огромная, до 700 тыс. человек, армия, конечно, цифра баснословная, но остальные описания являются отражением действительных событий.

Из сообщений Марвази и Матвея Эдесского известно что в событиях первой половины XI в. важную роль играл народ змей, или каи. У Махмуда Кашгарского с мусульманами воюет племя ябагу, во главе которых стоял представитель народа змеи Будрадж. Как извест-

---

[135] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Т. 2. Ч. 2. С. 49.

[136] МК. Т. 3. С. 173; Там же. Стамбул, 1917; Там же. Тошкент. Т. 3. С. 247.

[137] *Бартольд В. В.* 12 лекций... Т. 5. С. 86.

но, ябагу обитали на р. Ямар, отождествляемой с современной рекой Обь [138]. Западными соседями ябагу были каи-кимаки. Очевидно, каи в начале XI в. покорили племя ябагу, вступили в союз с обитавшими рядом басмылами и джумулами и двинулись в сторону Семиречья. Интересна также приведенная М. Кашгарским пословица о том, что «у змей семь голов», являющаяся, несомненно, отражением в аллегорическом виде действительно существовавших семи племен, входивших в китайский союз. Важно то, что этот союз носил название по имени змей.

Согласно Кашгарскому, народ змей двинулся в поход при Арслан-тегине, т. е. между 1032 и 1057/58 гг., временем правления Арслан-хана. Более точную дату можно получить сопоставив информацию Махмуда Кашгарского с известиями, приведенными Абу-л-Фараджем в письме несторианского метрополита Самарканда своему католикосу в 1046 г., о появлении возле Кашгара какого-то неведомого многочисленного кочевого народа, вышедшего из местности между Хотаном и Тибетом. Их было якобы 700 тыс. всадников под командованием семи царей, из которых главный носил имя Назрат [139]. Совпадение в деталях двух информаций (700 тыс. чел., семь царей) о походе неверных племен наводит на мысль о том, что мы имеем дело с описанием одних и тех же событий происшедших где-то после 1046 г. К этому времени кимаки уже находились в Семиречье, на новых пастбищах, куда они переселились, как удалось выяснить в 1042 г. Как известно, Арслан-хан их не трогал, только потребовал принятия ислама, но, получив решительный отказ, оставил их в покое. Это довольно нетипичное поведение правителя мусульманского государства, ведущего, как известно, беспощадные священные войны с неверными, может вызвать удивление, если не предположить, что эта часть киданей-кунов исповедовала христианскую веру, как о них сообщил Марвази. Согласно В. В. Бартольду, «христиане во владениях караханидов не подвергались притеснениям, по крайней мере, христианские писатели ничего не говорили об этом» [140].

---

[138] *Он же.* Тюрки. Соч. Т. 5. М., 1968. С. 586.
[139] *Он же.* Новый труд о половцах. С. 397.
[140] *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане... С. 290.

В то же время Ибн ал-Асир сообщает о принятии ислама каким-то кочевым народом, кочующим зимой в окрестностях Баласагуна, а летовку проводящим в низовьях Камы. Численность народа была в 10 тыс. шатров. События эти произошли в 1043 г., когда в честь перехода в истинную веру было принесено в жертву 20 тыс. баранов [141].

Комментируя данный отрывок, В. В. Бартольд писал: «Вполне возможно, что кочевники, проводившие лето в нынешних киргизских (казахских) степях, приходили на зиму в западную часть Семиречья» [142], т. е. нынешнюю Джамбулскую и Южно-Казахстанскую обл. К сожалению, Ибн ал-Асир не говорит об этнической принадлежности этого народа, но, вероятно, здесь нужно иметь в виду прежде всего кыпчаков. Именно им в XI в. принадлежали земли всего Казахстана. 10 тыс. шатров — это лишь часть огромного кыпчакского массива, поэтому, видимо, еще в XII в. подавляющее большинство кыпчаков не были мусульманами. Притом в среде и этих кыпчаков принятие ислама произошло далеко не так мирно, как об этом писал Ибн ал-Асир.

Не согласные с догмами новой религии, кыпчаки вынуждены были откочевывать с обжитых мест. Видимо, к ним относится следующее сообщение ал-Марвази: «Путник, идущий к китаям на расстоянии в полмесяца пути от Санджу (Шанжоу), достигает группы шары, которая известна по имени их главы, называющегося Басмыл. Они убежали в эти места от ислама, боясь обрезания» [143]. В. Ф. Минорский локализует эту группу шары «по соседству с Эдзин-голом» [144]. Так как здесь они появились, опасаясь ислама, а мусульманская религия в тот период не распространялась восточнее города Кашгара, то и первоначальное местообитание шаров было где-то западнее этого города. Сообщение Ибн ал-Асира о принятии ислама в 1043 г. народом, отождествляемым нами с кыпчаками приводит к убеждению, что восточная группа шаров обитала именно там, и когда кыпчаки приняли ислам, несогласные бежали на восток.

Таким образом, можно представить события сово-

---

[141] *Ибн-ал-Асир.* Т. 9. С. 355—356.
[142] *Бартольд В. В.* О поездке в Среднюю Азию... Т. 4. С. 53—54.
[143] *Марвази.* С. 19.
[144] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvasi. P. 19.

ковых годов XI в. следующим образом: кимаки (каи) подчинили племя ябагу[145] и, войдя в союз с басмылами и джумулами, двинулись в сторону Семиречья, где обрушились на киданей — кунов Марвази, только недавно поселившихся в этих местах. Они, в свою очередь, сдвинули с мест племя шары, или кыпчаков, и вместе с ними устремились далее на запад. Отголоски пребывания кунов-киданей в кыпчакской среде прослеживаются в именах половецких ханов Китаня и Китанова[146]. Первый был убит в 1095 г.[147], а второй упоминается в русских летописях под 1103 г.[148] Отражение самого имени *кун* наблюдается в имени половецкого хана Кунуя под 1096 г.[149]

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о локализации народа шары (сары) в XI в. В. В. Бартольд размещал их в долине р. Чу, где находилось селение Сарыг[150]. И. Маркварт первоначально отождествлял страну сары с городом Сары в Мазендаране[151], но затем правильно отмечал, что речь идет о местностях, расположенных восточнее туркменских степей[152]. С. Г. Агаджанов, исходя из данных Бируни о расселении туркмен в первой трети XI в., согласно которому часть туркмен проживала в Семиречье, отодвигает народ сары далеко к востоку[153]. Б. Е. Кумеков, взяв за основу вывод С. Г. Агаджанова и опираясь на известия ал-Идриси о р. Шария, впадающей в озеро Гаган-Алакуль, привязывает шары к району Алакульской впадины[154]. Однако все авторы упускают из виду, что под племенем сары нужно иметь в виду, в широком смысле, кыпчаков, а они занимали степи Центрального Казахстана. Исходя из этого, В. Ф. Минорский центром

---

[145] Согласно Абулгази, среди народа каи находился государь Инал-йавы. Последнее слово, согласно А. Н. Кононову, можно сопоставить с именем Йябгу (йавы > йабы > йабагу). См.: Родословная туркмен.

[146] ПСРЛ. Т. 1. С. 227.

[147] Там же. Т. 2. С. 217.

[148] Там же. С. 279.

[149] Там же. С. 239.

[150] *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах. С. 395.

[151] *Маркварт И.* Указ. раб. С. 52.

[152] Там же. С. 202.

[153] *Агаджанов С. Г.* Указ. раб. С. 157.

[154] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков... С. 125.

расселения сары считает бассейн р. Сарысу и области северо-востока Аральского моря[155].

Но Марвази говорит о двух группах шары — западных и восточных. Мы предполагаем, что восточные шары перед отделением в 1043 г. от основного племени кыпчаков из-за несогласия с догмами новой религии первоначально жили в районе Баласагуна. Таким образом, В. В. Бартольд был прав, размещая их в Западном Семиречье. Но раз мы имеем дело с народом, ведшим кочевой образ жизни, то следует у них различать зимние и летние пастбища, на которых они располагались посезонно. Согласно, Ибн ал-Асиру, кыпчаки проводили лето в соседстве с булгарами, а зимой обитали в бассейне р. Талас и Чу, в горных долинах хребта Каратау. Приход сюда новых племен в лице кунов вынудил кыпчаков изменить пределы своих кочевок и перенести зимние пастбища в низовья Сырдарьи.

Замечание же Бируни о том, что в Семиречье обитали туркмены, снимается свидетельствами Махмуда Кашгарского, согласно которым, карлуки, действительно проживавшие в Семиречье, тоже назывались туркменами[156]. Естественно, существуя одно время совместно с кыпчаками на одной территории, они так или иначе должны были связать свою судьбу с ними. Мы не располагаем подробными материалами об их взаимоотношениях, но вспомним хотя бы о карлукском племени булак, которое, по словам Кашгарского, было когда-то в подчинении у кыпчаков[157]. Небезынтересно отметить присутствие карлукского этнического элемента среди половцев, отразившееся в имени половецкого хана Кобяка Карлыевича. Он известен в русских летописях под 1170, 1183 и 1186 гг. Видный польский языковед А. Зайончковский усматривает в отчестве этого хана персонифицированный этноним карлык-карлук[158]. В летописной хронике о действиях Игоря против половцев встречается название половцы-улашевичи, являющееся одним из вариантов этнонима булак, входившего в состав карлукских племен.

Исключительный интерес для характеристики миграции народов в XI в. представляет сообщение Абулгази.

---

[155] *Minorsky V.* Hudud al-Alam. P. 317.

[156] МК. Т. 3. С. 56, 393; Кроме того, в данном месте упоминаются «карлукские туркмены». См.: Там же. Т. 1. С. 80.

[157] Там же. Т. 1. С. 360.

[158] *Zajanczkowski A.* Zwiazki jezykowe polowjecko clowinskie.

Оно тем более ценно, что в нем прямо указывается, на непосредственную роль в передвижении племен XI в. киданей, причем киданей, обитавших не на Дальнем Востоке, а в соседстве с туркменами: «Ближе всех (других) илей к туркменам — писал Абулгази, — жили китаи, канглы и найманы. Эти или стали нападать на оставшихся туркмен. Туркмены покинули все эти юрты — Иссык-Куль, Алмалык, Сайрам, горы Улугтаг — и ушли в устье р. Сыр. Государя своего они посадили в Янгикенте, а сами летовали и зимовали по обеим сторонам Сыра»[159]. Присутствие в этом отрывке племени найман, которое в начале XI в. еще не проникло в Семиречье, можно объяснить тем, что источники Абулгази не знали кимаков (как известно, о кимаках писала только небольшая группа ранних авторов), но знали, что миграцию племен начал народ, сидевший на Иртыше и Алтае, где в XII в. уже обитали и найманы и канглы, т. е. перед нами позднейшая интерполюция событий, происшедших в XI в. Информация Абулгази подтверждает нашу мысль о том, что под кунами нужно иметь в виду киданей, которые совместно с кыпчаками и кимаками (в данном случае у Абулгази — с канглы и найманами) напали на туркмен. Туркмены ушли в низовье Сырдарьи. Туда же вторглись сары-кыпчаки и кимаки (каи).

Своеобразное преломление эти события получили спустя сто лет в легендах, бытовавших среди жителей казахов низовьев Сырдарьи, записанных в конце XIX в. А. Нестеровым. Согласно им, г. Джанкент, или Янгикент, где правил Санджар, погиб из-за нашествия несметного количества змей[160]. Перед нами, несомненно, в легендарной, завуалированной форме отображено нашествие кыпчаков, среди которых находилось племя змей, или кимаков-каи.

Разгромленные кыпчаками в середине XI в. огузские племена Приаралья и Северного Прикаспия ушли на запад. Это движение осуществлялось двумя ветвями, Южная, известная как движение сельджукидов, шла через Среднюю Азию, Иран, Малую Азию. Северная — через

---

[159] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. ... С. 37.

[160] *Нестеров А.* Прошлое Приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда // ЗВОИРАО. 1900. Т. 12. Вып. 4. С. 101.

степи Восточной Европы. Огузы, преследуемые кыпчаками, буквально сидевшими у них на плечах, наступали на печенегов, 13 родов которых, согласно византийским источникам, расположились между Днепром и Дунаем [161]. Ханы печенегов, не имея успеха в борьбе с наступлением огузов ушли в дунайские провинции Византии, а часть из них — в пределы Венгрии [162].

Таким образом, у границ Византии затухает волна миграции, всплески которой зародились далеко на Востоке. Хотя расширение границ государства Ляо и послужило толчком для движения племен, ибо из их среды вышла группа киданей, осевшая в Восточном Туркестане, основные события были связаны с движением кимакских племен, которые объектом своих захватов избрали Семиречье. Сдвинутые со своих мест кидане-куны, проживавшие в Семиречье, и преследовавшие их кимаки вошли в соприкосновение с кыпчаками-сары, имевшими зимние пастбища в Западном Семиречье. Вынужденное переселение кыпчаков на новые пастбища в низовья Сырдарьи и Приаралья, естественно, отразилось на положении кочевавших там огузов. Они перешли Волгу и обрушились на печенегов.

Кыпчакское движение нанесло окончательный удар державе сырдарьинских ябгу[163]. Было бы невероятно, однако, представлять это движение как некий уход всех кыпчаков на запад. Это было именно расселение по всей огромной территории Казахстана и южнорусских степей.

Расселение кыпчаков началось еще в IX в. и шло на запад через Тургайские степи к Волге и на юго-запад, к среднему течению Сырдарьи. К 30-м гг. XI в. кыпчаки становятся хозяевами всей степи от Иртыша до Волги. Именно в этот период из мусульманской географической

---

[161] *Василевский* // Труды Спб., 1908. Т. 1. С. 9.

[162] *Расовский Д.* Печенеги, тюрки и половцы на Руси и в Угрии. С. 8—9. Отражением этой последней цепи миграции, начавшейся далеко на Востоке, служат слова Анны Комниной, писавшей: «И вот савроматы (печенеги) внезапно снялись со своих мест и переселились на нашу землю. Причиной их переселения была непримиримая вражда гетов (в данном случае — огузов), которые граничили с ними...». См.: *Комнина А.* Алексиада. М., 1965. С. 131. Этот поход печенегов А. Каждан (см.: *Иоанн Мавропед.* Печенеги и русские в середине XI в. //Зборник Радово Византинолошкого ин-та VIII. Белоград, 1963. С. 177,) датирует 1046—1047 гг. Поход происходил зимой, так как печенеги прошли по льду.

[163] *Агаджанов С. Г.* Очерки... С. 154.

терминологии исчезает название Мефазат ал-Гузия — степь — гузов и появляется новое название — Дешт-и Кыпчак — степь кыпчаков [164].

События середины XI в., движение с востока киданей и кимаков против кыпчаков послужили одной из причин дальнейшего расширения пределов степи кыпчакской,— они перешли Волгу и двинулись в Европу и «за 30 лет движения на запад доходят до естественных пределов своего ареала — лесистых Карпат, железных ворот Дуная и Балканского хребта» [165].

---

[164] *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах. С. 395.
[165] *Расовский Д.* Половцы // SK. Прага, 1935. Т. 8. С. 182.

Глава 4

КЫПЧАКИ И ХОРЕЗМ В XI — НАЧАЛЕ XIII вв.

(Из истории политических взаимоотношений)

К началу XI в. обширные степи Казахстана за исключением Семиречья, где в этот период обосновались правители из династии Караханидов, почти полностью находились под политическим контролем кыпчаков.

Увеличение поголовья скота, быстрый рост его товарности, втягивание жителей степи в систему торговых связей с оседло-земледельческими оазисами Средней Азии и юга Казахстана неумолимо требовали расширения пастбищ свободного выхода к рынкам сбыта. Кыпчаки были остро заинтересованы в том, чтобы пробить себе дорогу к городам Средней Азии на юге и Руси на западе.

Однако на пути устремлений кыпчакских племен находились владения государства огузов, охватывавшие, как известно, низовья Сырдарьи, Нижней Волги, степи Западного Казахстана. Поэтому кыпчаки должны были неминуемо столкнуться с огузами в борьбе за преобладание вышеуказанными местами. В начале XI в. политическая обстановка благоприятствовала их планам.

Огузское государство на рубеже X—XI вв. переживало сильный кризис и упадок, обусловленный прежде всего внутренними причинами. Стремление феодализирующейся знати и правящей верхушки сырдарьинских ябгу полностью подчинить себе свободных общинников и превратить их в зависимую массу вызвало против них взрыв недовольства и привело к ряду восстаний беднейших слоев огузов в конце X в. Волнение низов огузского общества, а также зависимого оседлого населения сырдарьинских городов, недовольных бесконечными поборами ханских сборщиков, было искусно использовано вождями сельджукидов, захвативших Джендскую область

и вставших во главе восставших народных масс, направлявших их возмущение в своих интересах[1].

Ослабленная борьбой с повстанческим движением, многолетними стычками и войнами с сельджуками держава сырдарьинского ябгу не смогла устоять против энергичного напора кыпчакских племен с севера и востока, которые и довершили окончательный разгром и положили конец существованию огузского государства.

Разгромив огузов, кыпчаки к середине XI в. придвинули свои кочевья вплотную к окрестностям Аральского моря, к нижнему и среднему течению Сырдарьи и стали практически единовластными хозяевами обширных степных пространств от Иртыша на востоке до Волги на западе. Оставшаяся часть огузов, не ушедшая на запад со своими сородичами, вынуждена была покориться кыпчакам, и их пастбища в окрестностях Янгикента и Дженда стали достоянием кыпчакских ханов.

Заняв место покоренных огузов в низовьях Сырдарьи, кыпчаки непосредственно вошли в соприкосновение с крупным государственным образованием Средней Азии начала II т. н. э. — государством хорезмшахов.

ХОРЕЗМ В НАЧАЛЕ II тыс. н. э.

Расположенный в плодородной долине нижнего течения Амударьи Хорезм с древненших времен имел важное значение в жизни народов Средней Азии и прилегающих степей Казахстана. Особенно возросла роль этой области на рубеже I и II тыс. н. э. Благодаря своему окраинному положению, Хорезм не вошел в состав ни Караханидского государства в 999 г., ликвидировавшего Саманидское государство в Средней Азии и захватившего его территорию до Амударьи, ни Газневидского государства, забравшего в свои руки владение Саманидов за Амударьей. Находясь на перекрестке важнейших караванных путей, связывавших Среднюю Азию с Восточной Европой, с кочевыми племенами Казахстана, Монголии и далеким Китаем. Хорезм постепенно набирался сил и могущества[2]. В немалой степени этому способствовала бо-

[1] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XII вв. Ашхабад, 1969. С. 154.

[2] Археологический материал, собранный Хорезмийской экспедицией под рук. С. П. Толстова, служит отлично иллюстрацией к характеристике Хорезма, великих караванных путей, связывающих эту страну с соседями. См.: *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. Гл. 10.

гатая земледельческая традиция, берущая свои корни в глубокой древности, основанная на строительстве сложной оросительной системы, а также рост и процветание городов с большим количеством ремесленников и мастеров, что являлось одним из важнейших проявлений общего экономического подъема страны, активное участие хорезмийских купцов, в караванной торговле того времени. Их внимание привлекали степи, населенные кочевниками, поставлявшими на рынки Хорезма скот и продукты скотоводства. Восточные географы описывают Хорезм как богатую и процветающую страну. Например, Макдиси писал: «Это округ известный, обширный, со многими городами... Там не прерываются жилища и сады, множество прессов для давки винограда, пашен, деревьев, фруктов и жизненных благ, он прибылен для людей торговли. Они (жители его) — люди разумения, науки, фикха, способностей и образования...»[3]. Истахри отмечал одну, очень существенную деталь, игравшую первостепенную роль в экономическом процветании Хорезма, а именно: «большая часть богатства их — от торговли с тюрками и разведения скота»[4]. Важное значение торговли в жизни хорезмийцев отмечает и автор «Худуд ал-Алам»: «Кас — главный город Хорезма, ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрок Туркестана, Мавераннахра и области хазаров, место [стечения] купцов»[5].

Политическая история Хорезма до VIII в., как отмечал В. В. Бартольд, почти не известна[6]. Еще в начале VIII в. после арабского завоевания в Хорезме установилось своего рода двоевластие, и до конца X в. Хорезм делился на две части — южную, со столицей в г. Кяте, и северную — со столицей в Ургенче. В 996 г. правитель Ургенча Мамун ибн Мухаммед сумел объединить обе части в единое целое и восстановил политическое единство Хорезма, приняв титул хорезмшаха. До середины XI в. в Хорезме сменились две династии хорезмшахов, когда Хорезм попал под власть сельджукидов. Хорезм несколько десятилетий оставался провинцией Сельджукидского государства.

В борьбе за свою независимость с Сельджукидским

---

[3] МИТТ. Т. 1. С. 185.
[4] Истахри ВСА. Т. 1. С. 305.
[5] МИТТ. Т. 1. С. 216; Худуд ал-Алам. Л. 25 б.
[6] *Бартольд В. В.* Хорезм // Соч. Т 3. С. 544.

государством и возвысился Хорезм в конце XI — начале XII в. Этому благоприятствовала и внешнеполитическая обстановка. Ослабленная внутриусобной борьбой, пала власть караханидов в Мавераннахре. В то же время Хорезм продолжал расти и процветать, благодаря все увеличивающемуся развитию ремесла, росту торговли со степью и дальними странами. Продолжали возвышаться города, поднималось благосостояние земледельческих оазисов. Этими ресурсами, географическим положением своей страны, а также его связями с другими областями пользовались хорезмшахи четвертой по счету и самой блестящей из династий, о происхождении и этнической принадлежности которой в источниках имеются противоречивые данные.

Одни источники утверждают, что хорезмшахи происходили из племени бекдели, а Джузджани, например, пишет, что основатель династии «Малик Кутб ад-дин Мухаммед Айбек тюрк двинулся со своими племенами и родственниками в сторону Дженда и Хорезма со стороны степи (сахри), где и обитали кыпчаки и канглы, и значительный период жили на этой земле, подчиняясь руководству хорезмшахов... и пользуясь для житья пустыней и пастбищами»[7]. В другом месте он еще более определенно указывает, что сын Кутб ад-дин Мухаммеда Тажд ад-дин Мухаммед «имел брата, который был моложе его, на него он возложил управление над племенем канглы и кыпчаков, от которых произошел их собственный род»[8].

Конечно, из-за отсутствия дополнительных данных сейчас еще трудно настаивать на кыпчакском происхождении последней династии хорезмшахов, тем более что сам Джузджани далее сообщает следующее: «Некоторые полагают, что он (Ануш-Тегин, отец Кутб ад-дина Мухаммеда) был по происхождению югур, и что он был из племени бекдели»[9]. Однако и этот отрывок может сыграть в пользу кыпчакской теории происхождения хорезмшахов, если указать, что имя Югур в XII в. встречается только в кыпчакской среде. Так, о них сообщается, что в дипломатической переписке хорезмшаха Текеша с

---

[7] *Tabakat-i-Nasiri A.* General History of the Muhammadan Dynasties of the Asia... V. 1. P. 233.

[8] Ibid. P. 235.

[9] Ibid.

некоторыми владетелями того времени в 1182 г., когда к границе Дженда прибыл кыпчакский предводитель, свита которого состояла «из сыновей югуров»[10].

ЮГУРЫ-УЙГУРЫ

Появление «сыновей югуров» в непосредственной близости с Хорезмом можно связать с событиями, происшедшими после разгрома киргизами уйгурского государства на Орхоне в 840 г., когда одна часть уйгуров ушла в Турфан, другая — в Ганьсу, а третья — на Иртыш. Как полагал В. Ф. Минорский, еще одна часть уйгуров, сары-уйгуры, уже в то время нашла убежище в степях севернее Аральского моря[11]. То же пишет Дж. Гамильтон: «После разгрома Уйгурии в IX в. часть тогузогузов-уйгуров, вытесненная на западную границу, поселилась вокруг Аральского моря»[12].

Факт пребывания уйгуров где-то в районе севернее Аральского моря начиная с X в. отмечен в источниках того периода. Так, Масуди в «Мурудж аз-захаб» сообщает, что между р. Черный и Белый Иртыш, впадающими в Каспийское море, за р. Балх, т. е. Амударьей, находилось государство Кимак-Бигур[13]. Существует несколько мнений отождествления этих рек, но скорее всего тут, как мы уже отмечали, надо подразумевать р. Волгу и Урал или Урал и Эмбу[14], во всяком случае, район Западного Казахстана, тогда приводимое в тексте Масуди имя Кимак Бигур можно отнести к региону севернее Аральского моря. И. Маркварт полагал, что под названием Кимак Бигур следует понимать Кимак Ябгу и высказал мнение, что перед нами титул Ябгу Кимак[15].

В. Ф. Минорский же убедительно доказал, что данное имя следует реставрировать как Кимак Югур, что служит доказательством появления уйгуров в степях, прилегающих к Аральскому морю, вскоре после бегства их с Орхона в конце IX в.

Как уже говорилось, в IX в. часть уйгуров вошла в состав кимаков, обитавших еще в восточных областях

---

[10] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Спб., 1898. С. 79.

[11] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi... P. 100.

[12] *Hamilton J.* Togour-oyouz et on-ouigour // JA. 1962. N 1. P. 50.

[13] *Macoudi.* Les Prairis d'or. Texte arabe et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. V. 1.

[14] Ibid.

[15] *Marquart J.* Über das Volkstum. S. 101. 102.

Казахстана, а затем вместе с ними мигрировала на запад. Впоследствии с начала XI в., когда кыпчаки возвысились в кимакском союзе, югуры вошли в состав кыпчакской конфедерации и поселились у северо-восточных границ Хорезма. Находясь в непосредственной близости с этим крупнейшим мусульманским государством в Средней Азии, племена кыпчакского объединения вынуждены были втянуться в орбиту их внешнеполитических отношений, и настолько они были связаны с жизнью Хорезма, что, возможно, из кыпчакских вождей вышла последняя, самая блестящая династия Хорезмшахов. Во всяком случае, как отмечал В. В. Бартольд, «после отуречивания степи Хорезм больше других областей подвергся влиянию турецкого элемента...» и «в последние годы XI в. здесь утвердилась наследственная династия хорезмшахов, представители которой почти все носили турецкие имена»[16].

Но, став владетелями Хорезма, хорезмшахи начали борьбу со своими кочевыми соплеменниками, используя в то же время в этих войнах и самих кыпчаков. Для этой цели они действовали разными путями и средствами. Одних они привлекали на свою сторону мирным путем, предоставляя им пастбища, распространяя среди них ислам, входя в родственные связи с представителями патриархально-феодальной верхушки, раздавая им государственные и военные должности. Других же кыпчаков, сохранявших независимость и боровшихся против них, хорезмшахи стремились подчинить силой, организуя крупные военные походы в Дешт-и Кыпчак.

Уже с самого начала своего прихода к власти хорезмшахи начали войну за расширение государства[17] и наряду с другими захватами устремили притязания на степи Казахстана. Однако первый хорезмшах вел пассивную борьбу с кыпчаками. Только его преемники перешли в наступление на степь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КЫПЧАКОВ И ХОРЕЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Основатель четвертой династии Кутб ад-дин Мухаммед вступил на престол Хорезма в 1097 г., где до него

[16] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч. М., 1968. Т. 5. С. 116.

[17] О политических отношениях Хорезма с каракитаями, сельджукидами и другими народами и государствами Передней и Средней Азии см.: *Бартольд В. В.* Туркестан...

хорезмшахом был некий Акинджи ибн Кошкар, о котором, как известно, Марвази сообщал, что он происходил из кунов[18], т. е., возможно, киданей. Согласно, Джувейни, Акинджи был рабом Санджара, который и посадил его на престол Хорезма[19]. Однако правил он недолго, менее года, и был убит двумя враждебными ему эмирами.

Уже в первый год своего прихода к власти Кутб-ад-дин Мухаммеду пришлось столкнуться с кыпчаками. Согласно Ибн ал-Асиру, «один из тюркских царей (Мангышлака) собрал войско и направился в Хорезм к Тогрул-тегин ибн Акинджи, отец которого раньше был хорезмшахом... присоединился к тюркам и пошел с ними на Хорезм»[20]. Последний, скорее всего, стремился с помощью союзников вернуть себе престол отца. С. Г. Агаджанов установил, что под тюрками Мангышлака следует подразумевать племена кыпчакского объединения[21]. Этот поход был столь грозным, что Мухаммед не смог отразить их своими силами и обратился за помощью к своему сюзерену Санджару. Возможно, на стороне кыпчаков Мангышлака боролись и их родственные племена, обитавшие на северном побережье Каспия, в низовьях Волги, ибо Джузджани сообщал, что в это же время Мухаммед отразил нападения и язычников саксинов[22]. Под саксинами, видимо, имеются в виду какие-то племена кыпчакского объединения, проживавшие в области Саксин. Русский летописец называет именем саксин половцев, обитавших в Нижнем Поволжье[23].

Оставаясь, вероятно, все время верным вассалом султана Санджара, Кутб ад-дин Мухаммед вынужден был на протяжении 30-летнего господства отражать наступление кыпчаков на северные и северо-восточные рубежи своего государства. К сожалению, какими-либо подробностями об этом периоде мы не располагаем. Только Джузджани упоминает о том, что Мухаммед, «благодаря своей бдительности и смелости, удерживал врагов... и

---

[18] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman. P. 101.
[19] *Джувейни.* Т. 2. С. 35.
[20] *Ибн ал-Асир.* 1864. Т. 10. С. 183.
[21] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. С. 247.
[22] *Tabakat-i-Nasiri...* V. 1. С. 234.
[23] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966. С. 150.

сохранил границы от язычников саксинов и кыпчаков»[24].

Такую пассивную политику первого представителя четвертой династии хорезмшахов следует объяснить, по-нашему мнению, не столько слабостью еще неокрепшего Хорезма, сколько могуществом кыпчакского объединения, сложившегося в степях Казахстана в конце XI — начале XII в.

СЛОЖЕНИЕ КЫПЧАКСКОГО СОЮЗА ПЛЕМЕН НА РУБЕЖЕ XI-НАЧАЛА XII в.

Согласно данным различного круга источников, в степях Казахстана с центром в северных его районах на рубеже XI—XII вв. сложилась кыпчакская конфедерация племен во главе с ханами.

Об образовании кыпчакской правящей династии в степях Казахстана говорит китайская официальная история «Юаньши». При описании биографии кыпчакского полководца армии Хубилая Тутуха в «Юаньши» сказано: «Предки Тутуха происходили из племени (проживающего) у гор Аньдоган при р. Чжэлянчуань к северу от Упин. С того времени как (некий) Цюйу переселился на северо-запад к горам Юйлиболи, предводители этого племени составили самостоятельное поколение (ши). Они называли свои владения циньча (кыпчак), их земли находились на расстоянии 30 с лишним тыс. ли от Китая. Летом в тех местах ночи были очень короткими, и солнце, едва успев зайти, тотчас всходило снова. У Цюйу родился сын Самона, у Самона — Инаси. Из поколения в поколение они были государями кыпчаков»[25]. Имя переселенных монголов было кыпчаки. Уйдя из монгольских степей на северо-запад, они обосновались, судя по сопоставлению с другим китайским источником эпохи монгольского нашествия — «Ганьму», в предгорьях Урала и здесь стали основателями кыпчакского государства. Вычислив же время первого из царей кыпчаков, Маркварт пришел к выводу, что в пределах Урала кыпчаки появились между 1115 и 1125 гг. Кыпчаки лишь дали, по мнению И. Марквардта, новое монгольское или маньчжурское имя половецкому народу — имя кыпчак, — сами же

---

[24] *Tabakat-i-Nasiri*... V. 1. C. 234.

[25] *Кычанов Е. И.* Сведения «Юаньши» о переселении киргизов в XIII в. // Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. 1963. Т. 5. Вып. 1. С. 62.

они быстро отюречились и, так как их было, очевидно, немного, почти не повлияли на этнический состав половцев и не изменили их язык[26].

Отбросив тезис И. Маркварта о том, что имя кыпчак впервые появляется в 1120 г. и что этот этноним, так же, как и государственность, принесли с собой монголы, возьмем за основу его утверждение об образовании династии в промежутке между 1115—1125 гг. и поселении его представителей возле Уральских гор. Очевидно, сюда внедрилась небольшая группа племен, так как известно, со слов автора «Худуд ал-Алам», что в районе Южного Урала и в степях Западного Казахстана кыпчаки обосновались еще в середине IX в. Рост производительных сил, развитие производственных отношений, постоянные военные столкновения между кыпчаками и окружавшими народами, не говоря уж об усилении торговли и других форм общения, послужили толчком к стремлению отдельных мелких групп кыпчаков объединиться. Этот процесс особенно стал заметен с начала XII в., поэтому утверждать так, как это делает И. Маркварт, что только пришельцы из Восточной Азии смогли соединить кочевые кыпчакские племена в государство, нет оснований.

В то же время нельзя просто отмахнуться от известий, приведенных в «Юаньши», как это сделал В. В. Бартольд, посчитав, что автор придает большое значение известию официальной истории монгольской династии Юаньши о происхождении кыпчакского правящего рода из Маньчжурии[27].

Вероятнее всего какая-то монгольская ветвь в XII в., действительно, появилась в кыпчакской среде, поэтому она и нашла отображение в источниках. Ведь не случайно историк Несеви, который был современником и сподвижником Джалал ад-дина, а значит, хорошо знал историю хорезмшахов со слов последнего их представителя, писал, что бабка Джалал ад-дина, мать Мухаммеда Теркен-хатун происходила из байаутов, ветви йемеков[28]. В то же время, согласно Джузджани, она была дочерью хана кыпчаков[29].

О байаутах мы знаем как о монгольском племени,

---

[26] *Marquart I.* Über das Volkstum... S. 137.
[27] *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах // Соч. Т. 5. С. 401.
[28] *Несеви.* Т. 2. С. 44, 72.
[29] *Джузджани.* Т. 1. С. 240.

обитавшем на северо-востоке Монголии, где они были разделены на две ветви: «одну [называют] джадай, ее [же] называют байаут, а другую — кэхэрин — байаут. Джадай — речная долина в Монголии, так как стойбища их были там, то они и относятся к этой местности и [ее название] стало их собственным именем. А тех, что сидят в степи, называют кэхэрин-байаут (т. е. степные байауты). Юрты их по реке Селенге»[30].

П. Пелльо, имевший в своем распоряжении большое количество китайских источников, о которых не знал Маркварт, путем тщательных исследований пришел к выводу, что предводитель, который возглавил переселение, носил имя Цюйнян или Кунан и пастбища его племени находились первоначально в Джеляньчуане — Джейраньей долине. Он писал: «Не подлежит сомнению, что Джерран-Кэхэр был той областью, которая у... Тутуха располагалась к северу от Упин...»[31]. «Что касается локализации Джерран-Кэхэр, то я думаю,— пишет далее П. Пелльо, — что надо его искать на территории современной Монголии, по соседству с Лохамурэнь»[32].

Для освещения отношения этнического имени байаут к кыпчакам П. Пелльо приводит известия из «Юаньши», где сказано, что Туг-Тэмур — последний император монгольской династии, взял в жены одну женщину родом из племени байаут. О ней в «Юаньши» было сказано, что «она имела фамилию племени кыпчак». О ней же известно, что она была внучкой кыпчакского полководца Тутуха[33]. Из всего этого П. Пелльо приходит к выводу, что племя Тутуха не принесло с собой государственность, а только управляло кыпчаками, которые до них имели реальную автономию, и Кунан не был носителем этнонима кыпчак, известного гораздо ранее, а присвоил себе известное имя, и, таким образом, «племя, ведущее свое происхождение от Кунана, присвоившего себе имя кыпчак, было в действительности племенем байаутов и поэтому Несеви говорит о байаутах, ветви кыпчаков»[34].

Очевидно, байауты в начале XII в., прикочевавшие в

---

[30] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 1. С. 17.

[31] *Pelliot P.* et *Hambis L.* Histoire de compagnes des Chinqis Khag. Leiden. 1951. V. 1. P. 103.

[32] Ibid. P. 103.

[33] Ibid.

[34] Ibid.

степи Казахстана, заменили местную кыпчакскую династию, которая происходила, по нашему мнению, из племени ильбари, и приняла их название. За это говорят следующие факты. П. Пелльо приводит два варианта биографии Тутуха. По первой версии, «предки Тутуха были первонаачльно вождями одного горного племени Аньдоган... Начиная с Койчу племя переселилось на северо-запад в горы Юйлиболи и по этому поводу приняло имя этой горы, как название рода...» Другой вариант: «Предки Кинча были горным племенем Аньдоган к северу от Упин. Впоследствии они эмигрировали на северо-запад и прибыли к горе Юйлиболи, где они обосновались... Там был Кунан, назвавший свое владение кинча (кыпчак), он стал главой и правил племенем. Кунан имел сына Самона...»[35]. Эти два отрывка показывают, что байауты, поселившись в местности или у горы под названием Юйлиболи, приняли имя этой местности как имя своего рода. Но что означает имя Юйлиболи? П. Пелльо тщательно исследовал все о значении этого слова и пришел к выводу, что мы тут имеем китайскую передачу этнического названия племени ильбари[36] — одного из племен, известного среди кыпчаков. Действительно, в списке арабского писателя Ибн Халдуна, среди прочих имен имеется и кыпчакское племя эльбули[37]. У Джузджани говорится, что Бату захватил «все земли племен Туркестана... он покорил в этих местах племена кыпчак, канглы, йемек, ильбари, рус, черкес и ас»[38]. Еще более определенно сообщает Рашид ад-дин при описании восстания кыпчаков против монголов в 1237 г. Он указывал, что предводитель восстания против монголов в 30-х гг. XIII в. был «Бачман из народа кыпчак, из племени ольбурлик»[39]. Один из индийских султанов первой половины XIII в., бежавший из монголов, Улуг-хан Аджам, выходец из кыпчаков, назван Джузджани «ханом ильбари и шахом иемеков»[40]. У него же мы узнаем, что отец Улуг-хана «в Туркестане был важной персоной среди племен ильбари и носил имя хана и для своего многочисленного племени и подчиненных был известен и знаменит»[41]. Дед

---

[35] Ibid. S. 104.
[36] Ibid. S. 107.
[37] СМИЗО. Т. 1. С. 541.
[38] *Джузджани* // СМИЗО. Т. 2. С. 15.
[39] *Рашид ад-дин* // СМИЗО. Т. 2. С. 35.
[40] *Джузджани.* Tabakat-i-Nasiri. V. 11. P. 1294.
[41] Там же. С. 794.

же Улуг-хана «был потомком Абар-хана Ильбари, а он был ханом над 10 тыс. семейств»[42].

Если сделать приблизительный подсчет поколений представителей племени ильбари, то Абар-хан Ильбари[43] мог править где-то в начале XII в., возможно, раньше и, вероятно, его имел в виду Махмуд Кашгарский, когда указывал, что у кыпчаков был хан по имени Табархан[44]. По-видимому, ему в то время были подвластны кыпчаки и йемеки, которые, как известно, в XII в. совместно нападали на Саксин.

Таким образом, показания ряда источников подтверждают существование в степях Казахстана на рубеже XI—XII вв. крупной кыпчакской конфедерации племен, имевших династийную царскую фамилию, происходившую первоначально, вероятно, из племени ильбари, обосновавшихся в предгорьях Южного Урала и степях Западного Казахстана. Интересно отметить, что это владение кыпчаков с племенем ильбари во главе располагалось именно в том районе, где еще в середине IX в., согласно «Худуд ал-Алам», отмечалась отдельная, не зависимая от кимаков, кыпчакская область.

Быстрое развитие кочевого скотоводства, рост поголовья скота, для прокормления которого требовались обширные пастбища, стимулировали объединение разрозненных племен в единый союз, направленный прежде всего против огузов. Политическая обстановка в степи в начале XII в. после бурных событий, вызванных миграций кочевых племен, с середины XI в. относительно стабилизируется. Огромные степные пространства от Иртыша на востоке до черноморских степей постепенно становятся достоянием кыпчакско-половецких ханов. Именно в конце XI в. они захватывают Янгикент, Дженд и другие города долины Сырдарьи[45]. На карте М. Кашгарского района Аральского моря, восточное побережье Каспия отмечено как область обитания кыпчаков[46]. В начале XII в. расположенный в нижнем течении Волги

---

[42] Там же. С. 800.

[43] Племя ильбари в русских источниках известно под именем ольбери. В. Гордлевский и Л. Рашоньи считали возможным выводить слово «ольбери» из сочетания слов алп-ер (предводитель). См.: *Гордлевский В.* Что такое босый волк? // ИАН СССР. ОЛИ. 1947. Т. 4. С. 32.

[44] МК. Т. 1. С. 342.

[45] МК. Т. 1. Тошкент.

г. Саксин страдал от постоянных набегов кыпчаков и йемеков[47]. Не случайно при описании биографии Кутб-ад-дина Мухаммед Джузджани отмечал, что ему пришлось охранять границы вверенного ему государства от язычников булгар и кыпчаков. Он именно охранял свои владения и не помышлял о наступательных действиях против жителей Дешт-и Кыпчака, которые у него, и это показательно, обозначены одним именем наряду с булгарами.

Правителям этого государства было, конечно, опасно иметь такого грозного соседа на северных и восточных границах своей страны и поэтому они прилагали всяческие усилия для ослабления их могущества.

ЗАВОЕВАНИЕ АТСЫЗА

Уже преемник Кутб ад-дин Мухаммеда сын Атсыз переходит от обороны к наступлению. Атсыз, который «был истинным основателем могущества династии хорезмшахов»[48], хотя внешне до конца оставался вассалом султана Санджара, прежде чем наступать на степь, постарался овладеть плацдармами и ключевыми местами для успешной борьбы с грозными врагами. С этой целью от захватил низовье Сырдарьи с г. Джендом и совершил поход на Мангышлак[49].

Закрепившись в завоеванных местах, Атсыз предпринял поход в Туркестан, к северу от Аральского моря, где он одержал победу над «царем и предводителем, который среди неверных пользовался самым большим уважением...»[50], т. е., по нашему мнению, над ханом из племени ильбари. Поход был совершен в 1133 г. Дальнейшее продвижение Атсыза в Дешт-и Кыпчак было приостановлено ввиду обострившегося конфликта Атсыза с его сюзереном Санджаром. Султан усмотрел в захвате Атсызом Мангышлака и Дженда (эти походы были совершены без ведома Санджара) открытое неповиновение и решил силой привести непокорного вассала к повиновению. В 1138 г. он нанес поражение Атсызу, однако через год Атсыз вновь был на престоле Хорезма.

---

[47] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории... С. 162.
[48] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху... С. 307.
[49] МИТТ. Т. 1. С. 435.
[50] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху... Ч. 1. Тексты. С. 37.

В дальнейшем Атсыз еще не раз выступал против Санджара, но до конца своей жизни находился в вассальной зависимости от сельджуков, и даже когда в 1153 г. Санджар попал в плен к гузам, Атсыз выступил в его защиту. В то же время Атсыз не переставал вести борьбу на северных границах с кыпчаками и в этом направлении его дела шли более успешно. В борьбе со степными племенами вступил в союз с правителем Дженда Кемаль-ад-дином из династии Караханидов. «В 547 г. х. (1152), — писал Джувейни, — Атсыз несколько раз предпринимал поход на неверных и одержал над ними победу. Правитель Дженда в то время был Кемаль-ад-дин, сын Арслан-хана Махмуда, с которым Атсыз заключил наступательный союз, чтобы овладеть Сыгнаком и рядом других городов. Однако, когда Атсыз в мухаррама (в конце мая) того же года стал приближаться к границам Дженда, союзник бежал вместе с войском...»[51]. Источники далее ничего не говорят о результатах похода на Сыгнак, возможно, что он даже не состоялся, так как когда в июне того же года произошло восстание в Дженде, Атсыз двинулся на его подавление не из Сыгнака, а из Хорезма. Согласно Джувейни, «когда город Дженд был очищен от мятежников, Атсыз послал туда (своего старшего сына) Абул-Фатх иль-Арслана и ту область утвердил за ним»[52].

Таким образом, Атсызу незадолго до смерти удалось покорить обширную территорию, населенную кыпчаками и внести раскол в ряды кыпчаков в 1133 г., вследствие чего в степях Казахстана образовались две группы кыпчакских племен. Разделение произошло, вероятно, по тем двум областям, которые сложились еще в предшествующую кимакскую эпоху, когда сами кыпчаки делились на две части — кыпчаков, отделившихся и живущих к западу от кимаков, и кыпчаков, обитавших в кимакской области Андар аз-Кифчак. Каждый из этих районов обладал своими естественно-географическими условиями, удобными для кочевого скотоводства, для содержания скота посезонно на летних и зимних пастбищах. Для кыпчакских племен, кочевавших в бывшей области Андар аз-Кифчак, такими летними пастбищами были долина Иртыша и его притоков, джайляу Алтая и Тарбагатая.

---

[51] МИТТ. Т. 1. С. 443.
[52] Там же.

На зимовку они пригоняли свои стада в низовья Сарысу, Чу и Таласа. Центр этих кыпчаков был город Сыгнак.

Что касается кыпчаков, обитавших к северу от Аральского моря, то их летние выпасы находились на южных склонах Уральских гор. Зимовать они прикочевывали со своими многочисленными стадами в низовья Сырдарьи, в окрестности Аральского моря. Память о кочевках кыпчаков в летнее время где-то у Уральских гор сохранилась и позднее. Автор XIV в. ал-Омари писал: «Ханы кыпчаков проводят зиму в Сарае, летовища же их, как и некогда летовища царей Турана, находятся в области Уральских гор»[53]. Под царями Турана подразумеваются ханы кыпчаков XI—XII вв.

Факт существования в степях Казахстана двух владений кыпчаков подтверждается и фольклорным материалом. В казахском эпическом сказании о каракыпчаке Кобланды, которое «по своему содержанию и следам исторической действительности относится главным образом ко времени кыпчаков»[54], имеются сведения о разделении кыпчакского народа на «верхних и нижних»[55]. Интересно, что подразделение на верхних и нижних существовало также у половцев, осевших в Венгрии[56].

Таким образом, разделившись в 30-х гг. XII в. на два подразделения, кыпчаки образовали два владения: одно, занимавшее степи Западного Казахстана и Северного Приаралья, другое — Сыгнакское, куда входили в основном пространства Центрального Казахстана. Недаром только с середины XII в. в источниках появляются известия о Сыгнакском владении неверных кыпчаков, т. е. кыпчаков, не приняших ислам. Именно на них собирался двинуться походом в 1152 г. Атсыз. Это была одна из последних его акций, ибо в 1156 г. он умер, оставив своим преемникам, как сообщает Джузджани, территорию «Сахри, Туркестана и Дженда. Все это оказалось в его владениях»[57]. Как видим, под конец своей жизни Атсыз имел право сказать, что он не только решил проблему

---

[53] СМИЗО. Т. 1. С. 243.

[54] *Маргулан А. Х.* О характере и исторической обусловленности казахского эпоса // ИКФ АН КазССР. Сер. истор. 1946. № 2. С. 76.

[55] *Потанин Г.* Казахско-киргизское предание // Живая старина. Вып. 2—3. 1906. С. 79.

[56] *Голубовский П.* Половцы в Венгрии // Универ. изв. Киев, 1889. Т. 29, № 12. С. 72.

[57] *Джузджани.* Т. 1. С. 237.

независимости Хорезма, но и положил начало новому сильному государству на востоке мусульманского мира. Помимо этого Атсыз своим походом в 1133 г. в кыпчакскую степь внес раскол в существовавший здесь единый кыпчакский племенной союз, вследствие чего некогда сильные кыпчакские племена разделились на две части.

Такая раздробленность могущественного племени кыпчаков существенно облегчала стремление последующих хорезмшахов под предлогом борьбы за веру подчинить кочевников. Весь период предмонгольского нашествия отмечен борьбой хорезмшахов за овладение Сыгнаком и Джендом. Этому способствовала также благоприятная политическая обстановка, сложившаяся в середине XII в.

Государство сельджукидов после смерти Санджара фактически перестало существовать и было отдано на разграбление огузам, Караханидское государство в Мавераннахре стало мифом, вместо него возникли мелкие феодальные владения. Реальной силой была только империя каракитаев, в состав которой входил и Хорезм. Однако подчинение Хорезма носило более чем номинальный характер и ограничивалось выплатой дани, носившей нерегулярный характер. Несмотря на это, хорезмшахи делали попытки освободиться от ига каракитаев, они несколько раз начинали войны с ними, но без особого успеха.

Со второй половины XII в. хорезмшахи для того, чтобы преодолеть свои внутренние и внешние трудности, начали призывать к себе на службу кыпчакские племена, устанавливать с кыпчакскими ханами родственные связи, создавать из них сильное военное сословие, раздавая им государственные и военные должности. Такая политика существенно усилила военную мощь Хорезма, но в то же время она была чревата опасностями, так как, с одной стороны, кыпчаки были надежны в борьбе со своими степными сородичами, а с другой — влияние тюркской военной аристократии вскоре пошатнуло авторитет престола, ибо кыпчаки безнаказанно и беспрепятственно опустошали занятые земли, грабя и разоряя их население и, таким образом, сделали имя своего государя, т. е. хорезмшаха, предметом ненависти населения[58].

Эти рассуждения можно проиллюстрировать на со-

---

[58] *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 413.

бытиях, которые развернулись во второй половине XII столетия на северо-восточных границах Хорезмийского государства.

Наследник Атсыза сын иль-Арслан (1156—1172), вел более умеренную политику как по отношению к своим западным и южным соседям, так и к кыпчакам. Во всяком случае, источники умалчивают о каких-либо наступательных действиях иль-Арслана на севере. Наоборот, согласно Джузджани, иль-Арслан вынужден был даже заключить «союз с ханом кыпчаков и охранять границы своего государства всеми силами, на что он был способен»[59].

КЫПЧАКИ И ХОРЕЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Наиболее успешную политику по отношению к кыпчакам проводили два последних руководителя Хорезма — Текеш и его сын Мухаммед. Конец XII — начало XIII в.— значительный период в истории Хорезма, когда эта область сделалась ядром сильного государства, и когда ее правители могли предъявить притязания на главенство в Средней Азии. Уже хорезмшах Текеш, вступивший на престол своего отца иль-Арслана в 1172 г., несмотря на противоборство со стороны своего младшего брата Султан-шаха (и тот и другой в борьбе за власть пользовались поддержкой каракитаев), одержал победу над своими мусульманскими соперниками. Текеш в 1187 г. захватил Нишапур, в 1192 г. — Рей, в 1193 — Мерв, в 1194 г. в борьбе с ним пал последний сельджукский хан Западной Персии Тогрул II.

Вся восточная половина Ирана перешла к Текешу. Также успешно у него шли дела со степными соперниками, с кыпчаками. Вероятно, при нем вскоре после его прихода к власти был подчинен и Сыгнак. Прямых известий об этом в источниках нет. Однако среди официальных документов, собранных в произведениях ал-Багдади, бывшего писаря Текеша, имеется несколько писем, которыми обменивался хорезмшах с некоторыми владетелями того времени. В одном письме, написанном правителю гурийцев, относящемся к маю 1182 г. упоминалось, что старший сын Текеша Найри ад-дин Мелик-шах был правителем Дженда, Рибатта, Сыгнака и Барчилыкента[60].

---

[59] *Джузджани.* Т. 1. С. 238.

[60] *Бартольд В. В.* Туркестан... Ч. 1. Тексты. С. 80.

В этом же письме Текеш сообщал, что зимой в Дженд явился с покорностью предводитель кыпчаков Алп-Кара Уран. Для переговоров этот хан отправил к хорезмшаху посольство, состоявшее из «сыновей югуров», во главе которых стоял его старший сын Кыран[61]. В письме содержится пожелание, чтобы бог обратил его в ислам.

Текеш, верный своей тактике, приняв кыпчаков в подданство, сразу же воспользовался свежей военной силой и направил ее против каракитаев, давнишних врагов Хорезма. Он поставил во главе армии своего сына Найир ад-дина Мелик-шаха. Вероятно, плацдармом для похода Мелик-шаха с кыпчаками (предводителем их оставался Алп-Кара Уран) служил именно Сыгнак, ставший форпостом на восточных границах Хорезмийского государства. Поход был успешным. Сообщается, что объединенные войска дошли до Тараза и захватили большую территорию. Возможно, эти события произошли после того, как испортились отношения Текеша с каракитаями, когда Текеш приказал убить каракитайского посла, прибывшего для сбора условной дани.

Об успехе этой компании говорится в другом письме от октября месяца 1182 г.[62], направленном «атабеку Пехлеви», где добавлялось также, что Алп-Кара готов снова оказать свою услугу как прежде (когда во время успешного похода «дошли до Тараза и очистили от неверных», в данном случае каракитаев, обширную территорию).

Кыран — Кадыр-хан

Интересна для нас личность Кырана, сына Алп-Кара Урана, участвовавшего в походе против каракитаев. В 1182 г. он был почтен родством, вероятно, посредством брака с домом Текеша. Он был предводителем «сыновей югуров» и настолько могуществен, что Текеш нашел нужным вступить с ним в родство и тем самым заключить союз с кыпчаками. Согласно установившимся традициям, правители Хорезма брали жен из ханских родов кыпчаков[63]. Например, сын Мухаммеда Джелал ад-дин

[61] Там же. В данном тексте имя это пишется как Фиран. М. Ф. Копрюлю в статье «О племени Уран» отмечает: «Хотя в некоторых списках это имя пишется как Фиран, однако с филологической точки зрения более правильным будет написание «Кыран».

[62] *Бартольд В. В.* Туркестан... Ч. 1. Тексты. С. 80.

[63] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. С. 252.

был женат на женщине из племени, к которому и принадлежала и Теркен-хатун. Сын Джелал ад-дина был женат на дочери крупного предводителя канглы. Таким образом, можно предположить, что не Кыран взял в жены дочь хорезмшаха, а сам Текеш женился на дочери Кырана. А нам известно, благодаря донесению Джузджани, о том, что султан Текеш «вошел в союз с ханом кыпчаков по имени Икран (или Акран) и женился на дочери этого правителя»[64], т. е. на женщине по имени Теркен-хатун, матери будущего хорезмшаха Мухаммеда.

Исходя из сказанного, следует предположить, что Кыран, пришедший с «сыновьями югуров» в 1182 г. к границам Дженда и вступивший в родство с Текешем, и хан кыпчаков по имени Икран, отдавший свою дочь в жены Текешу — одно и то же лицо. Переход имени Кыран в Икран возможен как пример редукции инициального — к- в тюркских языках[65].

Согласно Джузджани, имя Икран было только тюркским именем кыпчакского хана, но он носил еще и мусульманский титул Кадыр-хан[66]. У Джувейни это имя встречается в виде Кайр-Буку, Катыр-Буку и Кадыр-Буку[67].

Итак, этот Кыран, или Акран, носивший титул Кадыр-хана, во главе «сыновей югуров» участвовал в походе вместе со старшим сыном Текеша Найир ад-дином Мелик-шахом, бывшего владетелем Дженда и Сыгнака, против каракитаев. Мы не имеем известий с описанием событий, связанных с личностью, носившей имя Кадыр-хана в течение следующих 13 лет. Имя Кадыр-хана всплывает только в 1195 г., когда хорезмшах Текеш выступил в поход с целью подавить восстание Кадыр-Буку-хана, правителя окрестностей Сыгнака и Дженда. Мы уверены, что перед нами то же лицо, которое в 1182 г. носило имя Кыран. Вероятно, во время похода против каракитаев или чуть позже он так сильно отличился, что Текеш поставил его правителем над его соплеменниками-кыпчаками, обитавшими в окрестностях Дженда и Сыгнака. Не последнюю роль в этом решении хорезмшаха сыграла жена Текеша, дочь Кырана, царица Теркен, из-

[64] *Джузджани.* Т. 1. С. 240.

[65] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков. IX—XI по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 41.

[66] *Джузджани.* Т. 1. С. 254.

[67] *Бартольд В. В.* читает его как Каир-хан; П. Пелльо читает как Катыр-Букухан.

вестная в источниках как женщина властная и сильная. Поэтому-то мы видим в этот период, что Малик-шах, бывший в 1182 г. наместником Сыгнака и Дженда, становится правителем Нишапурской области[68]. На его же место был посажен Кыран с титулом Кадыр-хан. Вполне возможно, что с ними были поселены и «сыновья югуров», или уйгуров. Поэтому у Рашид ад-дина, описавшего события 1195 г., Кайр Таку-хан назван уйгурским. У него сказано: «В начале упомянутого промежутка времени (1195 г.) он (Текеш) выступил на войну против Кайр Таку-хана уйгурского. Когда они вступили в бой, султан Текеш потерпел поражение и ушел в Хорезм[69]. Присутствие в титулатуре Кайр-хана имени уйгур и то, что известно о том, что Кыран Кадыр-хан был главой югуров-уйгуров, служит прямым доказательством тождества Кырана и владетеля Сыгнака и Дженда Кайр Таку-хана, с которым в 1195 г. воюет Текеш.

У Рашид ад-дина приведена только краткая версия о битве Текеша и его поражении. Более подробно с указанием причин неудачи хорезмшаха сообщает Джувейни. «В 591 г. (1195 г.) хорезмшах под предлогом священной войны против неверных отправился в Сыгнак. Правитель Сыгнака и Дженда Кадыр-Буку-хан принужден отступать перед превосходящими силами неприятеля. Однако урани, тюркское племя, входившее в состав его войска, известило Кадыр-Буку-хана о своем намерении помочь ему и изменить хорезмшаху Текешу. Ободренный Буку-хан приостановил отступление и 6 джумада (18 мая 1195 г.) дал сражение хорезмшаху. По уговору, урани оставили центр, войска напали с тыла, разграбили обоз, и приведенное в замешательство войско бросилось бежать. Многие погибли под мечами, еще больше погибли в песках от голода и жажды. Хорезмшах добрался до Хорезма только через 18 дней»[70].

Имя Уран, являющееся названием племени, сыгравшего столь роковую роль в судьбе хорезмийского войска, тоже наводит на мысль, что Кадыр-Буку-хан и Кыран одна и та же личность. Действительно, Кыран был сыном Алп-Кара Урана, где последнее слово указывает на принадлежность Алп-Кары, а значит, и его сына Кырана, к

---

[68] МИТТ. Т. 1. С. 447.
[69] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 137.
[70] МИТТ. Т. 1. С. 448.

племени уран. Это доказывается и тем, что дочь Кырана, жена Текеша Теркен-хатун также происходила из племени уран. У Рашид ад-дина мы находим следующие слова: «При бегстве хорезмшаха Мухаммеда группа тюрков из родственников его матери (Теркен-хатун), называемые уранийцами, были его спутниками»[71]. Из сказанного становится понятным, что побудило племя уран, составлявшее центр войска Текеш, отдать свои симпатии Кадыр-Буку-хану и изменить хорезмшаху в сражении, имевшем место в 1195 г.

Однако, несмотря на непредвиденное поражение, Текеш не оставил своих притязаний на Сыгнак. Для покорения кыпчаков правители Хорезма старались использовать раздоры между кыпчакской верхушкой, и как только вскоре представился такой случай, Текеш снова двинул свои войска к границам Сыгнакских владений кыпчаков.

Согласно Джувейни, султан Текеш воспользовался соперничеством между руководителями кыпчаков. «Три года спустя Алп-Дерек, племянник Буку-хана, не поладив со своим дядей, обратился за помощью к хорезмшаху Текешу. Хорезмшах вызвал из Шадьяха Кутб ад-дин Мухаммеда и в 594 г. в месяц раби (январь-февраль) 1198 г. отправил его вместе с Алп-Дереком против Буку-хана. Буку-хан был разбит и приведен плененным в Хорезм»[72].

По словам Рашид ад-дина, в этой войне участвовал только Кутб ад-дин Мухаммед. «В 594 г. (1198) Текеш послал его на войну против Кайр-Таку-хана. Когда они вступили в битву, Таку-хан (потерпев поражение) бежал. Кутб ад-дин взял его в плен вместе с эмирами и привел к отцу. Хорезмшах его помиловал и сделал его правителем (эмиром)»[73]. Хотя Рашид ад-дин и не указывал, за что Текеш помиловал вчерашнего мятежника, однако из других источников мы узнаем, что это было сделано не из простой любви султана к своему тестю. Дело в том, что народ Буку-хана, уранийцы, перешли во владение Алп-Дерека и уже под его руководством начали снова совершать набеги на границы Хорезма.

Текеш, вынужденный подавить новое выступление

---

[71] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 209.
[72] МИТТ. Т. 1. С. 448.
[73] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 137.

кыпчаков, желавший в то же время продолжения соперничества между двумя предводителями кыпчаков, не дал угаснуть этой вражде. Он освободил Кадыр-Буку-хана из плена, дал ему большое войско и послал его против своего бывшего союзника Алп-Дерека. Буку-хан с удовольствием исполнил это поручение и на следующий год пришла радостная весть, что Алп-Дерек одержал победу над Кадыр-Букой[74]. В. В. Бартольд писал по этому поводу: «Так говорится в рукописи Джувейни, что, однако, вероятнее всего, является Lapsus calami и это место должно быть исправлено... в том смысле, что пришло известие о победе хана над Алп-Дереком»[75].

Алп-Дерек — Иналчук

Ошибся ли на самом деле Джувейни или нет, это отдельный вопрос. Нас в данный момент интересует личность, известная под именем Алп-Дерек. В. В. Бартольд считает (это его мнение утвердилось в исторической литературе)[76], что «упомянутый ...Алп-Дерек тождествен с Алп-Кара официальных документов, прибывший в Хорезм... еще в 1181 г. ...»[77]. Зная теперь, что Алп-Кара приходится отцом Кырану, носящему титул Кадыр-Буку-хана, который в свою очередь, согласно Джувейни, являлся дядей Алп-Дерека, можно предположить, что мнение В. В. Бартольда ошибочно. Ведь на самом деле Алп-Дерек был внуком Алп-Кара-Урана, так как тот же Джувейни указывал, что Алп-Дерек был сыном младшего брата Кырана[78] и, следовательно, приходился также двоюродным братом Теркен-хатун, так как ее отцом был Кыран.

В исторических источниках называют двоюродного брата Теркен-хатун. Это наместник хорезмшаха в Отраре, чье имя вошло в историю в связи с так называемой «отрарской катастрофой» (1218), послужившей формальным поводом для войны между хорезмшахом и Чингисханом и ставший начальным этапом в серии захватнических войн монголов в Западной Азии и Восточной Евро-

---

[74] *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 405.
[75] Там же.
[76] См.: *Koprulu M. F.* Uran Kabilesi... S. 223.
[77] *Бартольд В. В.* Указ. раб. С. 407.
[78] *Джувейни.* МИТТ. Т. 1. С. 448.

пе. Его имя было Инальчук, а титул Гайир-хан (тюркский вариант арабского слова Кадыр-хан — могущественный хан). По Рашид ад-дину, он был «дядя по матери султана»[79] Мухаммеда, т. е. он приходился двоюродным братом[80] Теркен-хатун. Если исходить из данных Абулгази, можно уточнить, с чьей стороны Иналчук приходился родственником Теркен. Он, оказывается, был «сыном младшего брата Турканиного отца»[81], т. е. сыном младшего брата Кырана. Абулгази писал, что Иналчук «перешел к султану, принял мусульманство, и султан пожаловал ему область Туркестанскую, где он и был правителем. С этого дня, говорил ему султан, тебя никто не должен звать Иналчик, но да назовут Гайир-ханом»[82].

Попробуем составить следующую генеалогическую схему родственников Теркен-хатун. Дед ее со стороны отца был Алп-Кара Уран.

Алп-Кара-Уран
↓
Кыран (он же Кадыр-хан, Кадыр-Буку-хан — младший брат?
↓ ↓
Теркен-хатун — двоюродные сестра и брат — Алп-Дерек,
| (жена Текеша)
↓
Мухаммед Хорезмшах — Иналчук Гайир-хан

Представляется, что данная схема довольно наглядно показывает тождество Алп-Дерека с Иналчуком Гайир-

[79] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 67.

[80] В источниках существует и др. вариант, отражающий родство Инальчука. Историк Несеви писал, что «Инал-хан... был сыном дяди (со стороны матери) султана Мухаммеда, т. е. он приходился двоюродным братом самому Мухаммеду, а не его матери царице Теркен. Имея, вероятно, именно это в виду, Текеш называл Гайир-хана в грамотах, направленных ему, своим сыном. (См.: Рашид ад-дин. Т. 1. Кн. 2. С. 6). Однако хорошо известно, что на языке дипломатов того времени государь назвавший другого правителя «своим сыном», тем самым признавал его своим вассалом. Именно так поступил в 1218 г. Чингисхан, направив послание тогда еще могущественному хорезмшаху Мухаммеду, назвав его «своим сыном». Возможно, и в данном случае мы имеем дело с таким вариантом.

[81] *Абулгази.* Родословное древо тюрков. Казань. 1906. С. 34.

[82] Там же.

ханом. Действительно, и Алп-Дерек и Иналчук — сыновья младшего брата отца Теркен Кырана, носившего титул Кадыр-Буку-хана. Вероятно, Алп-Дерек есть собственно языческое, тюркское прозвание Иналчука Гайир-хана до принятия им мусульманской веры. Прозвище же Иналчук, скорее всего, отражало действительную принадлежность этой персоны к правящему роду кыпчаков. Дело в том, что Иналчук соответствует бытовавшему у средневековых тюрков званию Инал-младший[83]. Источники сообщают, что иналами назывались наследники тюркских правителей. По Абу-Абдаллаху ал-Хорезми, «Йианал-тегин — это наследник Джаббуйи, и у каждого предводителя тюрок — царя или дехканина — есть йианал, т. е. наследник»[84]. Нам известен порядок престолонаследия среди кочевников, стоявших на стадии раннефеодальных государственных образований, согласно которому ханская власть с одобрения племенной знати передавалась не сыну, а племяннику или брату, и этот наследник престола также назывался Иналом. Таким образом, Алп-Дерек, будучи племянником Кыран-Кадыр-хана, был юридически законным наследником его и на основании этого должен был носить имя Инал. На него же должен был перейти в случае вступления его на престол и мусульманский титул Кырана, а именно Кадыр-хан, т. е. Алп-Дерек со вступлением на престол должен был именоваться Кадыр (Гайир)-хан.

Возможно, Алп-Дерек свое новое имя Иналчук Гайир-хан получил после событий, происшедших в самом конце XII столетия. Вспомним, что в 1198 г. Алп-Дерек вместе с Мухаммедом совершил поход против своего дяди Кырана Кадыр-хана. Теперь можно утверждать, что борьба между Алп-Дереком и Кыраном происходила из-за престолонаследия. Вероятно, Алп-Дерек, видя, что Кыран уже стар, пытался силой захватить принадлежавший ему по праву престол. Разбитый Кыран был пленен, а главенство над кыпчаками перешло к Алп-Дереку, ставшему таким же неспокойным соседом для Хорезма, каким был и его дядя. Султан Текеш незадолго до своей смерти, происшедшей в 1200 г., освободил своего тестя Кадыр-хана и направил его против своего бывшего союзника Алп-Дерека. Согласно Джувейни, через год пришла радостная весть, что Алп-Дерек одержал победу над Ка-

[83] *Агаджанов С. Г.* Указ. раб. С. 113.
[84] МИТТ. Т. 1. С. 219.

дыр-Буку-ханом. Непонятным является то, что известие о поражении старого хана, бывшего в это время союзником Хорезма, было воспринято как радостная и добрая весть. Исходя из этого, В. В. Бартольд предполагал, что тут допущена ошибка самим информатором, в данном случае Джувейни. Однако, вероятно, допустим и другой вариант. Возможно, за целый год, прошедший между двумя сообщениями, события могли измениться, и Алп-Дерек и Кыран успели снова поменяться местами, т. е. Кадыр-Буку-хан снова стал врагом хорезмшаха и в борьбе с Алп-Дереком скорее всего погиб.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ КЫПЧАКОВ И ХОРЕЗМА В КАНУН МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Эти события произошли уже во время царствования сына Текеша Мухаммеда, вступившего на престол Хорезма после смерти отца в 1200 г. Начало XIII в. для Хорезма не сулило ничего плохого в будущем. Мухаммед возглавил фактически сильнейшее государство на мусульманском востоке. Предыдущие завоевания Текеша существенно подорвали мощь основных конкурентов в борьбе за преобладание над Средней Азией. На хорезмшаха Мухаммеда смотрели как на освободителя мусульман от ига неверных — каракитаев. У него были все предпосылки сыграть прогрессивную роль освободителя населения Мавераннахра от каракитаев. Однако эти надежды не оправдались, ибо Мухаммед заменил гнет иноземного ига на свой собственный. Да и победы над каракитаями он добился не сразу. В первые годы своего правления во время борьбы с гуридами он продолжал платить дань каракитаям и пользоваться их помощью. Только в 1210 г. на берегу Таласа он встретился в открытом бою с каракитаями. Хотя битва не дала перевеса ни одной из сторон, Мухаммед все же объявил себя победителем и освободителем мусульман от ига неверных. Он принял титул «второго Александра».

Воспользовавшись его борьбой с каракитаями, кыпчаки снова стали нападать на северные границы Хорезма. У Джувейни сказано, что во время отсутствия султана «остатки людей, которые некогда были подданными Кадыр-Буку, разграбили окрестности Дженда»[85].

Однако, это волнение было быстро подавлено. Выра-

[85] *Джувейни.* Т. 1. С. 349.

жение «остатки людей Кадыр-Буку» наводит на мысль, что сам Кадыр-Буку понес сокрушительное поражение и погиб в борьбе с Алп-Дереком.

Алп-Дерек, став ханом над кыпчаками, признал себя подданным Хорезма и, приняв мусульманство, отбросил языческое имя Алп-Дерек, а став правителем Туркестана, т. е. области, населенной кыпчаками, отказался и от титула Инал, не отвечавшего его новому положению. В 1218 г. он по праву носил титул Гайир-хана, уже был владетелем Отрара, и когда один из купцов, прибывших к нему вместе с караваном от Чингисхана и знавших его в молодости еще Иналом, посмел непочтительно обратиться к нему, назвав его этим титулом, Гайир-хан в гневе убил его и разграбил караван. Конечно, следует отметить, что не это было главной причиной уничтожения каравана[86], имевшего в будущем такие трагические последствия, но все-таки этот личный мотив тоже сыграл определенную роль в его решении.

Владетелем Отрара Иналчик стал, вероятно, незадолго до инциндента с купцом, т. е. в 1216—1217 гг., так как источники не сообщают его имени, когда Мухаммед в 1210 г. после похода на каракитаев на обратном пути захватил Отрар, владетель которого оказал сопротивление хорезмшаху. Подавив его выступление, Мухаммед отправил его в ссылку в Несу. По Несеви, владетель Отрара, высланный в Несу, носил имя Тадж-ад-дин Бильге-хана, он приходился двоюродным братом Осману Самаркандскому[87]. Иналчик в этот период, видимо, находился в Сыгнаке, управляя подвластными кыпчаками в Туркестане в качестве вассала Мухаммеда.

---

[86] Другой причиной уничтожения каравана было то, что люди из каравана запугивали жителей Отрара «грядущими бедами», т. е. сеяли панику среди населения, тем самым дезорганизуя жителей, а также занимались откровенным шпионажем. Подробно об этом см.: *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 106—107.

[87] *Несеви.* Соч. Т. 2. С. 41. В 1958 г в Джамбуле был найден клад монет (43 экз.). принадлежавших одному правителю. Они чеканились в Отраре в 590—600-х гг. (1193—1203). Имя правителя, выбитое в надписи поля (об. ст.), титулуется как ал-хакан Шамс-ад-дин Бильге-хакан. В. Д. Кочнев пишет: «Имеются определенные основания отождествлять Бильге-хакана, упомянутого Несеви». См.: *Кочнев В. Д.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII вв. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 100.

Таким образом, в результате длительной борьбы хорезмшахам незадолго до нашествия монголов удалось подчинить себе Сыгнакское владение кыпчаков, посадив на его престол Алп-Дерека, или Иналчука Гайир-хана. Не надеясь, конечно, на него, Мухаммед в качестве заложников держал в Хорезме в плену двух сыновей Сыгнакского владетеля[88].

Но все ухищрения хорезмшаха не могли остановить попыток кыпчаков освободиться от опеки Хорезма. Известно, что в 1210 г. произошло выступление части кыпчакских племен в окрестностях Дженда. В 1216 г. источники отмечают еще одно волнение кыпчаков, подданных Кадыр-хана Туркестанского, которое, однако, закончилось неудачно. Это видно из того, что, согласно Джузджани, «в 615 г... хорезмшах Мухаммед отправился истреблять племена Кадыр-хана Туркестанского, сына Иакафтана Йемекского...»[89]. Вероятно, это новое движение кыпчаков возглавил сам Кадыр-хан Туркестанский, или Иналчук Гайир-хан. В главе о хорезмшахе Джузджани отмечал, что «в 615 г. Мухаммед, сын Текеша, погнался в Туркестан по пятам Кадырхана... сына Юсуфа Татарского»[90].

На то, что этот новый, появившийся в источниках Кадыр-хан Туркестанский является именно Иналчуком Гайир-ханом, указывает присутствие в его титуле определения Туркестанский, отражающего, несомненно, его наместничество над областью Туркестан, а мы знаем, что именно в этот период единственным наместником Туркестана был Иналчук. Известно также, что этот Иналчук Кадырхан был сыном Иакафтана из племени йемеков. По-видимому, Иакафтан (Сакафтан. — *С. А.*) тот самый неизвестный нам младший брат Кырана, который был отцом Алп-Дерека, или нашего Иналчука. Известно, что Кыран также принадлежал к йемекам, ибо известно, что его дочь Теркен-хатун происходила из йемеков[91]. А это служит прочным доказательством того, что Иналчук Гайир-хан и Кадыр-хан Туркестанский — одно и то же лицо.

У Джузджани есть и другой вариант: что отец Кадыр-хана был Юсуф Татарский. Отец Алп-Дерека Инал-

---

[88] Там же. С. 67.
[89] *Джузджани.* Т. 2. С. 1096.
[90] Там же. Т. 1. С. 267.
[91] *Несеви.* Т. 2. С. 44.

чука Кайр-хана имел, как и все представители кыпчакской знати два имени — одно языческое Иакафтан, а другое мусульманское — Юсуф. Если вспомнить, что кимаки, согласно Гардизи, произошли от татар, то не будет вызывать удивления присутствие в титулатуре Кадыр-хана этнического определения татарского. В то же время известно, что кимаки — это каи, а последнее слово в переводе с монгольского означает змею, в тюркском варианте — уран.

Во главе племени уран стояли и Алп-Кара Уран и его потомки Кыран и Алп-Дерек, к этому же племени относилась Теркен-хатун. Племя является ничем иным, как племенем кимаков, или каи, и, следовательно, отец Иналчука Кайр-хана (он же Алп-Дерек, Кадыр-хан Туркестанский) был Юсуфом уранийским, сыном Алп-Кара Урана.

После всего изложенного мы можем прийти к следующему заключению о политической роли и географических границах племени уран, или каи. Как уже отмечалось, сыгнакское владение кыпчаков, во главе которого стояли представители племени уран Кыран Кадыр-Букухан и Алп-Дерек Иналчук Кадыр-хан, располагалось на той же территории, где в X—XI вв. находилась кимакская область Андар аз-Кифчак. Поэтому присутствие уранийцев, или кимаков, в районе, прилегающем к Сырдарье, не вызывает удивления. Об этом свидетельствует и большой спектр топонимов с основой «уран» и «каи» в регионе.

Это могущественное племя, продолжительное время жившее в окрестностях Дженда и Сыгнака, со временем усилилось в кыпчакском союзе настолько, что из их представителей вышла правящая династия кыпчаков. В конце XII в. они еще больше усилили свое политическое и военное влияние благодаря связям через Теркен-хатун с хорезмшахами, что заставило руководство Хорезма не без основания опасаться за целостность северо-восточных границ. Не желая усиления уранийцев, они искусственно поддерживали вражду между предводителями этой сильной группировки кыпчаков. Соперничество между предводителями верхушки кыпчаков из-за власти над всеми кыпчакскими племенами приводило к тому, что ослабевшая сторона искала покровительства у хорезмшахов.

Последним таким кыпчакским ханом, обязанным

своим возвышением хорезмшаху Мухаммеду, был Алп-Дерек Иналчук Кадыр-хан Туркестанский. Но и он вел себя беспокойно по отношению к своему сюзерену и, вероятно, после одного неудачного мятежа бежал в глубь Дешт-и Кыпчака. В погоне за ним хорезмшах, согласно Рашид ад-дину, подошел «к пределам Туркестана до границ своей страны»[92].

Интересно было бы узнать, воспользовавшись свидетельством Рашид ад-дина, как далеко простиралось влияние Мухаммеда, хотя бы и номинальное, в кыпчакских степях. Для выяснения этого опишем события, последовавшие после бегства Кадыр-хана Иналчука. Преследуя его, хорезмшах впервые столкнулся с монголами. Хотя в этой случайной стычке двух армий ни одной из сторон не удалось добиться победы, позднее, во время нашествия монголов на Среднюю Азию, хорезмшах Мухаммед, узнавший стойкость монголов в открытом бою, уже не решился дать генеральное сражение. Он рассредоточил свою многочисленную армию по крепостям и проиграл войну.

Дата и место битвы

Известия о первом столкновении довольно противоречивы. Данные источников расходятся как в отношении места, так и в отношении времени этого события. Ибн ал-Асир относит битву к 1219 г. после отрарской катастрофы и ничего не говорит о районе, где произошла битва. Сообщается только, что поход был предпринят против монголов и до места встречи с ним Мухаммед прошел «пространства в четыре месяца (пути)»[93].

По Несеви, поход состоялся в 612 г. (1215—1216 гг.), т. е. он сознательно исправляет хронологическую ошибку, но также ничего не сообщает о местности, где произошла битва. Единственное, что мы узнаем дополнительно, это то, что встреча двух армий произошла за р. Иргиз[94].

По Джувейни, сражение монголов с армией султана произошло после 1218 г. в долине р. Кайлы и Кимач. Он добавляет, что эти реки протекали на окраине Туркестана[95].

---

[92] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 190.
[93] СМИЗО. Т. 1. С. 7.
[94] *Несеви.* С. 16.
[95] *Джувейни.* Т. 2. С. 267.

О том, что хорезмшах во время своего похода подошел «к пределам Туркестана до границ своей страны», сообщает и Рашид ад-дин, но у него отсутствует название той местности, где произошла битва. Название ее приводит Джузджани. По его словам, она находилась в Туркестане и называлась Югур[96], но и он предполагает, что события имели место в 1218 г. Как видим, источники не дают единой даты сражения.

В. В. Бартольд писал: «Нельзя отрицать, что Несеви был хорошо знаком с событиями последних лет царствования хорезмшаха и что едва ли он отнес к более раннему времени поход, происшедший в 1218 г. Пока у нас нет более точных данных, следует признать наиболее вероятным, что поход султана в Тургайскую область был начат зимой 1215/16 г. и что столкновение его с монголами произошло летом 1216 г.»[97]. Добавим: севернее Иргиза, в Междуречье Кайлы и Кимач, в области, называемой Югур.

Зная теперь, что Кадыр-хан Иакафтан Йемекский тождествен Иналчуку Кайр-хану, исключим даты сражения, приводимые Ибн ал-Асиром, Джувейни и Джузджани. Не мог стать бывший мятежник за короткое время владетелем Отрара, где он в 1218 г. разбил караван купцов. Другое дело, если предположить, что столкновение произошло в 1215—1216 гг., как указывает Несеви. За два года в отношениях между хорезмшахом и непокорным вассалом могло произойти потепление, тем более естественно предположить, что Теркен-хатун не дала в обиду своего двоюродного брата и единоплеменника, как это случалось и раньше.

Теркен-хатун

Общеизвестно положение Теркен-хатун в Хорезме и ее влияние на государственные дела хорезмшаха. Она была больше, чем соправительницей Хорезма. Поддерживая своих соплеменников-кыпчаков, она имела большое влияние при своем сыне хорезмшахе Мухаммеде. Затем это влияние дошло до того, что она оставляла без ответа приказы Мухаммеда, и предводители кыпчакских племен подчинялись только ее приказам. Несеви сооб-

---

[96] *Джузджани.* Т. 1. С. 267.
[97] *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 436.

щает, что, хотя эта женщина и построила несколько богоугодных заведений, но в то же время она не боялась кровопролития. У нее был собственный аппарат управления, она покровительствовала кыпчакской военной знати, стоявшей во главе гвардии хорезмшаха, составленной из уранийцев.

Пользуясь поддержкой своих могучих сородичей, Теркен-хатун, естественно, все смелее вставала в оппозицию к центральной власти. Джувейни сообщает о ее зловещей роли во внутренних политических неурядицах, имевших место в империи. Особенно резко усилились столкновения между матерью и сыном за несколько лет до нашествия монголов. Например, как только Мухаммед отстранил визира Низам аль-Мулька, бывшего одним из фаворитов его матери, Теркен, несмотря на неудовольствие сына, сделала последнего своим визирем[98].

Все эти факты мы приводим для того, чтобы показать, как мог вчерашний мятежник стать владетелем Отрара. Очевидно, Теркен-хатун в пику сыну настояла на этом назначении и утвердила визира наместником Отрара, где он в 1218 г. истребил караван купцов, прибывших от Чингисхана. События, последовавшие после этого, хорошо известны. Отрарский инцидент послужил формальным поводом для похода монголов в Среднюю Азию. Мухаммед мог бы отсрочить начало неизбежной войны, если бы в ответ на требование Чингисхана выдал ему виновника катастрофы. Хотя, по словам Несеви, «сильный страх поселился в сердце и внутренностях его»[99], Мухаммед не удовлетворил просьбу Чингисхана. Но почему он не пошел на уступку и даже убил присланных послов? Ведь Мухаммед понимал, какие последствия будет иметь его отказ. Несеви говорит, что «султан не мог отослать к нему Инал-хана»[100]. Он опасался гнева Теркен-хатун, «великих эмиров» его армии, состоявших из родственников царицы, т. е. из кыпчаков.

Это также подтверждает, что Мухаммед еще до отрарских событий при всем своем желании не мог наказать Кадыр-хана Туркестанского, сына Иакафтана Йемекского (Иналчук Кайр-хана), тем более, что в 1216 г.

---

[98] *Несеви.* С. 49.
[99] Там же. С. 60.
[100] *Несеви.* С. 60.

Мухаммед, по всей видимости, не настиг его в стране Югур, а вместо него встретился с монголами.

Монголы и меркиты

Во всех источниках утверждается, что монголы в стране Югур преследовали меркитов. Но изложение этих событий в разных источниках очень запутанно. Как сообщается в «Сокровенном сказании», меркиты, будучи разгромлены в 1208 г. Чингисханом на Иртыше, «взяли направление в страну канлийцев и кыпчаутов»[101].

Более подробно о судьбе меркитов рассказывает Рашид ад-дин. По его версии, после того, как Чингисхан на Иртыше нанес поражение найманам, руководимым Кучлуком, и меркитам, возглавляемым Тухта-беком, союзники бежали в разные места. Кучлук ушел в страну каракитаев, а сыновья погибшего в бою Тухта-бека остались во владениях уйгурского идикута, вассала гурхана. Желая проверить намерения уйгуров, меркиты отправили к ним посла. Но идикут, зная, что они являются врагами Чингисхана, убил посла меркитов. Между уйгурами и меркитами произошла битва на р. Джам. Для последних она закончилась поражением[102].

И. Маркварт вслед за де-Гротом отождествлял Джем с р. Чу[103]. Это вызвало возражение В. В. Бартольда: «Мы не имеем никаких причин предполагать, что уйгурский владетель, мятежный вассал каракитайского гурхана, за несколько лет до окончательного падения каракитайской империи мог совершить поход так далеко на запад, в самое сердце владений своего недавнего сюзерена»[104]. Более вероятно, что под р. Джам надо подразумевать реку, от которой получил свое название город Джамбалык в западной части Уйгурии[105]. Его упоминает Чань Чунь под именем Чанбал к западу от Бишбалыка[106]. Е. Бретшнейдер локализует город в местности между р. Манас и Гучень[107]. В этих местах индикуту удалось

---

[101] *Козин С. А.* Современное сказание. 1941. Т. 1. С. 151.
[102] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 153.
[103] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen... S. 118.
[104] *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах. Соч. Т. 5. С. 403.
[105] МК. Т. 1. С. 103.
[106] *Козин С. А.* Указ. раб. С. 302.
[107] *Bretschneider E.* Medjaeval researches from Eastern Asiatic Sources. London. 1888. N 1. P. 67; V. 2. P. 32.

разбить меркитов, о чем он затем доложил Чингисхану. Чингисхан одобрил его поступок, однако, занятый подготовкой к войне с Китаем он не стал тогда преследовать меркитов. Меркиты же, согласно Рашид ад-дину, «бежали к границам области найманов»[108], где, по словам Джувейни[109], присоединились к Кучлуку. Он добавляет, что эта местность находилась в районе Эмиля и Кобука. В этом районе, расположенном севернее Джамбалыка, меркиты обитали до 1215—1216 гг.

Чингисхан, покончив с войной в Китае, вновь обратил внимание на запад. Рашид ад-дин так описывает события этого периода. Чингисхан «услышал, что из племени меркит... брат Токтай-беки Куду и трое его сыновей — Чилуан, Маджар и Мерген, бежавшие раньше к границам области найманов, снова устроили там сборище и хотят начать враждебные действия»[110].

Против них в 612 г. х. (1215—1216) Чингисхан послал Субэдэя, на р. Джам тот разбил меркитов. Битва, очевидно, произошла на той реке, где несколькими годами раньше меркиты потерпели поражение от уйгуров. Хотя Рашид ад-дин помещает эту реку в Монголии[111], но по ходу вышеприведенных событий видно, что эта битва произошла на границе области найманов. «В тех пределах они дали сражение Куду, разбили племя меркит и всех перебили, так что никого не осталось в живых от них»[112]. Очевидно, в этом сражении погибли все-таки не все меркиты, так как в китайском источнике при описании биографии Субэдэя сказано: «В 1219 г. (?) армия пришла к реке Чжан (Джам) разбила мелиги (меркитов); два вождя их полонены; глава их Ходу бежал в Кинча»[113]. В другом варианте этой биографии говорится об этих же событиях, но дата поставлена другая, соответствующая указанию Несеви: «В 1216 г. Субудай разбил мелиги (меркитов) у р. Чжан и преследовал главу их Юйгу»[114].

Об этом же периоде истории меркитов сообщает и Джувейни. Но у него вместо Ходу во главе разбитых и

---

[108] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 177.
[109] *Джувейни.* Т. 1. С. 63.
[110] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 177.
[111] Там же.
[112] Там же. С. 178.
[113] Старинное монгольское сказание о Чингисхане / Пер. Кафарова. ТЧРДМ в Пекине. Т. 4. Спб., 1866. С. 233.
[114] Там же.

бежавших в кыпчакские степи меркитов назван Туктуган[115]. «Что касается Туктугана, — писал Джувейни, — он отделился от Кучлука в последние дни его властвования и ушел в область Кум Кибчак»[116]. В другом месте он, возвращаясь к тем же событиям, рассказывает, что, когда хорезмшах Мухаммед готовился к походу на найманского хана Кучлука, до него дошли вести «о бегстве Туктугана от монголов в Каракумы, где жили канглы»[117].

КУМ КИБЧАК. КАРАКУМ

Топоним Каракум широко распространен на территории расселения тюркских народов. Так, в памятнике Тоньюкука рассказывается, что сражавшиеся за свою независимость тюрки в 681—682 гг. поселились в Каракуме — степи севернее Ордосской излучины Хуанхэ[118]. Вспомним, что там проживали и сеяньто (кыпчаки). Как показал А. Н. Кононов, Каракум в этом сочетании означает не злые, тяжелые и бесплодные пески, а песок, закрепленный разнообразной растительностью, в отличие от барханных песков — Аккум[119]. З. М. Мурзаев замечает, что «понятие Каракум в смысле пустыня, террито-

---

[115] В. В. Бартольд (См.: Туркестан... С. 435) утверждает, что именно Туктуган вел боевые действия в стране кыпчаков. В. В. Бартольд не согласен с замечанием Н. Маркварта о том, что Джувейни спутал Токта-Вики с его сыном Худу-ханом. В подтверждение своей точки зрения В. В. Бартольд писал, что имя Хо Ду в китайской летописи может быть транскрипцией имени Хултуган (Туктуган), но, как указал П. Пелно (См.: Notes sur le «Turkestan» de W. W. Bartold // T. ound Pao V. 27. 1930. P. 24), китайское Хо Ду соответствует не имени Холтуган, а имени Ходу «Сокровенного сказания».

[116] *Джувейни.* Указ. раб. Т. 1. С. 69; Переводчик и комментатор англ. перевода «Тарих-и-джехангур» Д. Бойл, хотя и отмечает, что в рукописи Джувейни написано именно Кум Кибчак, сам, по установившейся традиции переводит это место как Кем Кемчик, ничем не мотивируя. В. В. Бартольд также утверждает, что меркиты бежали от монголов в «Кем Кемчик», т. е. на Енисей к киргизам. Однако далее добавляет, что никакие известия не подтверждают появление меркитов в киргизской области. См.: *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 436. Правильное чтение «Кум Кибчак вместо прежнего «Кем Кемчик» подтверждается Л. Р. Кызласовым. (см.: Древнемонгольские города. М., 1965. С. 114).

[117] *Джувейни.* Т. 2. С. 370.

[118] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 26.

[119] *Кононов А. Н.* О семантике слов Ак и Кара в тюркской географической терминологии // ООН. ИАН Тадж ССР. 1954. С. 83.

рии между Копед-Дагом и Хорезмом, у туркмен — жителей песков — не было и прививается только теперь»[120]. Поэтому не следует относить Каракумы Джувейни к современным Каракумам Туркмении или пескам, лежащим в окрестностях Аральского моря.

Уже И. Маркварт предполагал, что синонимами тюркского слова «кум» как географического термина было персидское — «дешт» (степь) и арабское «сахри» (пустыня, степь). Словом «сахри» называет Джузджани местность, где жили канглы и кыпчаки. Эти же племена, по Джувейни, обитали в Каракуме, или Кум-Кыбчаке.

Таким образом, в XI—XIII вв. степь, населенная кыпчаками, имела четыре названия: тюркское Кум-Кибчак и Каракумы, персидское Дешт-и Кыпчак, арабское Сахри. Вспомним, что именно из Сахри в конце XI в. привел к границам Дженда своих соплеменников канглов и кыпчаков Кутб ад-дин Мухаммед. В то же время эта степь в XI в. уже называлась Дешт-и Кыпчак. Сюда к кыпчакам бежали меркиты, спасаясь от преследования монголов.

В уже знакомой нам биографии кыпчакского полководца армии Хубилая Тутуха описаны дальнейшие события, происшедшие с меркитами. Когда к кыпчакам, имевшим правящую династию, бежал Ходу, во главе их стоял предводитель по имени Инасы, внук основателя династии Цзюняня, или Кунана. Он и принял беглеца под свое покровительство, что вызвало недовольство монголов, потребовавших выдачи Ходу. Так как им в этом было отказано, монголы двинулись против кыпчаков. «Инасы в то время уже был очень стар, и в его владениях произошли большие беспорядки. Сын Инасы Хулусумань послал послов к Чингисхану, желая подчиниться, но Сянь Дзун (Джучи), получив ранее приказ, стал во главе армии и уже наседал на границы владений [121]. В то же время к этим местам подходил со своей армией хорезмшах Мухаммед.

Поход Мухаммеда

По словам Джузджани, хорезмшах «дошел под самый северный полюс и достиг местности, где всегда сумрач-

[120] *Мурзаев З. М.* Географическая терминология туркмен // ИВГО. 1939. № 6. С. 883.

[121] *Кычанов Е. И.* Сведения «Юаньши»... С. 62.

но»[122], а заря, полыхающая на горизонте, не гаснет всю ночь. Летние сумерки, заменяющие ночь, известны только в высоких широтах и только в летние месяцы. Конечно, армия хорезмшаха не «дошла под самый северный полюс, но она очутилась в таком месте, где раньше никто из участников похода не бывал и, естественно, такой феномен природы вызвал у них удивление. Известно, что летние сумерки, заменяющие ночь, характерны для местности севернее широты 48°30′[123].

Широта 48°30′ соответствует географическому положению р. Иргиз. Здесь войско хорезмшаха прервало свой поход, так как не могло переправиться на другой берег из-за льда, покрывавшего реку. Как отмечал В. В. Бартольд, дело происходило весной, когда подтаявший лед уже не мог выдержать тяжести конницы[124]. Только после ледохода хорезмшах форсировал реку и, не задерживаясь, двинулся на север. Иргиз освобождается ото льда большей частью в середине апреля[125], а первое столкновение хорезмшаха с монголами произошло в начале лета, так что армия хорезмшаха продвигалась на север еще не менее месяца, а в общей сложности, согласно Ибн ал-Асиру, хорезмшах прошел от Самарканда на север расстояние в четыре месяца пути и за этот отрезок времени он, конечно, смог дойти до крайних пределов казахских степей, где в междуречье Кайлы и Кимач встретился с монголами.

Сражение в Междуречье

К западу от истоков Тобола на границе Актюбинской и Оренбургской областей, на широте 52°, в районе юго-восточных отрогов Уральских гор в том месте, куда был направлен поход Мухаммеда, течет небольшая р. Кумак. С северной стороны в нее впадает р. Джарлы. Возможно, эти две реки являются теми реками, о которых еще в XIII в. упоминал Джувейни — Кимач и Кайлы. В долинах этих рек, согласно источникам, на берегу Джарлы, в начале лета 1216 г. произошло первое сражение мон-

---

[122] *Джузджани.* Т. 1. С. 267.
[123] Там же. С. 268.
[124] *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 436.
[125] *Россия.* Полное географическое описание нашего отечества. Киргизский край. Спб., 1903. Т. 18. С. 77.

гольских войск с армией Хорезмшаха. События развивались следующим образом.

Монголы под начальством Субэдэя и Джебе (в походе принимал участие, согласно некоторым источникам, и Джучи) за день до битвы с хорезмшахом настигли меркитов и в бою между Кайлы и Кимач окончательно уничтожили их. В тот же день к вечеру к полю боя подошел султан и, узнав от раненного меркита, что монголы только недавно покинули место сражения, бросился в погоню за ними и настиг на рассвете следующего дня.

Битва между монголами и хорезмийцами происходила севернее, на берегу Джарлы. В «Юаньши» сказано, что сражение между ними произошло на р. Хуйли, которую И. Маркварт отождествил с Кайлы[126]. Бой продолжался весь день и не принес результатов ни одной из сторон. С наступлением темноты Субэдэй отвел свое войско на восточный берег реки и, предварительно для маскировки разложив костры, отступил. Джузджани также говорит, что между двумя армиями, отошедшими на отдых, находилась маленькая речка.

В китайских источниках имеются сведения и о местности, которую можно сравнить с р. Кумак. Во время свидания с вдовой киданьского принца Чингисхан подробно рассказал ей, как ее старший сын спас Джучи, когда последний был окружен мусульманскими воинами в местности, называемой Кумак[127]. Совпадение сведений о бое Джучи с хорезмшахом в китайских и мусульманских источниках не оставляет сомнений в идентичности р. Кимач Джувейни и местности Кумак китайских авторов. В то же время местность Кумак соответствует современной р. Кумак.

К этому месту относят данное столкновение и другие исследователи. В. Ф. Минорский предполагал, что это, вероятно, Иргиз и Тургай[128], и таким образом, по его мнению, битва произошла между этими реками. По И. Маркварту, битва произошла южнее р. Иргиз[129], по Г. Е. Грумм-Гржимайло — на берегах Иргиза[130]. В. В. Бартольд не указывает точного местонахождения

---

[126] *Marquart I.* S. 133.
[127] *Джувейни.* Указ. раб. Т. 2. С. 370.
[128] *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi... P. 100.
[129] *Marquart I.* S. 130.
[130] *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. С. 425.

поля боя. Он считает, что сражение произошло где-то в Тургайских степях. Мы утверждаем, что первое столкновение монгольских войск с армией хорезмшаха Мухаммеда произошло на крайнем севере Казахских степей, в окрестностях Уральских гор, в междуречье Кумак и Джарлы. Этот район являлся крайним пределом влияния хорезмшахов в конце XII — начале XIII вв. Конечно, влияние было только номинальным, оно основывалось, видимо, на том акте подчинения Алп-Кара Урана с «сыновьями югуров», о котором сообщалось в 1182 г., ибо из сообщений Джузджани видно, что Мухаммед впервые появился в своих так называемых подчиненных районах только в 1216 г. Как бы-то ни было, Рашид ад-дин отмечал, что султан подошел к пределам своей страны, и границы ее проходили в районе двух рек — Кумак и Джарлы.

Итак, в ходе наших исследований мы установили место первого столкновения монголов и хорезмийцев: им были, во-первых, пределы влияния, хотя и номинального, правителей Хорезма в кыпчакских степях; во-вторых, северные границы области Югур. В этом месте, согласно «Юаньши», находилось независимое владение кыпчаков. В то же время в стране Югур обитали, очевидно, и югуры, или уйгуры, давшие свое имя этой кыпчакской области. Вспомним, что «сыновей югуров» в 1182 г. к Дженду привел Алп-Кара из племени уран, т. е. в местности Югур обитали и кимаки-уранийцы. Жили там и йемеки, ведь отец Иналчука Кадыр-хан был Иакафтан Йемекский. Также здесь кочевали представители племен ильбари.

В итоге получается, что в кыпчакской области Югур вместе проживали кыпчаки, канглы, йемеки, югуры, уранийцы, байауты и ильбари. Недаром, когда Бату-хан захватил Дешт-и Кыпчак, источник сообщал, что «под власть Бату попали все земли племен Туркестана: он покорил в этих краях племена кыпчак: канглы, йемек, ильбари...»[131].

Вся пестрота этнического состава населения Дешт-и Кыпчака, как в зеркале отражается в генеалогическом древе матери хорезмшаха Мухаммеда Теркен-хатун. По Несеви, она происходила из байаутов, ветви йемеков[132],

---

[131] СМИЗО. Т. 2. С. 16.
[132] *Несеви.* Т. 2. С. 44, 72.

по Джувейни — она была из канглов[133]. Согласно Джузджани, ее отец был кыпчакский хан по имени Икран (Кыран)[134], Рашид ад-дин писал, что гвардия Мухаммеда состояла из уранийцев, соплеменников Теркен-хатун[135]. «Наиболее темным вопросом в истории Центральной Азии» называл соотношение этих названий в родословной Теркен-хатун П. Пелльо[136]. Но, несмотря на «темное прошлое» этой женщины, ее генеалогия указывает на то, что в истории кыпчакских племен существовал такой период, когда все они объединялись в некий общий союз, под единым руководством, который приходился наконец XI — начало XII в., когда положение в степных просторах от Иртыша до черноморских степей после бурных событий, вызванных миграцией племен середины XI в. относительно стабилизируется.

Два владения

Под ударами хорезмшахов в 30-х гг. XII в. конфедерация племен разделилась на два подразделения. Кыпчаки образовали два владения: одно к северу от Аральского моря, другое Сыгнакское. Недаром только с середины XII в. в источниках появляются известия о Сыгнакском владении «неверных» кыпчаков. На них собрался совершить поход в 1156 г. Атсыз. Поход в тот период не состоялся, но вообще с этого времени Сыгнак стал объектом постоянного внимания хорезмшахов, которые в конце концов к началу XIII в. подчинили его.

Более независимыми были владения кыпчаков к северу от Аральского моря в области Югур. Здесь даже образовалась своя независимая династия. Основатель династии был некий Кунан. Сын его носил имя Сомона. У последнего родился сын Инасы, правивший вплоть до нашествия монголов, хотя он был очень стар. У него также был сын по имени Хулусумань и внук Бандуча. Знаменитый Тутуха, которому посвящена биография в «Юаньши», был сыном Бандучи. Все они из поколения в поколение были государями кыпчаков[137]. К сожалению, имена представителей династии достаточно не отождест-

---

[133] *Джувейни.* Т. 2. С. 465.
[134] *Джузджани.* Т. 1. С. 240.
[135] *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 209.
[136] *Пеллью П.* Указ. раб. С. 95.
[137] *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юаньши»... С. 62.

вляются с известными нам именами ханов кыпчаков. П. Пелльо предполагал, что имя Инаси, возможно, есть производное от Инал, т. е. титула, означавшего наследника престола, отмечая, однако, что с филологической точки зрения он не может объяснить переход Инасы в Инал[138].

Интересно, связать имя сына Инасы Хулусумана с предводителем восстания кыпчаков, вспыхнувшего в 1237 г. в степях Западного Казахстана. В «Ганьму» сказано: в «Кинча отстает от срединного государства (Китай) на 30 тыс. ли. Летом ночи бывают чрезвычайно коротки. Солнце едва закатится и тотчас встает. Мунке с армией пришел к морю. Неожиданно поднялся сильный ветер, и воды морские пересохли. После чего он пошел дальше и вырубил народ, а старейшину Бачманя живого взял в плен...»[139]. Важный параллелизм в обозначении физических явлений в области Кинча в «Юаньши» при описании биографии Тутуха, предки которого, появившись здесь, приняли имя Ильбари, и в «Ганьму», манским источникам, из племени ильбари. Все это заставляет предполагать, что под Бачманем надо подразумевать Хулусманя. Действительно, Бачмань был убит в 1237 г., значит, до своей гибели он жил в тот период, когда должен был действовать и Хулусмань. Оба они обитали на одной и той же территории по имени Кинча, расположенной в 30 т. ли от Китая, и оба были из племени ильбари.

Как отмечается в «Юаньши», это кыпчакское владение было независимым, в то же время хорезмшах считал его своей землей, хотя, как мы уже отмечали, до событий 1216 г. он не совершал походов. На каком же основании хорезмшахи считали этот район своими владениями? Ответ дает небольшое замечание в «Юаньши», отмечающее, что во владениях Инасы «произошли большие беспорядки»[140]. Можно предположить, что приход в 1182 г. к границам Дженда Алп-Кара Урана с «сыновьями югуров», т. е. кыпчаками-уранийцами из страны Югур, явилось следствием тех беспорядков, о которых коротко упоминается в «Юаньши». Принятие их Текешом под свое покровительство и послужило тем юридическим фактом,

[138] *Пелльо П.* Указ. раб. С. 103.

[139] *Иакинф* (*Бичурин Н. Я.*) История первых четырех ханов из дома Чингисова. Спб., 1829. С. 273.

[140] *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юаньши»... С. 62.

который заставил хорезмшаха считать области, откуда прибыли кыпчаки, своими владениями.

Таким образом, мы установили факт существования в предмонгольское время в Дешт-и Кыпчаке двух основных владений кыпчаков — Сыгнакского, находившегося в зависимом положении от Хорезма, и независимой территории кыпчакских племен, расположенной в области Югур к северу от Аральского моря.

Несмотря на существовавший раздел, население в обеих частях по составу было одинаковым, хотя к северу от Аральского моря помимо кыпчаков преобладали ильбари и йемеки. Об обитании последних в XII в. в районе р. Камы сообщают русские летописи под именем «половцев емякове»[141]. Махмуд Кашгарский в перечне тюркских народов помещает йемеков рядом с башкирами, издавна жившими в Приуралье[142]. Согласно Наджибу Хамадани, Саксин страдал от набегов обитавших здесь йемеков и кыпчаков[143].

Канглы

В Сыгнакских владениях преобладали кыпчаки, уранийцы-кимаки и канглы. Во время Махмуда Кашгарского еще не существовало народа канглы, слово «канглы» приведено у него только как «имя знатного человека среди кыпчаков»[144]. Согласно С. Г. Кляшторному, возникновение этнонима *канглы* «тесно связано с завоеванием кимако-кыпчакскими племенами древних печенежско-огузских земель по Сырдарье и в Приаралье»[145]. С. А. Толстов рассматривает этот этноним как переоформление этнонима кангар (кенгерес) в результате ассимиляции части печенежских племен кыпчакской конфедерацией[146]. Принятие его первоначально верхушкой кыпчакских родов выражало стремление связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных земель, прежде всего по Сырдарье, и таким путем легитимировать свои права на власть над страной[147]. Так что

[141] ПСРЛ. Т. 1. С. 389. Т. 10. С. 9.
[142] МК. Т. 1. С. 64.
[143] *Агаджанов С.* Очерки истории огузов... С. 162.
[144] МК. Т. 3. С. 379.
[145] О соотношении этнонимов канглы-кангар-кенгерес-кангюй подробно см.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 161—179.
[146] *Толстов С. П.* Города гузов. С. 101.
[147] *Кляшторный С. Г.* Указ. раб. С. 179.

под канглы надо видеть не какое-то новое этническое наслоение, а производное от метизации огузско-печенежских и кыпчакских племен. Не удивительно, что этот этноним появляется в начале XII в., когда кыпчаки обосновываются вдоль восточного побережья Сырдарьи и к северу от Аральского моря. Поэтому ал-Нувейри и Ибн Халдун свидетельствуют, что канглы (кангароглы) входили в состав кыпчаков как одно из их племен[148]. О жителях степей к востоку от р. Урал Рубрук писал: «Прежде там были некие команы (кыпчаки), называемые кангле»[149].

Что касается расселения канглов, то они, согласно источникам, обитали до нашествия монголов в основном в Сыгнакском владении кыпчаков, и, значит, мы вправе ожидать встретить их летние кочевки на Иртыше, а зимовки — в долине Сырдарьи, Чу и Таласа. И действительно, Рашид ад-дин пишет, что кочевья канглов находились в верховьях Иртыша по соседству с наймана-ми[150]. На юге канглы соприкасались с карлуками Семиречья. Поздний информатор Абулгази сообщал о них: «Канглы жили вместе с туркоманами, перешедши в область тюркменов, они поселились на берегах Иссык-Куля, Джуды и Телеша, здесь жили много лет»[151]. Мы уже писали, ссылаясь на замечание Махмуда Кашгарского, что под туркменами можно подразумевать и карлуков. Живя в соседстве с карлуками в Семиречье, канглы попали в зависимость от местных караханидских владетелей, чья резиденция находилась в Баласагуне. В XII в. караханиды слабеют, и, как отмечал Джувейни, владетель Баласагуна «теперь не силен и не могуч. Карлуки и тюрки-канглы не только не утруждают себя в верности ему и досаждают ему, совершая набеги на его подданных, грабя скот и имущество»[152]. Доведенный до отчаяния и будучи не в состоянии отбить набеги канглов, правитель Баласагуна обратился за помощью к каракитаям, которые не замедлили воспользоваться предоставленной возможностью, и «гурхан воссел на престол Баласагуна. С потомка Афросиаба он снял титул хана, дав ему титул илек-туркмен... Когда прошло некоторое

---

148 СМИЗО. Т. 1. С. 539—540, 541.
149 Путешествия...
150 *Рашид ад-дин.* Т. 1. Кн. 2. С. 209.
151 *Абулгази.* Родословное древо тюрков. 1906. С. 34.
152 *Джувейни.* Т. 1. С. 355.

время, и его люди освоились и скот их набрался в теле, он подчинил канглы под свою власть»[153].

Тот факт, что каракитаям сначала нужно было собраться с силами, чтобы покорить канглы, показывает силу и значение канглов в Дешт-и Кыпчаке. Имеется китайское известие о посольстве канглов вместе с найманами в Китай к императору династии Цинь между 1160 и 1190 гг.

Таким образом, мы предполагаем, что канглы до монгольского нашествия обитали в Сыгнакском владении кыпчаков, кочуя от Иртыша до низовьев Чу иТаласа. Известия же Плано Карпини и Рубрука о канглах севернее Аральского моря относится к более позднему времени после монгольских завоеваний, когда канглы переселились западнее к Аральскому морю.

---

[153] *Джувейни.* Т. 1. С. 355.

Глава 5

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КЫПЧАКОВ В ПРЕДМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

В силу особенностей среды обитания и специфики кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности кыпчакское общество в XI— начале XII в. характеризуется определенными особенностями в системе материального производства, в сфере социальных отношений, системе общественного строя, социальной и государственно-политической организации. Решение этих вопросов тесно связано с разработкой многих вопросов истории кочевых народов Евразии, выявлением и всесторонним изучением наиболее общих закономерностей в развитии кочевых социумов[1].

Если прежде кочевничество понималось как особая форма хозяйственных занятий, социально-политической организации общества, то в последнее время было выдвинуто положение, имеющее большое эвристическое значение. Суть его в том, что кочевничество, с одной стороны, являлось особой формой взаимодействия общества и природы, а с другой — особой формой адаптации человека в специфических условиях среды обитания и базировалось на утилизации природных ресурсов по пре-

---

[1] См.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; *Хасанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975; *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв., 1982; *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиск исторических закономерностей. М., 1982; *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. Алма-Ата, 1984; *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира: историко-этнографическое исследование. М., 1985; и др.

имуществу биологическими средствами производства[2]. Несомненный интерес в этой связи представляет анализ материальной и духовной культуры, хозяйства и образа жизни, социальной организации и общественного строя, вопросов функционирования и жизнедеятельности кыпчакского кочевого социума исходя, разумеется, из тех возможностей, которые нам предоставляют письменные, археологические и другие источники.

ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА У КЫПЧАКОВ

Согласно показаниям средневековых информаторов и данным археологических исследований, жители Дешт-и Кыпчака выглядели наиболее кочевым народом среди многих этносов и этнических групп Евразийских степей. Кочевой образ жизни кыпчаков неумолимо накладывал на их психологию, мировоззрение настолько глубокий отпечаток, что они и не представляли себе другого образа жизни. В этой связи можно привести в качестве образца один из ярких примеров, свидетельствующих о чрезвычайно глубоком проникновении в сознание кочевников особенностей их хозяйственно-культурной деятельности, а следовательно, осознании собственного отличия от жизни других народов, что находит свое концентрированное выражение в противопоставлении мы — они: «Мы — жители степи. У нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях: мясо и кожа их служит нам лучшей пищей и одеждою, а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него приготовляется, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; места наших развлечений — пастбища скота и табуны лошадей, и мы ходим к табунам любоваться зрелищами коней»[3].

Сказанное можно проиллюстрировать. На обширнейшей территории Казахстана кочевой тип хозяственной деятельности, господствовавший с начала I тыс. до н. э., носил экстенсивный характер. «Население обитает в юртах и кочует летом и зимой по пастбищам, лугам и около

---

[2] *Марков Г. Е., Масанов Н. Э.* Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер. Истор. 1985. № 4. С. 86—96.

[3] *Материалы* по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата. 1969. С. 226.

вод. Их богатство... овцы. Их пища — летом молоко, а зимой сушеное мясо»[5], — доносит до нас анонимный автор «Худуд ал-Алама». Как видим, и тип одного из древнейших видов передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни, — юрта[6], и пища — продукты животноводства молоко и мясо — являются атрибутами, присущими в основном народу с подвижным укладом жизни.

Согласно данным письменных источников и археологических материалов, можно представить и видовой состав животных, преобладавших в стадах кыпчаков. Например, Гардизи писал, что они владеют стадами коров и баранов, верблюдов у них нет». Последняя фраза Гардизи об отсутствии у кочевников верблюдов свидетельствует только о том, что в его контексте речь идет о территориях с холодным северным климатом, где верблюды не могли существовать, а не полном отсутствии в видовом составе стада кыпчаков. Главное богатство кочевников— их скот четырех видов (лошади, овцы, верблюды, крупный рогатый скот) — воспето в эпосе разных тюрко-монгольских народов. Даже русские летописи, описывая, например, поход Владимира Мономаха в 1103 г. на донецких половцев, сообщают, что русские в качестве трофеев взяли тогда «скот и овец, коней и верблюдов»[7]. Вероятно, крупный рогатый скот разводился только в местах, пригодных для его содержания, в районах с более или менее умеренным климатом и отличным травостоем. Верблюды имели подсобное значение и разводились далеко не везде (на севере ареала их не знали) и вышеприведенное свидетельство Гардизи служит веским доказательством этого. Овцы играли одну из первостепенных ролей в повседневной жизни кыпчаков, ибо баранина служила основной пищей кочевых народов, к тому же овцы быстро восполняли запасы мяса, жира, а их шерсть и овчина служили для изготовления одежды и войлока, необходимых кыпчакам в их повседневном оби-

---

[4] *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне Древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

[5] *Бартольд В. В.* «Худуд ал-Алам». Л., 18б.

[6] *Маргулан А. Х.* Казахское прикладное искусство. Алма-Ата, 1986. Т. 1. С. 89—107; *Муканов М. С.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.

[7] ПСРЛ. Т. 1. С. 277.

ходе. Но любовь у кыпчаков, как и у большинства номадов, вызывали кони — «жемчужный скот»[8], наиболее ценная и престижная часть стад[9].

В условиях кочевого быта лошадь была незаменимым животным, благодаря исключительной подвижности и выносливости, позволявшей осваивать далекие земли, совершать продолжительные перекочевки и опустошительные набеги. В степях Казахстана в эпоху средневековья «лучших коней приносили в жертву. Череп и копыта коня служили оберегом... поклонялись наскальным изображениям копыт скакуна, которые в огромном количестве открыты в Центральном Казахстане, в горах Каратау и на Мангышлаке. Эти рисунки казахи называют тулпар-тас — камень скакуна. Аль Бируни и Казвини отмечали, что этим рисункам поклонялись огузы и кыпчаки. Изображение копыт скакуна встречается на обожженных кирпичах мавзолеев центрального Казахстана, например, мавзолея Келин-там на реке Кенгир (XIII в.)»[10]. Кроме своего военного и культового значения лошадь играла большую роль в повседневной жизни кыпчаков как транспортное и тягловое животное. Не последнее место в пищевом рационе кыпчаков имела конина, причем мясо нежеребившейся кобылы считалось лучшей пищей, пиршественным блюдом, а кумыс был приятнейшим и любимым напитком кочевников. Чрезвычайно важную роль играла лошадь и в процессе воспроизводства стада, поскольку в суровые зимы и в периоды джутов, когда трава была недоступна другим видам скота, только лошадь, умеющая тебеневаться при глубине снежного покрова до 40 см, могла обеспечить овцам и крупному рогатому скоту доступ к пастбищной растительности. У всех кочевников существовали правила совместного и последовательного выпаса скота в зимний период, когда после прогона лошадей на пастбищах выпасались другие виды животных. Такой метод содержания скота на подножном корму и летом и зимой обусловливал преобладание в скотоводческом хозяйстве

---

[8] См.: *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980; *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник: Пути и судьбы. М., 1977.

[9] *Кузьмина Е. Е.* Распространение скотоводства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и др. народов Старого Света. См.: Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура. М., 1977. С. 28—52; и др.

[10] *Маргулан А. Х.* Казахское прикладное искусство... С. 31.

кыпчаков овец и лошадей, хорошо приспособленных к резко континентальному климату аридной зоны Дешт-и Кыпчака.

Лошадь была не только средством воспроизводства стада, но и основой социальной дифференциации, показателем богатства, мерилом благосостояния жителя степи. Табуны коней принадлежали в основном представителям социальной верхушки и были чрезвычайно многочисленны.

Тамим ибн Бахр во время поездки в степи Центральной Монголии в начале IX в. отмечал у царя кимаков наличие породистых лошадей «с тонкими копытами», которых было не менее 20 тыс. В тот же центральноазиатский период своей истории кыпчаки (первоначально известные более под именем сеяньто), согласно китайским хроникам, славились своими косяками лошадей, которых они часто предлагали в подарок китайским императорам. Исхак ибн ал-Хусейн, говоря о территории Центрального Казахстана, писал: «Там водятся стада неукротимых лошадей, которые иногда дичают в пустынях»[11]. Согласно «Ганьму», в стране Кинча (Кыпчак) проживает народ, очень богатый лошадьми[12]. Тибетский источник XIV в. сообщает: «Люди этой земли (Кинча) по большей части владеют богатствами. Именно многие из них были владельцами десяти тысяч прекрасных лошадей»[13]. Изучение костных остатков животных, обнаруженных в процессе археологических исследований на территории Казахстана, также свидетельствует о преобладании в кыпчакских стадах овец и лошадей [14].

Об этом же свидетельствует большое количество терминов, связанных с животноводческим хозяйством, прежде всего с обозначением названий домашних животных, их масти, возраста, специализации лошадей и овец, а также крупного рогатого скота и верблюдов. Эти термины, которые сохранились и дошли до нас благодаря словарному запасу, содержавшемуся в средневековых

---

[11] *Умняков И. И.* Компендиум испано-арабского географа Исхака ибн Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках // ИГГО. 1939. Т. 21. С. 114.

[12] *Бичурин Н. Я.* История первых четырех ханов... С. 274.

[13] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 164.

[14] Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.

толковых словарях, употреблялись жителями Дешт-и Кыпчака. В «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгарского, в арабо-кыпчакских глоссариях XIII—XIV вв. приводятся с арабским толкованием или в прямом переводе многие кыпчакские термины и лексические обороты, отражающие хозяйственно-животноводческие реалии, существовавшие в ту эпоху в кыпчакской общетюркской среде. В частности, в них приводится большое количество слов, связанных с коневодством, овцеводством, верблюдоводством и другими видами кочевнического хозяйства: койун — овца, баран, тіші койун — овца, козу — ягненок, коч, кочкар — баран-производитель, токлы — годовалый ягненок, шішек — двухлетний баран, укеч — трехлетний баран, сагыр, инек — корова, огуз — вол, буга — бык, бузагу — теленок, тана — годовалый теленок, теве — верблюд, інген — верблюдица, кошек — верблюжонок, бота — верблюжонок, бугра — верблюд-производитель, ат — лошадь, айгыр — жеребец, кысрак — молодая кобылица, иорга, ошкун — иноходец, бе — кобыла, тай — двухлетка, кулун-кулунчак — годовалый жеребенок, кунан — трехлетка и т. д.[15]

Наличие в кыпчакских стадах большого количества лошадей и овец, а также крупного рогатого скота и верблюдов, требовало обширных пастбищ с достаточными кормовыми ресурсами и не бедных водой. «Трава и вода» — постоянная формула определения условий жизни любого кочевого социума, начиная с самых первых письменных известий о них. Кыпчаки также совершали определенные перекочевки. Но это было не беспорядочное блуждание по степным просторам в поисках случайных благоприятных выпасов, а строгое, регламентированное передвижение по устоявшимся, постоянным маршрутам, изменить которые могли только серьезные экономические, социальные или политические причины[16]. Отличительной чертой этой формы скотоводства является большой радиус кочеваний и отсутствие длительных стоянок,

---

[15] *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного источника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970. С. 3—4; *Номинхонов Ц.* Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. Алма-Ата. Т. 1. 1959. С. 87—117.

[16] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... М., 1966. С. 197.

что было одним из условий существования экстенсивного кочевого скотоводства.

В X в. кимаки кочевали на огромном расстоянии, имея летние выпасы в долине Иртыша, а зимние пастбища — в землях огузов в нижнем течении Сырдарьи. Этот маршрут сохранялся и в XII в., когда степи Казахстана попали под влияние кыпчаков и канглов. О последних источники сообщают, что они соседствуют с найманами на Иртыше, в то же время их земли оказываются и в окрестностях Баласагуна, в долинах Таласа и Чу. Кыпчаки, содержавшие свои стада на территории современного Западного Казахстана, лето проводили в южных отрогах Уральских гор, на зиму же откочевывали к югу, в окрестности Аральского моря, в низовья Сардарьи. Ан-Нувейри сообщал о кыпчаках: «Это обитатели шатров, которые не живут в домах и не селятся в строениях, но проводят лето в одной земле, а зиму — в другой»[17]. Аналогичная картина наблюдается и в половецких степях. Ибн ал-Асир писал: «Земля кыпчаков богата пастбищами зимою и летом, в ней есть места, прохладные летом, богатые пастбищами, теплые зимой, также изобилующие пастбищами — это степи по берегам моря»[18]. Г. Н. Потанин писал: «Зависимость населения от физических условий страны при нынешних ступенях культуры так велика, что установившиеся в стране направления миграций остаются также в течение длительного ряда годов, несмотря на смену народностей»[19].

Такие устойчивые районы кочевания установились не сразу, а в процессе длительного освоения аридной зоны Евразии представителями кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности. На первых порах, когда свободной земли было в достаточном количестве, сезонные перекочевки на заранее установленные пастбища осуществлялись спонтанно, в зависимости от факторов зональности и посезонной продуктивности растительного покрова. Стада кочевников перегонялись в поисках, как сообщают источники, «травы и воды», и в этих случаях землей пользовались сообща.

---

[17] СМИЗО. Т. 1. С. 539.

[18] Там же. С. 26.

[19] Записки Г. Н. Потанина о предпринятом им путешествии в Северо-Западную Монголию // Известия ИРГО. Спб., 1876. Т. 12. Отд. 2. С. 149.

К. Маркс отмечал: «У кочевых пастушечьих племен... земля, наряду с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например, в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют как пастбища, на ней кормят стада, которыми, в свою очередь, существуют пастушечьи народы. Они относятся к земле как к своей собственности, хотя никогда не фиксируют этой собственности. Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща»[20].

Вспомним, что автор «Худуд ал-Алама» сообщает о кочевках кимаков: «Когда между ними и гузами мир, они кочуют зимой к гузам». А если между ними война? Тогда они, согласно Гардизи, удаляются в отдаленную страну Эктаг, т. е. Монгольский Алтай. Но такое состояние кочевий не могло продолжаться исторически долго. С ростом населения и увеличением количества скота, с развитием производительных сил определенному кочевому социуму требовались все большие пастбища. Но пригодных для выпаса земель не так много, и поэтому за них приходилось бороться. В этот период войны ведутся в основном за обладание землей. В конечном счете слабое племя вытеснялось из своих мест и пускалось в «сказочное странствие», в свою очередь, сдвигая с мест соседей.

Последним крупным передвижением в предмонгольское время была миграция племен, в середине XI в., когда кимаки сдвинули с обжитых мест часть кыпчакских племен и вместе с ними обрушились на огузов низовий Сырдарьи. В результате разгрома последних они закрепили за собой зимние пастбища в этом районе. Вероятно, именно в этот период среди кыпчаков сложилась та пастбищно-кочевая система с сезонной перекочевкой на лето к Иртышу и на зиму к Сырдарье, которая в дальнейшем бытовала среди казахов Среднего жуза. Правда, такое направление кочевок отмечалось и при кимаках в IX—X вв., но тогда они не были традиционными и зависели от политических отношений между гузами и кимаками. Со стабилизацией системы кочевания и использования пастбищ связано в известной степени становление разнооб-

[20] *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 4.

разных общинно-племенных форм собственности на землю (земля находилась у кыпчаков как в общественном, так и в частном владении и пользовании). При имущественном неравенстве, развивавшемся на основе частной собственности на скот, крупные скотовладельцы одновременно становились и владельцами общинных пастбищ.

По мнению ряда исследователей, в процессе производства происходила трансформация общинной собственности на землю в частную через посредство качественно-видового состава стада. Как писал К. Маркс, «у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец, например, это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»[21]. Пастбища номинально продолжали считаться общинно-племенной собственностью, но концентрация скота в руках родоплеменной знати фактически приводила к тому, что земля становилась объектом присвоения богатых скотовладельцев. Это создавало предпосылки для складывания специфических отошений господства-подчинения, отношения феодальной зависимости.

Недостаток источников не позволяет проследить, в каких конкретно формах эта зависимость начала складываться в обществе кыпчаков, но бесспорно, что кыпчакская знать была не только крупным владельцем скота, но и не менее крупным собственником пастбищных земель. В условиях кочевого общества феодальная собственность на землю проявлялась не столько в праве феодалов распоряжаться районами кочевий, сколько в фактически имеющих место отношениях, когда воспроизводственный процесс становился сферой регламентации богатых скотовладельцев. В. Рубрук писал: «...всякий начальник значим по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью»[22].

Передвигаясь на значительные расстояния, кыпчаки пользовались спутником своей кочевой жизни — повозкой, которая и могла широко бытовать у народа, находящегося в постоянном движении. Сам подвижный образ жизни заставлял кочевников использовать животных

---

[21] *Маркс К.* Указ. раб. С. 21.
[22] Путешествие в Восточные страны. Спб. 1911. С. 91.

в качестве тягловой силы и ставить свои жилища на колесные повозки. Этот традиционный вид транспорта в Казахстане уводит нас в скифо-сакское время, что подтверждается и археологическими данными[23], а также письменными источниками.

О бытовании колесных повозок у скифов сообщают античные авторы Гиппократ, Геродот, Страбон. По описанию последнего, кибитки номадов «сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут»[24]. Повозка как передвижное жилище проходит через всю историю степных скотоводов-кочевников и хорошо была известна кыпчакам. О них писали Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Ибн Батута. Эти повозки были рассчитаны на большое количество людей. Назывались они — кюйме, ими пользовались во время перекочевок или длительного передвижения. В них жили только женщины и дети.

Рубрук писал: «Женщины устраивают очень красивые повозки, которые я не могу описать вам иначе, как живописью... Они служат как бы комнатами, в которых живут девушки». А вот что писал в XIV в. Ибн Батута: «В Дешт-и Кыпчаке каждая хатун их ездит в кибитке, на арбе, в которой находится навес из позолоченного серебра...»[25]. В эти повозки запрягались волы, лошади, верблюды. Как отмечал Плано Карпини, для перевозки некоторых из них «достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и куда бы они ни шли, на войну ли... они всегда перевозят их с собой». А во время военных столкновений эти повозки служили и средством защиты для кочевников.

Михаил Сириец на такой способ обороны обратил особое внимание при описании обычаев кыпчаков. Они «являются частью тюрок. Их язык тюркский... Всюду, куда они отправляются, они берут с собой своих женщин,

---

[23] В Пазырыкских курганах (Алтай, V—III вв. до н. э.) в погребениях были найдены повозки с четырьмя колесами. См.: *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. С. 236—239. В Казахстане встречены наскальные рисунки с изображением двух- и четырехколесных повозок, запряженных лошадьми, реже — верблюдами. См.: *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977. С. 162—167.

[24] *Маргулан А. Х.* Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. С. 32.

[25] Путешествие в Восточные страны... С. 92; СМИЗО. Т. 1. С. 27.

детей, имущество. Они защищаются при помощи деревянных повозок, из которых создают стену вокруг лагеря». Более подробную тактику подобной обороны описывает Анна Комнина. «Они ставили свои телеги в круг, покрывали их бычьими шкурами, сажали на них своих жен и детей и отбивали приступы. Трудно было разбить телеги и проникнуть в середину этого оригинального укрепления. Когда неприятель решался их осаждать, они видоизменяли несколько способ защиты: раздвигали немного телеги и делали между ними извилистые проходы. Часть тюрков занимала телеги. Из проходов выносились неожиданно их отряды, нападали на неприятеля и снова скрывались внутри круга»[26].

Вместе с тем многие исследователи обращают внимание на значительные неудобства при передвижении в кибитках, поскольку любое естественное препятствие становилось для повозки непреодолимым. С другой стороны, наличие повозки, по-видимому, должно было свидетельствовать о значительной социальной дифференциации, ибо бедным и пауперизированным элементам было не под силу кочевать на повозке, а богатым и очень зажиточным — было экономически невыгодно передвигаться на повозке, скорее всего, ими пользовались в основном женщины, что и заметили Рубрук и Ибн Батута. Видимо, большая часть населения передвигалась, завьючивая предметы своего быта на лошадей и верблюдов, что позволило значительно интенсифицировать процесс кочевания, расширить сферу обитания, жизненное пространство.

Как видим из приведенного материала и его анализа, основной системой материального производства кыпчаков средневековья являлось скотоводческое хозяйство, служившее удовлетворению потребительских нужд кочевого наследия Дешт-и Кыпчака.

Ремесла

Ремесленное производство кыпчаков служило в основном целям переработки скотоводческой продукции и удовлетворению практических потребностей в хозяйстве.

[26] *Рубрук В.* Путешествия в Восточные страны... С. 27—28. *Гусейнов Р.* Сирийские источники об Азербайджане. Баку, 1960. С. 110. *Голубовский П. И.* Печенеги, тюрки, половцы до нашествия татар. Киев, 1884. С. 216.

Для постройки той же повозки, например, требовались определенные производственные навыки, что указывает на развитие у кыпчаков ремесла, в частности, деревообделочного, которое заключалось (помимо выделки деталей деревянной повозки) в изготовлении деревянных частей юрты (кереге, уков, тунлуков, дверей), деревянных частей седел, некоторой части посуды, черпаков для разливания кумыса, блюд для мяса и деревянных чаш.

Основное ремесленное производство было связано с обработкой и производством изделий из продуктов животноводства. Это — кошмы, арканы, шорные изделия, шерстяные ткани домашнего производства (армячина и т. п.). Из кож и шерсти выделывались верхняя одежда (шубы, шапки, малахаи), кожаная обувь, различные типы посуды и др. вещи.

Кыпчакам, соприкасавшимся с населением оседло-земледельческих оазисов Южного Казахстана, по всей вероятности, была знакома техника производства керамической посуды[27]. Встречаемые повсеместно в кыпчакских погребениях богатый набор конского снаряжения и оружия (стремена, удила, различные бляшки оголовья лошади и т. п.), а также металлические изделия бытового характера неоспоримо свидетельствуют о существовании у кыпчаков традиции обработки металлов, а равно и добычи железной руды, которые уводят нас к тюркским Каганатам — Восточному и Западному. Нам хорошо известно, что в V — начале VI вв. алтайские тюрки тюгю были прекрасными рудокопами, на что обратили внимание сяньбийские и жужаньские ханы, заставившие после захвата территории тюрков тугю платить им дань железом. Китайские источники об этом сообщали: «Оно (поколение тюрков из рода ашина) удалилось к подошве Алтая, где ...находилось под зависимостью сяньбийцев, а а потом жужаней и вместо податей обязано было добывать железо для хана»[28], и не только добывать, но и плавить его и производить изделия из него, недаром жужаньский правитель сообщал Тумыню: «ты мой плавильный невольник»[29]. В середине VI в. западные тюрки даже

---

[27] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар... С. 196.

[28] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. С. 226—228.

[29] Там же. С. 228.

предлагали «купить у них железо» византийскому посланнику Зимарху[30]. Вероятно, это железо, шедшее на продажу, добывалось уже не на Алтае, а в степях Центрального Казахстана, где традиции горнорудного производства, черной и цветной металлургии уходят в более отдаленные времена — в эпоху бронзы[31].

А. Х. Маргулан писал в связи с этим: «В Центральном Казахстане сохранился ряд древних выработок того времени. К ним относятся прежде всего выработки Восточно-Каркаралинского района, в частности Кентобе, Кенказган, Карашокы, Карашошак, Карасы, Жалпак I, Карачукур»[32]. В этих и других местах Дешт-и Кыпчака и добывали, скорее всего, железную руду те представители кыпчакских племен, которые специализировались в горном деле. Одним из крупных регионов по добыче железа в Восточно-Каркаралинском районе были горы Темирчи, о чем свидетельствует географическое название этого района (темир — железо, темирчи — кузнец, место кузнецов). О существовании идентичного термина в начале XI в. сообщает Махмуд Кашгарский, называя место, где расплавляли руду и выделывали из железа различные предметы, он приводит термин «темурлук»[33].

Кузнецы-темирчи производили все: от деревообрабатывающих и иных специализированных орудий до мельчайших принадлежностей конского снаряжения, оружия. Например, автор IX в. ал-Джахиз сообщал: «Они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья»[34]. О существовании специальных оружейных мастеров среди кыпчаков свидетельствуют термины, употреблявшиеся жителями Дешт-и Кыпчака для их обозначения, сохранившиеся в арабо-кыпчакских словарях средневековья: йачи — лучник, окчы — мастер по изготовлению стрел, сунучи — тот, кто делает копья, йарыкчи — оружейник[35]. Вероятно, некоторые виды ремесел, особенно кузнечного, передавались по наследству. Видимо, в течение

---

[30] Византийские историки. Спб., 1861. С. 276.

[31] *Маргулан А. Х.* Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

[32] Там же. С. 14—15.

[33] МК. Т. 1. С. 506.

[34] *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрок IX в. в послании Фатху Хакану ал-Джахиза // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1. 1956. С. 241.

[35] *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике... С. 125, 126, 175, 192.

определенного времени, во всяком случае вплоть до монгольского нашествия, в степях, населенных кыпчаками, работали и камнетесы, мастера по камню, делавшие каменные изваяния, которые были непременным атрибутом культовых сооружений кыпчакской верхушки. Согласно С. А. Плетневой, специально занимавшейся изучением половецких каменных изваяний в южно-русских степях, многие статуи несли черты портретного сходства. Несомненно, что каменные изваяния, некогда возвышавшиеся на курганах, разбросанных по Казахстану, были произведениями искусства, для выделки которых требовались определенные профессиональные навыки и художественный вкус.

Несмотря на появление специализации, ремесла у кыпчаков не обособились в самостоятельную отрасль, а существовали в виде дополнительного занятия в доминирующем скотоводческом хозяйстве, которое оставалось натуральным.

Элементы оседлости и земледелия у кыпчаков

Несмотря на классический кочевнический уклад жизни кыпчаков, говорить о полном отсутствии нескотоводческих занятий в жизни племен Дешт-и Кыпчака не приходится. Историю повозки мы приводим для того, чтобы, как отмечал А. Х. Маргулан, проследить одну из сторон зарождения полуоседлых поселений, возникших в своеобразных условиях кочевой жизни кыпчаков[36]. То, что ряды передвижных жилищ-повозок во время больших стоянок составляли своего рода вид поселений, подтверждается целым рядом факторов. А. Х. Маргулан, наряду с известием Плано Карпини о расположении большого количества повозок-жилищ, напоминавших «кочующие поселения», приводит и данные топонимики, когда местности Казахстана, получили свое название от расположения некогда в них повозок: урочища Қырық-Арба на р. Урал; Тоганастынг токсан еки — в низовьях Нуры; Урда Конган — в районе Улутау и т. п.[37] Для таких поселений более типичны развалины древних сооружений, расположенные в районе Улутау и на р. Ишим. «Это

---

[36] *Маргулан А. Х.* Горное дело...
[37] Там же.

остатки крепостной стены квадратной или овальной формы, безо всяких следов строений внутренней площади, где могли размещаться повозки или ставки владетельной особы... По свидетельству Рузбехана, часть города Ясы в его время состояла исключительно из юрт. Это один из ярких примеров, говорящих о тесной связи кочевого и оседлого хозяйств на протяжении всей истории Казахстана»[38].

Городом, где наряду со стационарными домами стояли войлочные юрты и шатры, был Саксин, возникший, вероятно, на развалинах Итиля[39]. Состав жителей этого города, окруженного кочевой степью, был пестрым, там проживали кыпчаки, йемеки, гузы и др. Видимо, такими же городами были поселения половцев, проживавших на Северском Донце — Шарукань, Сугров, Балинь[40]. Они возникли со стабилизацией кочевок, сезонностью движения кочевых групп, при которых имеют место устойчивые маршруты кочевий, которые проводят из года в год на одну и ту же зимовку, что способствует постоянному генезису полуоседлых поселений. Этому же способствовала традиция стационарного пребывания на кстау («зимовке») в холодное время года, продолжающегося в среднем в Казахстане шесть месяцев. Такое длительное пребывание на зимовках приводило к появлению полустационарных зимних жилищ, достаточно четко прослеживающихся по данным археологических раскопок[41].

Классовая, имущественная дифференциация среди кыпчаков в известной степени способствовала переходу к оседлости и в конечном счете к земледелию. Обедневшие кочевники назывались ятуками. «Это те, — писал Махмуд Кашгарский, — которые живут в их городах, не переезжают (т. е. не кочуют — *С. А.*) в другие места и не воюют, называются ятук, т. е. заброшенные, ленивцы»[42]. Ятуков можно сопоставить с историко-этнографическими данными о казахских «жатаках». Этим именем называли всех проживавших в зимовках и неподвижных жилищах.

В этой связи очень важно заметить, что оседлые и полуоседлые стоянки в основном сосредоточивались по

---

[38] Там же. С. 15.

[39] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., С. 445.

[40] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... С. 202.

[41] См.: *Жолдасбаев С. Ж.* Материальная культура казахов XV—XVIII вв. (по археологическим данным): Автореф. дис. ..., канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975.

[42] МК. Т. 3. С. 11.

периферии кочевого мира, именно здесь возникали города и оседлые поселения. Внутри же ареальной зоны оседлое население никогда не могло бы найти устойчивой материальной основы для своего существования. В условиях засушливого и резко континентального климата только кочевое скотоводство в доиндустриальную эпоху могло быть основой материальной базы для жизни людей.

Одним из важнейших аспектов проблемы является вопрос о роли земледелия в процессах седентаризации номадов. По мнению ряда исследователей, занятие земледелием обязательно связано с процессом оседания. Если это так, то почему оседлое население почти не было зафиксировано в последующее время в степях Казахстана? Материалы показывают, что основное казахское население оставалось кочевым вплоть до начала XX в. В этой связи исследователи обратили внимание на то, что занятие земледелием, во-первых, является лишь подспорьем, вспомогательной отраслью хозяйства кочевников и никогда не приобретает самостоятельного значения, во-вторых, оно никогда не приводит в пределах ареальной зоны к прочной оседлости и даже те немногочисленные элементы, которые спонтанно и спорадически оседают, вынуждены в конечном счете забрасывать земледелие и снова переходить к кочевничеству[43]. «Впрочем, земледелие, — констатировал А. И. Левшин в начале XIX в.,— не делало их оседлыми. Они кочуют... у... пашен своих...»[44]. И, хотя эти слова относятся к казахам, они справедливы и для кыпчаков, т. е. той группы кыпчаков, которая вынуждена была заниматься земледелием.

Основным видом зерновых, разводимых кыпчаками, было просо, именно это имел в виду Рубрук, когда сообщал, что небольшая часть кочевников высеивает просо[45]. «В Туркестане нет земледельцев, кроме сеющих просо», — писал Йакуби[46]. Согласно Петахье, «хлеба не едят в этой земле, а только просо, сваренное в молоке, а также молоко и сыр»[47]. Более поздний информатор ал-Омари также замечал, говоря о кыпчаках, «посевов...

---

[43] См.: Хозяйство казахов... С. 163.

[44] *Левшин А. Н.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. Спб., 1832. С. 199.

[45] Путешествие в Восточные страны... С. 92.

[46] МИТТ. Т. 1. С. 149.

[47] *Марголин П. В.* Три европейских путешественника. Спб. 1881. С. 4.

мало и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов почти нельзя сыскать. Чаще всего у них встречается просо, им они питаются и по части произведения земли в них заключается главная еда их». В другом месте он отмечал: «Эта страна одна из самых больших земель, [изобилующая] водой и пастбищами, дающая богатый урожай, когда сеется хлеб, но они народ бродячий и кочующий, обладающий скотом, у них нет никаких забот о посевах и посадках...»[48]. Просо наиболее подходило кочевникам, так как неприхотливо и засухоустойчиво.

Помимо проса в очень ограниченном количестве кыпчаки возделывали пшеницу и ячмень, но в основном хлеб они получали в обмен на продукты скотоводства от земледельцев Средней Азии. Как рассказывает Рубрук, «бедные люди добывали себе хлеб... в обмен на баранов и кожи»[49].

Полуоседлые и стационарные поселения кыпчаков имелись не только в речных долинах, удобных для земледелия. Бытовали они и в горных районах, где кыпчаки вели скотоводство вертикального типа, т. е. так называемое яйлажное скотоводство. Такой тип отмечен грузинскими источниками, согласно которым кыпчакские стойбища делились на две категории: «сазамтро» (букв. — зимнее место) и «сазапхуло» (летнее место)[50]. В этих зимних поселениях кыпчаки селились в землянках и полуземлянках. Описывая события, когда грузинское войско потерпело поражение от кыпчаков в XII в., Киракос Ганзакеци писал: «...когда произошла между ними схватка, варвары спокойно вышли из своих нор (землянок) и, предав мечу уставшее войско иберов, многих взяли в плен»[51].

Таким образом, кыпчаки, оставаясь кочевниками, частично проживали в стационарных поселениях на зимних пастбищах. Эти зимние стоянки могли образовываться как на основе арбы с юртой, стоявшей на ней, так, очевидно, и в землянках, деревянных постройках, жилищах, сложенных из камня и, конечно, сложенных из глины-сырца, самана и другого подручного материала[52]. Но

[48] СМИЗО. Т. 1. С. 233.
[49] *Рубрук В.* Путешествие в Восточные страны... С. 91.
[50] *Анчабадзе З. В.* Кыпчаки северного Кавказа... С. 121.
[51] История Киракоса Ганзакеци. Баку, 1946. С. 105.
[52] *Плетнева С. А.* От кочевий — к городам. М., 1967. С. 63. По данным грузинских летописей XI—XIV вв. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1960.

наличие такого рода жилищ и постоянных поселений не приводило к широкой оседлости кыпчаков, ибо земледелие в условиях их проживания не могло стать и не стало основой системы материального производства их общества. Более стабильным путем кыпчаков к оседлости было их проникновение в среду жителей уже издавна существовавших городов, располагашихся на границах степей, где они смешивались с местным населением. Эти процессы носили по большей части инфильтрационный характер, когда в города проникали обедневшие и пауперизированные элементы. Другим источником пополнения городского населения были политико-военные явления, когда в городах, обычно также расположенных по периферии кочевой степи, поселялась кочевая знать и их военная гвардия. С течением времени как те, так и другие растворялись в среде городского населения.

Таким крупным торгово-ремесленным и административным центром восточных кыпчаков являлся город Сыгнак, который «издревле был столицей кыпчакской степи»[53]. Как город он существовал еще до появления кыпчаков в бассейне Сырдарьи. «Сугнак — один из гузских городов»[54], — сообщал Махмуд Кашгарский. Со второй половины XII в. Сыгнак становится одним из политических центров кыпчаков, чьи кочевья вплотную соприкасаются к этому времени с окрестностями Сыгнака, Дженда и Янгикента. Кыпчаки также проникают в состав городского населения целого ряда городов на среднем течении Сырдарьи и северных склонов Каратау и, в частности, в Отрар, Сауран, Кумкент, Караспан, Баба-Ата, Сузак[55].

Согласно мнению авторов исследования «Древний Отрар», «тенденция к оседлости части скотоводческих племен кимако-кыпчакского круга должна была получить дальнейшее развитие в городах на Сырдарье и на склонах Каратау задолго до монгольского нашествия. Вполне вероятно, что в процессе длительной трансформации части бывших кочевников в оседлое население и происходило сложение тех своеобразных черт материальной культуры, которые прослеживаются, в частности, при

---

[53] *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана... С. 229.
[54] МИТТ. Т. 1. С. 311.
[55] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. С. 192.

анализе поливной керамики городищ Южного Казахстана...», относимых к кыпчакам[56] и появления традиции нанесения на определенный тип поливной и неполивной посуды традиционных тамг, принадлежность которых к кыпчакским и близких к ним племенам не вызывает сомнения[57].

Охотничьи промыслы

Подспорьем в преобладающем кочевом хозяйстве кыпчаков была охота, которая также несла в себе чисто степные, кочевнические традиции и обычаи. Сугубо кочевническим типом охоты были облавные действия по добыче диких животных. Они практиковались почти у всех кочевых народов Центральной Азии. Данные источников сообщают о широких, грандиозных облавных охотах у хуннов, сяньби, тюрков, киданей, монголов[58] (во время облавной охоты на куланов в степях Центрального Казахстана погиб сын Чингисхана Джучи).

Необозримые степи Казахстана с их богатой фауной способствовали развитию у кыпчаков традиций облавной охоты. У верхушки кыпчакского общества охота была предметом развлечения и поддержания боевой формы дружин, когда в обстановке, максимально приближенной к боевым действиям, можно было отрабатывать, предвосхищая идею маневров, различные военные действия по охвату и окружению, преследованию и уничтожению зверя на огромном расстоянии, а также проверять боевую готовность военных дружин. Облавные охоты, таким образом, давали очень много для военно-тактической выучки кыпчакского войска, выработки у них на облавах тактического мышления и мастерства.

Другое предназначение облавных охот была их интендантская роль во время военных походов, набегов и войн. Например, так пополнял свои запасы продовольствия Тимур во время похода на Тохтамыш-хана. Его войска, страдавшие от безводья и отсутствия пищи, достигнув местности Айгырайлы (Айгыржал — грива жеребца), согласно его повелению, «занялись охотой и, устроив

---

[56] Там же. С. 197.

[57] *Ахинжанов С. М.* К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 49.

[58] *Жаргалов Дамба.* Сказания об охотах облавных. Улан-Удэ, 1984 г.

облаву, изловили много диких ослов; тех, что были жирными, забирали, а тощих оставляли»[59]. Более конкретно сообщается об этих событиях в другом источнике: когда воины Тимура превратили степь в «место охоты, попалось много дичи, что увеличило запасы продовольствия и мощь войска»[60]. Подобный способ пополнения продовольствия практиковался, и у кыпчаков за 200—300 лет до вышеописанных событий.

Существовала и индивидуальная охота, которая для рядовой массы населения Дешт-и Кыпчака являлась дополнительным средством для получения продуктов питания, а также мехов и кожи. В степях добычей удачливых промысловиков были куланы, сайгаки, джейраны, водоплавающая птица, в горах — горные козлы и архары, в лесостепях — олени, лоси.

Махмуд Кашгарский сообщает, в частности, о крупном диком животном с одним рогом, обитавшем в степях кыпчаков, булана[61]. Ал-Джахиз отмечал: «Кочевые тюрки необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов»[62].

По словам Петахьи, кыпчаки «чрезвычайно дальнозоркие, они отличные стрелки из лука и убивают птицу на лету»[63]. Помимо лука и стрел они пользовались на охоте ловчими птицами, травили зайцев, лис и даже волков охотничьими собаками. В северных районах Дешт-и Кыпчака, на границах с лесостепной зоной и на Алтае кыпчаки охотились на пушного зверя — соболей, куниц, горностаев, мех которых использовался для изготовления одежды, подкладок для шуб, воротников, оторочки рукавов и подолов, а также для головных уборов. Меха часто шли для обмена на рынки Средней Азии, Хорезма,

В арабо-кыпчакских глоссариях приведены названия диких животных и птиц, с которыми кыпчаки сталкивались в своей повседневной жизни и которые служили предметом охоты: кейик — дикое животное вообще, сагыр кейик — антилопа, кулан — дикий осел, сагын — олень, айрук — горный баран, тонгуз — свинья, чучка — поросенок, чакал — шакал, тулку — лиса, болчик — волчонок, тейин — белка, савсар — соболь, кунен — лас-

---

[59] МИКК. Т. 1. 1973. С. 136.
[60] Там же. С. 155.
[61] МК. Ташкент, 1960. Т. 1.
[62] *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрок... С. 232.
[63] *Марголин П. В.* Три европейских путешественника... С. 5.

ка и т. д.[64] Там же приводятся названия охотничьих собак, ловчих птиц: тазы ит — гончая, балабан — сокол, тоган — ястреб, каракуш — орел, лачын — кобчик.

Кыпчаки занимались и рыболовством, в основном самые бедные, проживавшие на берегах рек. На это указывает существование у кыпчаков терминов, связанных с водным хозяйством: кеми, кереп, катарга — лодка, корабль, балык — рыба, йенкеч — рак, йелкен — парус, курек — весло[65].

Торговые связи и товарно-денежные отношения

Города долины Сырдарьи играли важную роль в торговых взаимоотношениях населения степей и жителей оседло-земледельческих оазисов. В таких регионах всегда существует симбиоз между оседлыми земледельцами и кочевниками, причем каждая сторона предлагает характерные продукты своей зоны. Знаменательно в этом отношении встречающееся в одном из документов XII в. указание на то, что «товары и предметы их (кочевников)... являются причиной увеличения благоденствия и пользы оседлых людей. Знать и простой народ имеют свою долю в этих благах и преимуществах»[66]. В свою очередь, степь нуждалась в продукции ремесленников городских районов и поселений, а также в сельскохозяйственных продуктах, производимых земледельцами среднеазиатских оазисов, в том числе и Хорезма. Эти разнообразные товары продавались и обменивались как в глубине Дешт-и Кыпчака, так и в городах, расположенных на границах со степью.

Одним из торговых центров был Сыгнак — «сухопутная гавань кыпчакской степи». Еще в конце I тыс. н. э. он был одним из отправных пунктов на торговых караванных дорогах, ведущих в степи Центрального Казахстана. В конце XII — начале XIII вв., став одним из главных центров кыпчакских владений, Сыгнак оставался и крупным торговым пунктом, где «было много народа и ежедневно поступало на базар пятьсот верблюдов с вьюками, из которых к вечеру ни один не оставался непроданным»[67].

---

[64] *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного источника... С. 53.

[65] Там же. С. 52.

[66] МИТТ. Т. 1. С. 314.

[67] Там же. С. 183.

Другим крупным торговым городом был Сауран. О нем в IX—X вв. было известно как о городе, в котором собирались гузы для заключения мира и перемирия, и для торговли[68]. Далее сообщается: «Город очень богатый, место гузских купцов»[69]. В таком же качестве он оставался и во времена, когда на берегах Сырдарьи проживали кыпчаки, которые пригоняли свои стада — основной товар, идущий в обмен и на продажу, также и в другие населенные пункты, расположенные в низовьях Сырдарьи, (Дженд и Янгикент), где в составе городского населения проживали и выходцы из степи.

Основным меновым средством при обмене товаров был скот, выполнявший функцию денег. «Кочевые народы, — писал К. Маркс, — первые развивают у себя форму денег, т. к. все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает их к обмену продуктов»[70]. Торгуя, например, с Хорезмом, для которого «большая часть богатства — от торговли с тюрками»[71], кыпчаки пригоняли на базары Хорезма — «место торговли с тюрками»[72] — баранов, тем самым обеспечивая их мясом, даже, в «количестве большем, чем нужно им»[73].

Помимо предметов скотоводческого хозяйства жители степи превращали в предмет торговли и другие товары, добытые ими охотой и войной. На рынках Хорезма высоко ценились попадавшие к ним большая часть мехов степных лисиц, соболей, лисиц, бобров и др.[74] Часть указанных товаров проходила через рынки Хорезма, поступала в другие страны, но уже под видом предметов торговли самого Хорезма.

А что шло обратно в степь, в кочевья кыпчаков? Конечно, в первую очередь, плоды земледельческой деятельности жителей благодатных плодородных оазисов, земель древнего орошения Хорезма и Средней Азии. О Хорезме информатор сообщает: «Там не прерывают-

---

[68] Там же. С. 216.
[69] Там же.
[70] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1953. С. 96.
[71] Там же. С. 180.
[72] Там же. С. 178.
[73] Там же. С. 178.
[74] Там же. С. 180.

ся... сады, множество прессов для давки винограда, пашен, деревьев, фруктов и жизненных благ, он прибылен для людей торговли»[75], которые, конечно, и направлялись с ними в кочевья кыпчаков или на приграничные с Дешт-и Кыпчаком рынки. Согласно источникам, предметами торговли были «виноград, много изюма, печенье, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасная парча (для подарков), покрывала «мульхам», замки, цветные одежды, луки, которые могут натянуть только самые сильные лучники, особый сыр, сыворотка, рыба»[76].

Так как земледельческое хозяйство у кыпчаков было крайне слабым и носило натурально-потребительский характер, то оно едва обеспечивало нужды собственного потребления и, конечно, не могло обеспечить хлебом кочевых соплеменников. Поэтому кыпчаки нуждались в хлебе. Верхушка общества также интересовалась дорогими тканями, украшениями, дорогим оружием, пряностями, экзотическими для степи фруктами и т. д. Все это учитывали хорезмийские и другие восточные купцы, отправляясь в степи, примыкавшие с севера к их местожительству.

Наряду с натуральным обменом у племен Дешт-и Кыпчака развивались отдельные элементы товарно-денежных отношений, что обусловливалось, несомненно, увеличивающимся ростом торговли с земледельческими районами и ростом товарности скотоводческого хозяйства. Этот процесс происходил одинаково по всей степи, населенной кыпчаками и половцами, так что утверждение ряда авторов о том, что денежное обращение совершенно отсутствовало в степях Казахстана, в отличие от южно-русских степей, является уже устаревшим фактом. Об этом свидетельствуют находки монет, найденных в кыпчакских курганах как в степях Центрального Казахстана (А. Х. Маргулан, М. К. Кадырбаев)[77], так и в Западном Казахстане (раскопки Г. В. Кушаева, В. В. Железчикова и др.). Это свидетельствует и о том, что кочевое хозяйство не являлось непреодолимым препятствием для проникновения товарно-денежных отношений в степь.

На обращение монет в обиходе торговцев в степях Казахстана указывает и Ибн Батута, который приводит

[75] Там же. С. 185.
[76] Там же. С. 202.
[77] *Маргулан А. Х.* Горное дело...; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака I пол. XIV в. С. 52.
[78] СМИЗО. Т. 1. С. 283.

цены на лошадей, исчисляемые в арабских дирхемах и динарах[78]. Овцы на рынках Хорезма и в приграничных со степью городах не только обменивались, но и покупались за деньги. Об этом можно судить по следующим фактам: «жители Туркестана и области Хорезм... пользуются их шкурами... Одна шкура из них продается (за цену) от четверти динара до двух данаков и менее»[79].

Не следует, однако, преувеличивать значение этих сообщений, ибо фиксация денег в кочевой среде была сильно ограничена внутренней природой самого кочевого общества.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КЫПЧАКОВ В ПРЕДМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Кыпчакское общество в XI — начале XIII вв. было раннеклассовым с тенденцией развития в сторону феодального общества. Важную роль в общественной организации кыпчаков продолжал играть род, из которого слагались племена. О наличии родов у половцев свидетельствуют русские летописи. Так, например, под 1172 г. упомянут Кончак «с родом своим», в другом случае говорится о половчанине, который «крестился и был монах и с родом своим»[80]. Грузинские источники также отмечают существование среди кыпчаков родо-племенных подразделений. Историограф грузинского царя Давида Строителя писал: «Он (Давид) распределил их по родовому признаку (букв. по родам — «гуарад-нуарад») и поставил над ними военачальников и управителей»[81].

Согласно К. Марксу, «племена древних государств были основаны двояким путем: либо по родам, либо по территории. Племена, организованные по родовому признаку, древнее племен, созданных по территориальному признаку, и первые почти повсеместно были вытеснены последними»[82]. В первые периоды своей истории система общественной организации кыпчаков еще продолжала основываться на институте родов, объединявшихся в племя, а также в более крупные объединения, называвшиеся «иль» (народ), в которых происходили постоянные перемещения и перегруппировки племен и родов. Немалую

---

[79] МИТТ. Т. 1. С. 181.
[80] Памятники русской летописи. С. 96.
[81] *Анчабадзе З.* Кыпчаки Северного Кавказа... С. 122.
[82] *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // ВДИ. 1940. № 1. С. 14.

роль в этнической консолидации кыпчаков сыграли их контакты с соседними тюркоязычными племенами и другими этническими группами. С одними они находились в длительных и тесных взаимоотношениях, что, конечно, не могло не отразиться на их культурно-этнической общности, с другими же — в эпизодических отношениях, менее прочных. Последние почти не оставляли никаких следов взаимного влияния.

Следует также отметить, что в начале II тыс н. э. племена, составлявшие кыпчакский этнический массив, уже не представляли собой близкий союз кровно-родственных объединений. Вследствие развивающихся классовых антагонистических отношений роды постепенно утрачивали свое первоначальное значение как объединение кровных родственников. В письменных источниках подчеркивается, что среди племен, входивших в кыпчакскую конфедерацию, были и другие, присоединившиеся к ней этнические группы[83]. Эти родо-племенные коллективы говорили как на различных наречиях тюркского языка, так и на некоторых монгольских диалектах, но их было значительно меньше. Рассмотрим родо-племенной состав кыпчаков в качестве элементов этнополитической организации общества.

Уже в наиболее раннем перечислении племенных групп, вошедших в состав кимакского союза племен, образовавшегося в долине Иртыша в IX—X вв., встречаются различные этнические подразделения: исконно тюркские, издавна обитавшие в указанном регионе (кыпчаки и йемеки), пришлые из более восточных районов из монголоязычной среды (тюркизированные группы татар, байандуров, собственно кимаков—каи). Среди кыпчакских племен, кочевавших в XI—XII вв. на территории Казахстана, источники отмечают следующие родоплеменные группы: собственно кыпчаки, канглы, печенеги, огузы, йемеки, ильбари, югуры, башкиры, урани, или каи, кидани, байауты и др. Все они входили в кыпчакскую конфедерацию племен, образовавшуюся на рубеже XI и XII вв. и в последствии распавшуюся в результате «беспорядков, происшедших в среде кыпчаков»[84], и военных походов, предпринятых Хорезмом в Дешт-и Кыпчаке.

---

[83] *Рашид ад-дин.* Соч. Т. 1. Кн. 1. С. 83—85.
[84] *Кычанов Е. И.* Сведения «Юаньши» о переселении... С. 62.

Для этого периода истории кыпчаков характерны были не только объединение этнических родственных племен, но и постоянные столкновения племенных коалиций, дробление самих племен и, наконец, смешение с иноязычными группами. Этот период отразили в своих хрониках авторы XIV в. Ан-Нувейри и Ибн Халдун, описывающие со ссылкой на летопись XIII в. этническую ситуацию, сложившуюся в Дешт-и Кыпчаке в предмонгольское время. Согласно Ан-Нувейри, у кыпчаков было много различных племен: токсоба, йета, бурджоглы, бурлы, кангуоглы (кангароглы), анджоглы, дурут, карабароглы, котян[85], джузан. Ибн Халдун тоже перечисляет одиннадцать племен кыпчаков с небольшими изменениями в их написании. Они у него следующие: токсоба, сета, бурджоглы, эльбури, канаарлы, оглы, дурут, калабаалы, джерсан, карабирикли, кунун. «Ход рассказа, — пишет дальше он, — указывает на то, что племя дурут из кыпчаков, а племя токсоба — из татар, что все перечисленные племена не из одного рода...»[86].

В списке племен, приведенном Ан-Нувейри и Ибн Халдуном, встречаются знакомые родоплеменные подразделения, в частности бурлы, или эльбури, известное под именем ильбари в степях Западного Казахстана или под этнонимом бурчевичи в южнорусских степях; кангуоглы, или канаглы. расшифрованные еще Н. А. Аристовым как канглы»[87]. Имя токсоба имеет аналогии в названии «токсобичи» русских летописей[88], йета или сета, соответствуют летописным етебичам или еще ближе — летописным иета[89], друт, или дортуул тождественны летописным тортробичам[90]. Племя карабирикли (черношапочники — черные клобуки) объединяли в XII в. такие племена, как берендеи, или байндур (племя, известное еще среди кимаков), и каепичи[91]. Последние являются ничем иным, как племенем кай[92]. Интересно связать

---

[85] СМИЗО. Т. 1. С. 540.
[86] Там же. С. 541.
[87] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен... С. 42.
[88] ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. С. 455.
[89] Там же. С. 841.
[90] Там же. С. 501.
[91] Там же. С. 641.
[92] Там же. С. 507.

этноним котан, или кунун, с именем основателя династии ильбари, имя которого П. Пелльо восстанавливает как кунан[93]. В то же время этот этноним встречается в половецкой ономастической среде в форме котян[94].

Несколько отличный, но не менее интересный список кыпчакских подразделений приводит автор XIV в. ад-Димашки. Он отмечает среди них крупные и мелкие роды и племена. К крупным он отнес баргу, токсоба, итоба, барат, альарас, бурджоглы, манкуроглы, йемек, к мелким — таг, башкурт, куманку, бузанку, баджна, караборикли, уз, шортан. Перед нами конгломерат народов. Наряду с довольно древними племенами, входившими еще в состав кимакского союза племен (йемек) или существовавших самостоятельно, таких, как (баджна-печенеги, башкиры, уз-гузы, манкуроглы), встречаются и новые этнические наименования. Некоторые из них представляют собой объединения нескольких родов, превратившиеся в этническое имя с собирательным значением, получившим числительное определение как необходимый детермитив. Например, етебичи — йета-жети оба — семиродцы[95], тортобичи — дортуул —торт оба — четырехродцы. Во всех этих названиях термин «оба» прилагался главным образом к родовым подразделениям. Семантика термина «оба» генетически связана с монгольским «обог», «овок»[96]. Как указывал Б. Я. Владимирцев, («обог» был своеобразным союзом кровных родственников»[97]. Характерным признаком обога — рода был обычай левирата, экзогамии. Об обычае левирата у половцев сказано следующее: «Паимеют мачехи своя ятровь (жена брата мужа или жены) и иные обычаи отец своих творят»[98].

Интересно и то, что многие этнонимы кыпчаков находят многочисленные параллели, свои этнонимические аналогии, преемников в средневековой узбекской этно-

---

[93] *Pelliot P.* et *Hambis L.* Histoire de Compognes... S. 102.

[94] ПСРЛ. Т. 1. С. 505; Т. 2. С. 544.

[95] В башкирском сказании «Кунгыр буга» сказано, что семь кыпчакских племен образовали единый союз. См.: *Киреев А. Н.* Этногенетические предания и легенды башкирского народа // АЭБ. 1971. Т. 4. С. 60.

[96] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 104.

[97] *Владимиров Б. Я.* Общественный строй монголов... С. 46.

[98] ПСРЛ. Т. 2. С. 548.

культурной среде[99], позднее в казахской[100]. Интересно сопоставить кыпчакское название етебичи-йета с казахским этнонимом джетыру, известным в составе Младшего жуза. Этноним канглы встречается практически в составе всех тюркских народов. У казахов Старшего жуза он представлен в звучании канлы. Этноним бурджоглы в составе казахов Младшего жуза сохранился в форме башкурт, таз и др. Сказанное является свидетельством этнонимической преемственности названий племен казахов от древних кыпчакских этнонимов, несмотря на то, что монгольское нашествие, как известно, повлекло за собой почти полную трансформацию этнонимов средневекового населения Казахстана и наплыв монгольских этнонимов.

Однако род оба, по-видимому, не был связан с классическим родом первобытнообщинного строя. Интересна мысль Ф. Энгельса о том, что родовой строй оказался «бессильным перед лицом новых элементов, развивавшихся без его участия. Его предпосылкой было то, что члены одного рода, или хотя бы племени, жили на одной и той же территории, заселенной исключительно ими. Это давно уже прекратилось. Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы... Наконец, родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей и был приспособлен только к нему. У него не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое в силу своих экономических условий жизни должно было расколоться на... эксплуататоров-богачей и эксплуатируемых-бедняков. Общество не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять его... Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен государством»[101].

Для кыпчакского общества XII—XIII вв. были характерны признаки раннеклассового общества. Мы видим,

---

[99] *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа.

[100] См.: *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.

[101] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. Т. 21. С. 168—169.

что роды и племена у кыпчаков не представляют уже союз близких и кровных родственников, в них сплошь и рядом прослеживаются новые этнические элементы, пришлые и покоренные. Даже замечание Ибн Халдуна о том, что племя токсоба происходило из татар, и дурут из кыпчаков, говорит о смешанности населения, жившего на одной территории.

Как уже говорилось, с расширением торговли, усилением этнокультурных контактов, миграционными явлениями, развитием раннеклассовых отношений, земельной собственности в кыпчакском обществе происходит процесс социальной поляризации, где на одном конце появляется класс богатых скотовладельцев, знать, аристократия, на другом — беднейшие слои общества, пауперизированные элементы.

Согласно более поздним реконструкциям кочевых обществ, важная роль в социальной организации общества принадлежала также таким социальным институтам, как семья и община. К сожалению, в имеющихся источниках, процесс их функционирования прослеживается недостаточно. Семья, как известно, является низшей ячейкой социальной организации общества. Она характеризуется биологическим воспроизводством человека и рядом социальных функций и признаков, важнейшим из которых является частная собственность на скот. Трудно сказать, какую форму конкретно носила в кыпчакском обществе семья. Но, судя по реконструкциям кочевниковедов, в среде номадов объективно преобладала так называемая малая, нуклеарная моногамная семья, которая в силу биосоциальных традиций могла быть осложнена рядом пережиточных форм. Но в целом исследователи указывают на то, что формирование малой семьи было тесно связано с процессом развития собственно кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности[102].

Гораздо сложнее обстоит дело с проблемой общины. Долгое время исследователи ставили во главу угла диахронный аспект, анализируя эволюционные формы общины — азиатскую, славянскую, германскую и другие[103].

---

[102] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. С. 56, 74—75; *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 49—50 и др.

[103] *Зак С. Д.* Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 233—311 и др.

При этом, характеризуя общинные структуры, исследователи указывали на такие признаки, как соседство, родство, совместное владение средствами производства, которые, по мысли этих авторов, играли основную роль при формировании общины[104]. Но для решения диахронного аспекта проблемы очень важно синхронное исследование общины. В отношении кочевых социумов проблема общинной структуры разработана явно недостаточно. В синхронном срезе, пожалуй, наиболее продуктивной является концепция Н. Э. Масанова о наличии минимальной и расширенной общины, которые в зависимости от сезонных особенностей функционирования системы материального производства формировались на основе производственной кооперации в различные сезоны года. Минимальная община являлась, по мысли этого автора, организацией по обеспечиванию воспроизводственного процесса в зимний период года, а расширения — в теплый[105]. Думается, что общность производственной деятельности, господство кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности в идентичных условиях среды обитания позволяют реконструировать на этой основе общинную структуру кочевого общества средневековых кыпчаков. Община являлась не только объединением трудящихся индивидуумов на производственной основе, но и была носителем ряда социальных характеристик. Община характеризуется прежде всего в кочевой среде общинной собственностью на землю и обеспечением всех элементов процесса производства.

Таким образом, социальная организация кочевого общества кыпчаков характеризуется переплетением разнообразных систем общественных связей: социальных, экономических, политических и т. д. Ее основу составляли на низшем уровне семья и община, а на высшем — род, племя и т. д. Анализ данной проблемы тесно взаимосвязан с изучением социальной организации других кочевых народов.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КЫПЧАКОВ В XI — НАЧАЛЕ XIII вв.

Источники приводят нам примеры социального расслоения в кыпчако-половецком обществе начала II тыс.

---

[104] *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община...

[105] *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории... С. 97—108.

н. э. Основой имущественного неравенства у них являлась частная собственность на разнообразные средства производства и прежде всего на скот. Согласно информаторам, посягания на частную собственность карались строжайше. Например, Ибн Батута приводит закон о наказании за воровство. «Постановление же их (кыпчаков) по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему девять таких же коней»[106]. Если же он был не в состоянии уплатить такую цену, у него забирали ребенка, а если его не было — вора убивали.

К классу субъектов собственности относились богатые скотовладельцы, а также аристократическая знать — ханы и беки или эмиры. Некоторые из них имели табуны лошадей, насчитывавшие несколько тысяч голов. Согласно источнику XIV в., «многие из них были владельцами десяти тысяч прекрасных лошадей». Наряду с крупными владельцами скота были и такие, которые «пасли табуны своих господ»[107]. Резкое имущественное неравенство среди кыпчаков-половцев отмечают все информаторы того периода, например, П. Карпини, В. Рубрук, летописцы русских хроник. Имущественное расслоение подтверждается и археологическими данными, свидетельствующими по различию в инвентаре, сопровождающем погребенного, о том, что процесс социальной дифференциации среди кыпчаков получил значительное развитие.

О категории социально приниженных людей довольно много имеется известий в русских летописях, где мы встречаемся с указанием на патриархальное рабство в половецком обществе. О наличии рабов среди кыпчаков сообщает и М. Кашгарский. «Яланкуг — рабыня, невольница на языке гузов, кыпчаков...», — пишет он. Но в условиях экстенсивного скотоводства рабство было экономически невыгодной формой хозяйства, так как кочевой тип организации процесса производства требовал больших затрат и широкого применения рабочей силы в непосредственной сфере производства. Именно поэтому рабство не стало и не могло стать у кыпчаков основой производства прибавочного продукта, а носило главным образом домашний, патриархальный характер. И вышеприведенная цитата как раз свидетельствует о

---

[106] СМИЗО. Т. 1. С. 282.
[107] *Бартольд В. В.* Отчет... С. 105—107.

таком виде рабства. Помимо этого рабы, как сообщает Ибн ал-Асир, шли на продажу.

Главным источником пополнения рабства были, конечно, набеги на соседние области. Русские летописи говорят о том, что одной из главных целей походов половцев были захват пленных и превращение их в рабов для продажи. Недаром в списке товаров, поступавших на рынки Хорезма, упоминаются и славянские рабы. Кроме того, определенная часть рабов оставалась в собственности у кыпчаков — в виде домашней прислуги и наложниц. Это к ним относится термин русских хроник — челядь. Во время разгрома половцев в 1103 г. Владимир Мономах захватил «скот и овец, коней и верблюдов и вежи с имуществом и челядью, и захватил печенегов и торков с вежами...»[108]. Как видно из приведенного, тюрки и печенеги находились также в каком-то подчинении у половцев, хотя и жили своими отдельными селениями. Само это подчинение одних племен другим является специфической особенностью политической организации кочевых обществ. «Племенной строй, — писал К. Маркс, — сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами»[109].

Наряду с классом богатых скотовладельцев и наследственной аристократии в кыпчакском обществе были и рядовые общинники — юридически и фактически свободные люди. Они назывались по летописям «мужи» и «лучшие мужи», иногда «господичи». Здесь уже налицо разделение на социальные группы и внутри самих свободных общинников. По данным «Русской правды» и летописей, «мужи» несли военную службу у князя или хана, т. е. находились в определенной зависимости от «князя» и «лепших князей» (так именовались беки и ханы, предводители племен и родов).

Как видим, аристократия и богатая знать заметно возвышалась над рядовой массой свободных общинников. Для этого использовались разнообразные средства, среди которых весьма важными были права и обязанности участвовать всем свободным взрослым мужчинам в войнах и походах. Вожди родов и племен сколачивали

---

[108] ПСРЛ. Т. 1. С. 271.

[109] *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // ВДИ. 1940. № 1. С. 102.

вокруг себя военные дружины, содержа их за счет завоеванной добычи, что, в свою очередь, способствовало возникновению специфической формы прямой зависимости рядового свободного общинника, «мужа», от крупных предводителей — ханов и беков.

Наличие многослойной господствующей верхушки общества показывает степень развития общественных отношений у кыпчакских племен XI—XIII вв. Классовое расслоение среди кыпчаков было обусловлено значительной поляризацией и социальной дифференциацией на основе собственности на средства производства, и прежде всего на скот. Обладая огромным количеством скота, богатая аристократия являлась фактически собственником земли — пастбищ, на которых содержался их скот, так как процесс производства объективно порождал монополию богатых скотовладельцев на сам воспроизводственный процесс. В конечном счете в результате имело место экономическое закабаление свободного общинника. Но и сами рядовые общинники были неоднородны в имущественном и социальном отношении. «Лучшие мужи» имели домашних слуг, рабов и были полноправными членами общины. Бедные постепенно оказывались в зависимом положении, самые бедные — безлошадные, — переходили в категорию ятуков, попадая в кабалу к феодалу, на чьих землях он располагался. Подчинение осуществлялось и без экономического принуждения. Примером его являлась коммендация — отдача под защиту богатому и сильному покровителю[110], ибо бедному и малоимущему было фактически невозможно обеспечить необходимые продукты для своего собственного воспроизводства и защититься от чужих набегов и барымты.

ВЕРОВАНИЯ И ОБЫЧАИ

Специфика экономической и политической структуры кочевого общества кыпчаков отразилась и на духовной культуре, мировоззрении и идеологии. Наиболее распространенной формой религии в Дешт-и Кыпчаке, как в восточной, так и в западной ее части, был шаманизм. Элементы этой религии проявлялись в поклонении каменным изваяниям, почитании явлений природы, в обожествлении неба (Тенгри), Солнца, огня и др.

[110] *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Изв. КАИМК, 1934. Вып. 103; и др.

По всей степи, где кочевали кыпчаки, стояли каменные изваяния, изображавшие людей. После многочисленных споров в литературе утвердилось мнение, высказанное еще Н. И. Веселовским, что основная масса статуй принадлежит кыпчакам-половцам[111]. Однако единого мнения о назначении каменных изваяний нет. Одни считают, что это изображения главного убитого врага[112], другие, что изваяния являются изображениями самих умерших[113].

Обычай ставить каменные фигуры среди кочевников был отмечен у тюрков в центральноазиатский период их жизни. Там они стояли у поминальных оградок. Зная, что соправителями политического образования тюрков тюгу в VII—VIII вв. под именем сеяньто были кыпчаки, можно не удивляться, что каменные изваяния широко распространены по всей территории Евразийских степей по мере расселения кыпчаков на запад. Однако среди каменных статуй, принадлежавших одному и тому же народу — кыпчакам-половцам, довольно заметны различия в их внешней форме, в их художественных достоинствах, декоре и т. д. Более скромное изображение каменных изваяний Казахстана наводит на мысль о более архаичном искусстве кыпчаков, обитавших к востоку от Волги. Так, Г. А. Федоров-Давыдов писал: «Резкое отличие западных, восточно-европейских каменных изваяний от казахстанских и оренбургских свидетельствуют о том, что западные кыпчаки, заимствовав саму идею и обычай сооружать статуи и сохранив черты изваяний восточных родственных племен, сильно изменили стиль исполнения и облик статуй, освоили совсем другое, значительно более реалистичное понимание форм и снаб-

---

[111] *Веселовский Н. И.* Современное состояние вопроса о каменных бабах // ЗООИД. 1915. Т. 34. У него же сводка литературы по этому вопросу, накопившаяся к началу XX в.

[112] *Бартольд В. В.* К вопросу о погребальном обряде тюрок и монголов // Соч. Т. 4. М., 1966. С. 377; *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С 73—83.

[113] *Евтюхов Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА, № 24. М., 1952; *Кызласов Л. Р.* Тува в период Тюркского каганата VI—XIII вв. // Вести МГУ. Сер. ист. 1960. № 1; *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М., Л., 1966; *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Последняя работа наиболее обобщающая по этому вопросу.

дили множеством деталей, совершенно неизвестных у восточнокыпчакских, казахстанских изваяний»[114].

Однако к вопросу о различиях в художественном изображении каменных статуй следует подходить также с учетом особенностей конкретно-исторической обстановки, окружающей среды, в которой развивались духовные представления родственных друг другу этносов кыпчаков и половцев. Известно, что казахстанские кыпчаки, находясь в непосредственной близости с мусульманским государством и прежде всего с Хорезмом, так или иначе подвергались воздействию мусульманской идеологии, запрещавшей изображать людей и животных. Хотя в подавляющем большинстве племена, кочевавшие в глубине Дешт-и Кыпчака, и не приняли до XIII в. ислам, определенное влияние его на себе, особенно кыпчакская знать, несомненно, испытывала, поэтому не детализировались все атрибуты, присущие изваяниям[115].

Характерно, что только в степях Центрального Казахстана на склонах Улутау, в бассейнах р. Кара и Кары-Кенгрин был встречен тип каменного изваяния, который пока нигде, кроме этих мест, не обнаружен. У этих каменных изваяний, явно женских, отсутствует прорисовка глаз, носа, рта. Изображения лиц не испорчены, нет следов сколов — материал гладкий, покрытый однотонным пустынным загаром гранит или сланец[116]. А. Х. Маргулан, впервые опубликовавший рисунки этих изваяний, пишет, что в период ислама не практиковались изображения лица, что, видимо, отобразилось на некоторых каменных статуях[117].

В поэме «Искандер-намэ» великого поэта средневековья Низами, жившего в XII в., имеются интересные данные, которые он получил, возможно, от своей жены Аппак, кыпчачки по происхождению. Интерпретируя эти данные, можно получить ответ, когда и почему некото-

[114] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... С. 189.

[115] О культе предков в Дешт- и Кыпчаке. См.: *Карпини П., Рубрук В.* Путешествия... С. 28, 29, 94, 150, 151, 166, 175, 178. Главным атрибутом этого культа были идолы, изготовленные из войлока, дерева. Н. Рычков отмечал обычай, согласно которому казахи ставили на могилы умерших грубые изображения человека и перед ними совершали жертвоприношения (см.: *Рычков Н.* Киргизы Букеевской Орды).

[116] *Марғұлан Ә. Х.* Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы, 1966. 23-б.

[117] Там же. С. 46.

рые каменные изваяния Центрального Казахстана стали изображаться без определенных черт лица.

Хотя героем поэмы Низами является Александр Македонский, описанные действия происходили в его время, в кыпчакских степях Казахстана. В далеких степях за Джейхуном (Сырдарья) кочевали многочисленные и могущественные племена кыпчаков, у которых женщины имели обычай не закрывать лицо. Женщины-кыпчачки были «пламенны и были нежны, были солнцем они и подобием Луны...». Они, естественно, смущали суровое войско завоевателя. Тогда Александр стал убеждать старейшин ввести обычай мусульман, у которых женщины закрывают чадрой свои лица. Получив отказ, Македонский приказал одному мастеру иссечь каменное изваяние женщины и «чадрой беломраморной скрыл ее лик». Гордые кыпчакские жены, «узрев, что всех жен она строже, устыдясь, прикрывали лицо свое тоже». Низами добавляет, что каменные статуи до сих пор стоят в степях «за их сизым туманом». «И приходят кыпчаков сюда племена и пред идолом гнется кыпчака спина. Пеший путник придет или явится конный, покорит любого кумир их исконный. Всадник медлит и, коня придержав, он стрелу, наклонясь вонзает меж трав. Знает каждый пастух, мимо гонящий стадо, что оставить овцу перед идолом надо»[118].

Приведенные строки Низами полны легендарных деталей. Понятно, что полководец и государственный деятель IV в. до н. э. Александр Македонский не имел никакого отношения к кыпчакам, жившим в начале II тыс. н. э. Трудно определенно сказать, какими трудами пользовался Низами, воссоздавая реальную обстановку вымышленного похода Искандера в Дешт-и Кыпчак. Но все же тот факт, что племена, проживавшие в этой степи, воздвигали каменные статуи, Низами зафиксировал четко и определенно. А изваяния Центрального Казахстана и, что знаменательно, именно здесь их отмечает Низами, так как описывал степи за Джейхуном (Сырдарьей), являются изображениями женщин, укрытых чадрой, что, в свою очередь, говорит о том, что в XII в. определенная часть кыпчаков, а именно Сыгнакская группа, исповедовала мусульманскую религию.

---

[118] *Низами Гянджеви.* Искандер Намэ. Баку, 1953. Т. 1. С. 256—360.

Так как Низами пишет только о женском каменном изваянии, то можно предположить, что у кыпчаков был развит культ женского божества. Известно, что у кыпчаков существовало женское божество Умай, являвшееся составной частью сложной системы религиозных представлений древних тюрков. Умай считалась покровительницей домашнего очага, хранительницей потомства, божеством плодородия, являлась реликтом женского материнского культа. Умай, возможно, имела развитую иконографию, если принять предположение о том, что определенный тип каменных изваяний в трехрогих головных уборах, которые привязываются к территории расселения кимако-кыпчакских племен, относится именно к ней[119]. Наличие женского божества, почитаемого кыпчаками, пока не поддается научной интерпретации.

Помимо Умай, «куманы, или половцы, поклоняются звездам, верят в небесное влияние и предаются изучению астрологии». Ибн ал-Асир свидетельствует, что кыпчаки почитают солнце на восходе. В этим почитанием надо связывать обычай кыпчаков обращать свои статуи лицом на восток, в сторону восхода солнца. Космологические представления кыпчаков находят свое продолжение в религиозных представлениях казахов. Ч. Ч. Валиханов писал, что «...солнце, луна, звезды... пользуются до сих пор уважением в народе»[120].

Высшим божеством, подобно другим тюркам-язычникам, кыпчаки почитали Тенгри. Этот культ восходит к глубокой древности и в значении «небо», «бог» выступает уже в древнетюркских рунических памятниках. Поклонение каменным изваяниям, почитание неба (Тенгри) и явлений природы (горы, реки, озера, леса, урочища), — все это указывает на язычество как основную форму религии кыпчакских племен. Ибн-Арашбах отмечал: «Они, кыпчаки, были только идолопоклонники и многобожники, не знавшие ни ислама, ни православия. Некоторые из них еще до сих пор поклоняются идолам»[121]. П. Карпини и В. Рубрук сообщали: «Эти люди (канглы) были язычниками, как и команы»[122].

---

[119] *Валиханов Ч. Ч.* Соч. Т. 1. С. 117.
[120] СМИЗО. Т. 1. С. 457.
[121] Там же.
[122] Путешествия в восточные страны... С. 103.

Среди кыпчаков были довольно развиты анимистические представления, заключающиеся в верования о переселении душ и существовании потустороннего мира. Только при такой интерпретации можно понять погребальные обряды кыпчаков, известные нам по описанию В. Рубрука: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом на восток и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, т. е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя говорили про него, что он был окрещен... Когда кто-нибудь занедужит, он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный, и чтобы никто не входил... Именно они опасаются, чтобы со входящим не явился злой дух или ветер. Самих гадателей они называют как бы своими жрецами»[123]. Как видим, не последнюю роль в повседневной жизни кыпчаков играли гадатели, гадавшие на бараньих лопатках и совершающие другие магические заклинания — жрецы, или так называемые ядачи, которые занимались вызыванием дождя, ветра, бури при помощи особого камня яда. О ядачи Махмуд Кашгарский писал: «О них все хорошо знают. Я сам видел их у Ягма. Там нужно было потушить вспыхнувший пожар. Снег выпал среди лета по милости Бога и погасил пламя в моем присутствии»[124].

Со слов раввина Петахье мы можем представить некоторые обряды побратимства и клятвы у половцев-кыпчаков. «Вот каким образом каждый из сыновей Кедара связывает себя клятвою со своими спутниками. Он втыкает иголку в свой палец и отдает тому, кто должен с ним идти, высосать выступившую кровь, и с той минуты он становится как бы плотью и кровью. Есть у них еще и другой род клятвы: наполняют медный или железный сосуд в форме человеческого лица и пьют из него оба

---

[123] Там же. С. 102—103.
[124] *Махмуд Кашгарский.* Т. 2. Ташкент. С. 241.

спутника и провожатый, после чего провожатый никогда не изменит своему спутнику»[125].

Таким образом, религиозные представления кыпчаков являются в основе шаманистическими. Что касается тотемических представлений кыпчаков-половцев, то следует обратить внимание на описание поведения одного из ханов половцев Боняка перед битвой с венграми. «Давыд... пошел к половцам и встретил его Боняк и воротился Давыд, и пошли они на венгров. В пути они остановились на ночлег и, когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от войска и начал выть по-волчьи, и волк откликнулся на вой его и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, сказал Давыду, «что завтра мы победим венгров»[126]. Как видим, волки в этом эпизоде фигурируют как предсказатели судьбы и основные советчики предводителя половцев Боняка, который, кстати говоря, происходил из бурчевичей. Поэтому он и обращается к волкам как представителям рода кыпчаков, которых они считали своими первопредками. С. А. Плетнева пишет: «Связь Боняка, соединяющего функции хана и жреца, с тотемом и покровителем «волком» несомненна[127].

Культ волка широко был распространен у тюрков. На знамени предводителя тюрков Ашина красовалась волчья голова[128]. Как указывал Михаил Сириец, главным тотемом у огузов и кыпчаков был сивый волк, у многих тюркских племен было широко распространено поверье о волке, связанное с рождением ребенка. Андижанские кыпчаки, например, чтобы облегчить роды давали роженице кусок высушенного волчьего сердца[129].

Сведения о религиозных представлениях кыпчаков позволяют сделать некоторые выводы. В кыпчакском общества преобладали специфические религиозные представления в виде шаманизма, идолопоклонства и язычества, которые являются идеологией эпохи раннеклассовых отношений.

Однако развивающиеся и существующие классовые

---

[125] *Марголин П.* Три европейских путешественника. Спб., 1881. С. 3.

[126] ПСРЛ. Т. 1. С. 270—271.

[127] *Плетнева С. А.* Половецкая земля. С. 288.

[128] *Бичурин Н. Я.* Собр. сведений... Т. 1. С. 226.

[129] *Потапов Л. П.* Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. № 30. 1958. С. 138.

отношения настоятельно требовали иной формы религиозной идеологии, отвечающей особенностям экономической и политической структуры кыпчакского общества, и уже в XI—XII вв. господствующая знать кыпчаков первой отходит от политезима и принимает монотеистическую веру (ислам в районах, смежных с мусульманскими странами, и христианство — в южнорусских степях).

Ислам проникал и распространялся прежде всего среди той части кыпчакских племен, которая переходила на службу к владетелям Хорезма, первым и основным условием для перехода кыпчаков в подданство Хорезма было принятие ими мусульманства. Ислам приняли кыпчакские ханы Кыран (Икран), Алп-Дерек, сменив при этом свои языческие имена на мусульманские титулы Кадыр-хан, Гайир-хан. Так было и с мамлюкскими кыпчаками в Египте. Однако подавляющая масса кыпчакского населения была равнодушна к ортодоксальным догмам ислама. Даже в наиболее близком и подчиненном к концу XII в. Сыгнакском владении кыпчаков мусульманство оставалось лишь религией аристократической верхушки, которая с ее помощью стремилась закабалить народ. Однако для рядового кочевника ислам оставался пустым звуком. «Несмотря на появление ислама в этих народах (кыпчаках) и исповедования ими двух догматов, они все-таки переступают правила ее (религии) во многих делах»[130].

Находки несторианских сирийских надписей в Семиречье будто указывают на бытование здесь христианства в домонгольскую эпоху, но принадлежат ли они кыпчакам, пока не доказано, хотя известно, что куны, вошедшие в состав кыпчаков, были христианами.

Христианство в основном проникало в среду западной ветви кыпчаков — половцев южнорусских степей. Миссионерское движение шло с двух сторон — из Руси и Византии. Как свидетельствуют русские летописи, в Рязани в 1132 и в Киеве в 1168 гг. крестились половецкие князья Амурат и Айдар[131]. Один из крупнейших половецких ханов, сын знаменитого Кончака, принял даже православное имя Юрий. Ибн Батута сообщал: «В этой степи, которая принадлежит народу под именем кыпчак, они христианской веры»[132]. Выше мы приводили отрывок из

[130] СМИЗО. Т. 1. С. 234.
[131] ПСРЛ. Т. 9. С. 158, 236.
[132] СМИЗО. Т. 1. С. 279.

записок Рубрука, где он описывал похоронный обряд кыпчака, совершаемый по языческому обычаю, не забыл отметить, однако, что умерший был христианином (нам известно о принятии христианства кыпчаками, проживавшими в Грузии). И несмотря на эти известия, все же отметим, что подавляющее большинство половцев не приняли христианства, за исключением определенной верхушки их общества, принявших веру скорее всего из политических соображений.

Следовательно, религиозная идеология кыпчаков связана была с язычеством и развивалась в соединении с исламом, христианством и даже с иудаизмом (русские летописи сообщают об исповедовании какой-то частью кыпчаков этой религии, заимствованной от хазар), и представляла собой своеобразную форму религиозного синкретизма, характерного для ранних форм классового общества кочевников Евразии.

ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В предмонгольское время в кыпчакском обществе появились предпосылки для создания раннефеодального государства с наследственной властью. В Дешт-и Кыпчаке прослеживаются, по крайней мере, две династийные линии. Об одной из них сообщает «Юаньши» (эта династия происходила из племени ильбари).

Другая наследственная власть прослеживается в Сыгнакских владениях кыпчаков, во главе которых стояли правители из племени урани, или каи-кимаков (вероятно, продолжая традиции кимакского государственого образования).

Вероятно, представители этого же племени стояли во главе крупного кочевого объединения половцев, известных в русских летописях как донецких. Основатель династии — Шарукан, или Дракон-змей. Родовые пережитки заставляют рассматривать государственную власть именно как родовое достояние племени ильбари в одном случае и племени уран — в другом. Признаком раннефеодального государства является попытка объединения нескольких племен под властью одного хана. В конце XI — начале XII в. в Дешт-и Кыпчаке была попытка создать кыпчакскую общую политическую структуру, состоявшую из кыпчаков, йемеков, югуров, уранийцев и др., во главе которой стояли представители пле-

мени ильбари. Но в 30-е гг. XII в. объединение было разрушено походами хорезмшахов, не желавших иметь опасного соседства на северных и северо-восточных границах, а также междоусобицами, происходившими внутри самих кыпчаков, что также характерно для раннефеодального государства. Эту междоусобную смуту среди кыпчаков всячески поддерживали правители Хорезма, оказывая помощь то одной, то другой стороне, не давая затухнуть вражде.

Характерным обычаем раннефеодального государственного объединения у кочевников была передача ханской власти не сыну, а племяннику или брату. Борьба за власть между Кадыр-Буку-ханом и его племянником Алп-Дереком в конце XII в. разгорелась, очевидно, из-за того, что Алп-Дерек на основе этого обычая о наследовании стремился захватить престол своего престарелого дяди.

Таким образом, в предмонгольское время кыпчакское общество находилось на стадии раннефеодального государственного образования. Особенностью его было наличие большого количества специфических форм социальной организации общества в виде родо-племенных отношений во всех сферах и то, что все ступени политического и социального подчинения строились по принципу общинно-родового деления, старшинства племен, права первородства.

Г. И. Марков и Н. Э. Масанов полагают, что в силу внутренних особенностей системы материального производства формирование крупных политических общностей находилось в известном противоречии с экономикой кочевого скотоводства, которая требовала рассеяного состояния кочевников-скотоводов, тогда как политическая организация была следствием интеграции номадов. Из этого вытекали преобладание центробежных тенденций, лабильность и аморфность политической структуры любого кочевого общества, в том числе и кыпчакского, принципиальная невозможность возникновения в собственно кочевой среде мощного государственного аппарата с сильной военной властью и социально-властной инфраструктурой[133]. Вследствие этого правомернее вести речь не о государственных образованиях кочевников-кыпча-

---

[133] *Марков Г. Е., Масанов Н. Э.* Значение относительной концентрации...

ков, а о раннегосударственых образованиях, или этнополитических объединениях.

О существовании на территории Казахстана единого кыпчакского государства В. В. Бартольд, писал: «Были отдельные кыпчакские ханы, но никогда не было хана всех кыпчаков»[134]. Исследователи отмечают, что в южнорусских степях, на территории, заселенной половцами, было несколько этнополитических объединений. А. Ю. Якубовский говорил о наличии у половцев XII в. кочевых княжеств[135]. Согласно К. В. Кудряшову, у них существовало шесть центров кочевий, представлявших самостоятельные владения с ханами во главе[136]. На основе археологических данных к аналогичному заключению пришел и Г. А. Федоров-Давыдов[137]. С. А. Плетнева считает, что ко второй половине XII в. окончательно сформировались такие крупные половецкие союзы, как лукоморские, приднепровские, донские. Существовали, вероятно, и поморские, крымские, предкавказские, поволжские, а всего 9 объединений[138]. Но ни один летописец не сообщает о том, что союзы половецких племен когда-нибудь объединялись в единое мощное государство. Даже наиболее могущественные половецкие ханы Боняк, Тугоркан, Шарукан распоряжались только отдельными (хотя и достаточно обширными) территориями.

Внук Шарукана, хан Кончак, создал довольно значительное объединение половцев (известно, сколько пришло половецких племен под его знамена во время сражения с Игорем в 1185 г.), но его этнополитический союз не имел управленческого аппарата, налоговой системы, т. е. атрибутов, необходимых для функционирования государства. Наиболее близок к созданию государства раннефеодального кочевого типа был его сын Юрий Кончакович, последний представитель династийного рода Шаруканидов (власть у них была уже наследственной, переходящей от отца к сыну). Однако его усилия были пресечены нашествием татаро-монголов. В основном же у половцев существовали периоды, когда в степи вообще

---

[134] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций... Т. 5. С. 99.

[135] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 18.

[136] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 134.

[137] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... С. 147.

[138] *Плетнева С. А.* Половецкая земля. С. 297.

отсутствовали какие-либо политические союзы под единым руководством. Именно это имел в виду Петахье, когда информировал, что «куманы не имеют общих владетелей, а только князья и благодарные фамилии»[139].

Такая же тенденция прослеживается и у кыпчаков, населявших в начале II тыс. н. э. степи современного Казахстана, с той только разницей, что источники не сообщают почти ничего об определенных владениях. Автор «Худуд ал-Алама» говорил о трех или даже четырех отдельных областях в землях кимаков. Несмотря на скудность информации для XII в., мы попытались выделить три кыпчакских владения, находившихся в разной степени зависимости от Хорезмийского государства — наиболее могущественной державы Средней Азии в предмонгольское время.

Одной достоверной локальной группировкой кыпчаков являлось их объединение на территории полуострова Мангышлак, где они совместно с обитавшими южнее их племенами язырской этнической общности образовали на короткое время политический союз, во главе которого стоял «царь». Очень незначительные известия о них в источниках не позволяют в настоящее время сказать что-нибудь достоверное об их истории. Известно только, что в середине XII в. они попали под власть хорезмшаха.

Непосредственно в степях Казахстана кыпчакские племена объединялись в две достаточно мощные группировки, население которых по этническому составу было однородно. Раздел этих владений проходил по сложившимся в предыдущее время территориям. Одно владение располагалось в регионе Западного Казахстана, в степях к северу от Аральского моря, где еще в IX в. локализовалась область независимых кыпчаков, находившихся на стадии выделения из кимакского союза племен. В конце XI в. на этой территории сформировалось кыпчакское объединение, во главе которого стояли представители племени ильбари. Возможно, в этот период их влияние распространялось на значительную территорию Казахстана, включая и ее центральные области, бывшую кимакскую территорию Андар аз-Кифчак. Однако в начале 30-х гг. XII в. поход хорезмшаха Атсыза и внутренние беспорядки и неурядицы среди кыпчаков положили ко-

---

[139] *Марголин П. В.* Три европейских путешественника... 1881. С. 5.

нец поступательному развитию этого этнополитического объединения. Ослабленные поражением представители племени ильбари уступили свое господство руководству племени байаутов, внедрившемуся с востока. О существовании у них правящей династии сообщает китайский источник «Юаньши». Последний представитель этой династии Бачмон погиб, вероятно, в 1237 г. в борьбе с татаро-монголами.

В середине XII в. в источниках впервые появляются известия о Сыгнакском владении кыпчаков. Очевидно, оно образовалось как раз после разгрома Атсызом кыпчаков племени ильбари. Это владение появилось на бывших землях кимакской области Андар аз-кифчак, и правящей династией его оставались представители кимаков, известные под именем уран. Поэтому столь многочисленны топонимы с основой уран на территориях, примыкающих с северо-востока к Сырдарье. Находясь в непосредственном соседстве с Хорезмом, это Сыгнакское владение кыпчаков стало наиболее частым объектом постоянных притязаний хорезмшахских войск, которые в конце концов, используя умелую тактику, на рубеже XII и XIII вв. покорили их.

Политика владетелей Хорезма, направленная на недопущение возникновения сильного противника на северо-восточных и северных границах, явилась одной из основных причин того, что монгольское нашествие застало кыпчакскую степь «Дешт-и Кыпчак» раздробленной и неспособной к объединенному отпору завоевателям. Нельзя, конечно, игнорировать и внутренние причины раздробленности.

В «Юаньши» в главе 126, где приводится биография кыпчакского предводителя Хубилай-хана Тутуха, сказано, что предки его переселились к горам Юйлиболи, отождествляемым, как известно, с Уральскими горами. Обосновавшись в этих местах вновь прибывшие кыпчакские племена неминуемо должны были потеснить жившие до них кочевые коллективы также кыпчакского происхождения. Это внедрение происходило далеко не мирным путем, поэтому в биографии Тутуха и сказано, что во владениях Инасы, главы кыпчаков, «произошли большие беспорядки»[140]. Как видим, внутри владения шла

---

[140] «Юаньши» (История династии Юань). Сер. «Сыбубэйяо». Шанхай, 1936. Цз. 126.

борьба за власть. Слабость центральной власти (источник сообщает — Инасы был очень стар. В государстве (кыпчаков) не было единства...)[141], наступавшая в результате длительного пребывания у власти одного рода, неизбежно приводила кочевые объединения к расколу и краху.

Раздробленность на две основные группировки облегчалась в Дешт-и Кыпчаке и тем, что разделение проходило по двум областям, где издавна складывалась естественно-географическая зона регионального кочевания с зимних пастбищ на летние и обратно. Для Центрального Казахстана такими зонами были долины Иртыша и его притоков, ущелья Алтая и Тарбагатая в летние периоды и долина Сырдарьи, низовья Чу и Таласа в зимнее время. Для Западного Казахстана наиболее удобными летними пастбищами были земли Южного Урала и Мугоджарские горы. На зиму кыпчакские племена откочевывали в низовья Сырдарьи, Урала и Волги.

Интересно, что по этим естественно-географическим зонам кочевания в позднее средневековье сложились территории Среднего и Младшего жузов. Кыпчаки, как известно, один из составных компонентов казахской народности, повсеместно обитали в кыпчакских владениях. В обеих группах в XII в. зафиксированы одни и те же кыпчакские роды: ильбари, йемеки, байауты, югуры, канглы, кимаки-уранийцы, хотя, несомненно присутствовали и другие племена.

Исходя из однородности населения двух кыпчакских владений, трудно согласиться с утверждением некоторых исследователей, что расчленение Джучидского улуса в XII в. по линии двух естествено-географических зон, прошло по линии этнической, когда разделенными оказались резко отличавшиеся по языку и культуре, уровню социального развития группы покоренного населения степей — гузы и кыпчаки[142]. Последнее утверждение довольно спорно по той причине, что гузы в XIII в. уже не обитали в степях Центрального Казахстана, но даже если принять, что между гузами и кыпчаками существовало резкое языковое отличие (что само по себе спорно), то как объяснить существование единого казахского

---

[141] Там же.

[142] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... С. 244.

языка для обоих казахских жузов — Младшего и Среднего?

Нам представляется, что разделение улуса Джучи в XII в. на два крыла произошло по издавна сложившимся еще при кимако-кыпчаках естественно-географическим районам. Несмотря на то, что монгольское завоевание подорвало политическую структуру кочевников Дешт-и Кыпчака, оно не смогло разрушить устойчивые этнокультурные образования, в основе которых лежали общности, исторически сложившиеся еще в период домонгольского нашествия, т. е. кыпчакские общности с устойчивыми районами кочевания. Они настолько устойчивы, что, несмотря на все политические потрясения, в позднее средневековье на территории Казахстана на базе бывших кыпчакских владений образуются два казахских жуза — Средний и Младший. Интересно, что кимакская область Андар аз-Кифчак, локализуемая в Центральном Казахстане, где впоследствии проходят основные кочевья Среднего жуза, переводится как «внутренние», т. е. «срединные» кыпчаки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнополитическая история Казахстана на рубеже I и II тыс. н. э. отличается исключительной сложностью и все еще довольно слабоизучена. Центральная Азия в рассматриваемый период была зоной обитания многочисленных тюркских и тюркизированных, монгольских и тунгусских племен, этнополитическая и этнокультурная история которых бесконечно перекрывает друг друга вследствие неоднократных инвазий и перемещений огромных масс кочевников и полукочевников. В результате этого прошли многослойные процессы взаимодействия и взаимовлияния, метисации и интеграции различных племен. Такой характер субстратных-суперстратных процессов обусловило исключительно сложную этническую ситуацию на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, динамично пульсирующую в зависимости от многообразных факторов социально-экономического, политического и экологического происхождения. В этой связи исследователям предстоит как бы реконструкция основных направлений в развертывании этногенетического процесса. Интерес в этой связи представляет изучение «монголоязычной струи» в этногенезе кочевых этносов средневекового Казахстана, недооценка важной роли которой все еще наблюдается в исследованиях, посвященных этнической истории данного региона.

Важным для казахстанской медиевистики представляется изучение факторов проникновения центральноазиатских, монголоязычных этносов и их влияние на сложение тюркоязычных кочевых коллективов, основными представителями которых в эпоху средневековья в Казахстане были кыпчаки (обширные пространства от Ир-

тыша до Волги, к северу от Балхаша и Сырдарьи, в мусульманских источниках так именовались Дешт-и Кыпчак — степь кыпчаков).

Такое проникновение центральноазиатских, монголоязычных этносов для конца I тыс. н. э. в истории Казахстана отождествляется нами с кимакским этнополитическим объединением. Хотя в кыпчаковедении бытует традиционно сложившееся мнение, что кимаки и кыпчаки — единый народ, а бытовавшие различия между ними носят чисто хронологический характер.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что кимаки были пришельцами, которые в VIII—IX вв. внедрились в бассейн Иртыша и в окружающие его районы Восточного Казахстана и Юго-Западного Алтая. Пришли они из районов Северо-Восточной Монголии, где были известны также под именем кумоси и уранкаи. Являясь обитателями региона, населенного преимущественно монголоязычными племенами, кимаки изначально были нетюркского происхождения и принадлежали к протомонгольскому сяньбийскому племенному союзу.

На рубеже I и II тыс. н. э. в восточной части Казахстана были отюречены обитавшими в этом регионе тюркоязычными кыпчаками и йемеками, ранняя этническая история которых, в свою очередь, также частично связана с центральноазиатскими регионами. Находясь на ранней стадии своей исторической жизни в составе этнополитических объединений, первых тюркских каганатов (Восточного и Западного), частично Уйгурского эля, далее Кимакского политического объединения, кыпчаки постепенно освобождались от их опеки и в конце X — начале XI в. их могущество настолько возросло, что они претендовали на гегемонию в степях Казахстана. В середине XI в. перейдя Волгу, они устремились в южнорусские степи, под именем половцев они стали известны в русских летописях. С этого периода вплоть до монгольского нашествия история кыпчаков тесно переплелась с историей Древнерусского государства.

Нами основное внимание уделено вопросам взаимоотношений кыпчаков с Хорезмом, являющихся неотъемлемой частью проблемы взаимоотношения города и степи. Проблема эта сама по себе не нова, но в подавляющем большинстве исследований по этой тематике отчетливо звучит мотив противопоставления двух общественно-экономических структур — народов со скотоводческим

укладом жизни и оседло-земледельческих оазисов Востока.

Письменные источники дают нередко искаженную картину военных конфронтаций, рисуя древних скотоводов разрушителями цивилизаций. Все это, очевидно, объясняется тем, что дошедшие до нас источники носят однобокий характер. Тем не менее подобная точка зрения до сих пор находит отражение в некоторых научных трудах. Многочисленные факты истории, в том числе и археологического характера, показывают сложную картину постоянного взаимодействия двух типов экономики. Мы постарались охарактеризовать торговые караванные пути, постепенное складывание политических объединений кыпчакских племен в канун монгольского нашествия, динамику расселения кыпчаков по степям Казахстана, их выход к границам Хорезма, и как следствие этого — неумолимое втягивание в этнополитические контакты с этим государством.

Обобщая сказанное, отметим, что кыпчакское общество в предмонгольское время находилось на стадии государственного образования, особенностью которого было наличие большого количества остатков родоплеменных отношений во всех сферах, причем отметим, что формы государственности у кыпчаков изучены недостаточно.

Такова в основном история кыпчаков в предмонгольское время, которую можно выделить по письменным и археолого-этнографическим источникам. Более глубокое изучение этнополитической истории, географии страны, политического устройства и социальных отношений следует, очевидно, рассматривать через призму превалирующего источниковедческого аспекта, с появлением сугубо новых нарративных письменных данных.

SUMMARY

This monography is aimed at elucidating chronologically the history of Kipchaks from the first third of the present millennium to the Mongol invasion. The scope of investigations covered a vast territory of Eurasia steppes from Manchuria to the Carpathians mountains, as the Kipchaks ethno-political association in its gradual evolutionary course influenced much upon historical events happened in Central Asia and Eastern Eurole; moreover a coalition of Kipchak tribes formed in 11 century in Kazakhstan properly motivated consolidation process in this region.

The Kipchak tribes for instance played a significant part in ethnogenesis of the Kazakhs and deeply impressed on life of Khoruzm, Russia, Georgia, Hungary, Egypt and many other people and states. A greater part of Kipchaks amalgamated with and played an important part in Kirghiz, Bashkir, Karakalpak, Uzbek and a number of Turkich speaking folks of southern Siberia, Altay and eastern Europe. Therefore actuality and significance of the subject is quite evident.

Until recent no generclized work on the history of Kipchaks existed. Available sources give mainly fragments the Kipchaks' history in association with of one or another certain nation, when they for instance formed a part of a Kimak political union (B. Kumekov) or in connection with their place in the history of southern Siberia (D. Savinov). There are some papers discussing Kipchaks in terms of their ethnography (K. Shanijazov). A lot of separate and often voluminous works on Kipchaks' history regarding their former habitations in Mongolia are known .S. Kljashtorny).

The western branch of the Kipchak ethnopolitical entity named in historical annals «Polovtzi» gained a greater advantage as their history was recorded from written sources (primarily from Russian chronicles) and archaeological excavations (S. Pletneva, G. Fedorov—Davydov).

The Kipchaks' history described in this monography was studied on the ground of archaeological materials and diverse information: written. lingual. folk-lore, etc.

The observation begins with a period of their first mentioning under the name of «Kipchak» in an old-Turkiek «runic» inscription on a stone stele made in honour of the Uighures Khan Bilga in Central Mongolia.

The inscription saying: «When Turks-Kipchaks ruled over us for fifty years...» testifies to the fact that during their Central-Asiatic episode the Kipchaks were a strong enough ethno-political association

being in alliance with older Turks. According to S. Kljashtorny's researches the Central Asiatic Kipchaks in 7th—8th centuries were known rather as «siet-jn-to» from Chinese or «sir» from old-Turkick inscriptions.

As is seen from our knowledge the earliest vestiges of Kipchaks remained in northwestern Mongolia and eastern Kazakstan.

Comprehensive usage of written and archaeological information allowed author to follow history of Kipcaks from the ethno-political point of view, geographical setting of their country, their political model and social relations.

Ethnical representation of medieval Kipchaks is also discussed in this work. Unlike persistent conception of the Kipchaks and Kimaks equivalence common in literature the author prove on the evidence of the Arab-Persian sources (Tamim ibn Bahr, Gardizi) that Kimaks were multilingual people who invaded ethnically Turkish speaking atmosphere of Kipchaks somewhere between 8th—9th centuries who settled first on the Irtish river and founded a powerful ethno-political association which absorbed along with another tribes the Kipchaks who lost their name and their independence for 150 years and this very fact created an idea of indentity of Kipchaks and Kimaks.

The Kimaks being outcomers from the northeastern multilingual surrounding possessed their own name Qaj translated from Mongolian dialects as «snake» or they were called «uran» in Turkick version. So the Kimaks were people of snakes widely known from the history of Eurasian steppes in the dawn of 2nd millennium A. D.

They were a dynasty in a Kipchak-Polovttzi ethno-political association arranged over vast Eurasian Steppes from the r. Irtish to river Dnepr since the beginning of the 2nd millennium A. D. At that period exactly the terms Polovtzi Field and Dasht-i-Kipchak appeared. The last one mainly confined to recent Kazakhstan Steppes proves the political power in Steppes has fallen into hands of Kipchaks from the start of the 2nd millennium A. D. According to our knowledge at the end of 11 centurie a strong Kipchak political association headed by the Khans of the Ilbarej tribe was established in Kazakhstan Steppes. They were strong and threatening enough to confront with Khorezm, an ample and powerfull at that time state in Middle Asia on the eve of the Mongolian invasion.

Monography gives full details of political relations between Kipchaks and Khorezm in terms of ever persisting interrelations between towns and steppes. The Kipchak-Khorezm relantions before the Mongolian invasion were heterogeneous with three main episodes distinguished.

Proper attention in monography is paid tosocialculture, ideology of Kipchaks in premongolian period as well as to state organization.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
ВВ	— Византийский временник
ВАН	— Вестник Академии наук
ВДИ	— Вестник древней истории
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета
ВИ	— Вопросы истории
ГО СССР	— Географическое общество СССР
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖС	— Живая старина
ЗИАН ИФО	— Записки Императорской Академии наук. Историко-филологическое отделение
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИАН	— Записки Императорской Академии наук
ЗИРГО	— Записки Императорского русского географического общества
ИАН СССР	— Известия Академии наук СССР
ИАН КазССР	— Известия Академии наук КазССР
ИАН КиргССР	— Известия Академии наук КиргССР
ИАН ТуркССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР
ИВАН	— Институт востоковедения Академии наук СССР
ИГГО	— Известия Государственного географического общества
ИОАИЭК	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИООН АН ТаджССР	— Известия Отделения общественных наук Таджикской ССР

ИРАН	— Известия Российской академии наук
ИТФАН	— Известия Туркменского филиала Академии наук СССР
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ИНА	— Институт народов Азии академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследования Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ	— Материалы по истории туркмен в Туркмении
МИУТТ	— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР
МИКК	— Материалы по истории киргизов и Киргизии
МНСППБКН	— Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарских и карачаевских народов
МИСК	— Материалы по изучению Ставропольского края
НАА	— Народы Азии и Африки
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане
ООН	— Отделение общественных наук
ПВ	— Проблемы востоковедения
ПС	— Палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РАН	— Российская академия наук
СВ	— Русское географическое общество
РГО	— Советская археология
СА	— Советское востоковедение
СИФ	— Серия истории и философии
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СТ	— Советская тюркология
СЭ	— Советская этнография
ТВОИРАО	— Труды Восточного отделения Императорского археологического общества
ТИИ АН КиргССР	— Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
ТИИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории археологии и этнографии академии наук КазССР
ТСамГПИ	— Труды Самаркандского государственного педагогического института

ТИЯЛИ	— Труды Института языка, литературы и истории
ТКАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТСВ АН КазССР	— Труды Сектора востоковедения Академии наук КазССР
ТТКО ИРГО	— Труды Троицко-Кяхтинского отделения Императорского русского географического общества
ТЧРДМ	— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УЗ ХНИИЯЛИ	— Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
УЗМОПИ	— Ученые записки Московского областного педагогического института
ЭВ	— Эпиграфика Востока
AKGWG	— Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
BGA	— Bibliotheca Geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars 1—8, Lugduni Batavorum, 1870—1892
BSOS	— Bulletin of the Scool of Oriental Studies London Institution.
CAJ	— Central Asiatic journal. The Hague—Wiesbaden.
JA	— Journal asiatique, Paris.
JRAS	— The Journal of the Royal Asiatic Society Great Britain and Ireland. London.
KCsA	— Körösi-Csoma Archivum. Budapest.
MASI	— Memoirs of the Archaeological Survey of India. Calcutta.
SK	— Seminarium Kondakovianum. Praga.
TDAYB	— Türk dili Arastirmalari yilligi Belleten. Ankara.
TTKB	— Türk Tarich Kurumu Belleten. Ankara
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ПРЕДИСЛОВИЕ 8

Глава 1. ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ 14

Арабские и персидские источники IX—XIII вв. . . 15
Исторические произведения XII—XVIII вв. . . . 33
Восточно-европейские и переднеазиатские источники XI—XIII вв. 40
Некоторые замечания по ранней этнической истории кыпчаков 45

Глава 2. КИМАКИ И КЫПЧАКИ 99
Глава 3. РАССЕЛЕНИЕ КИМАКО-КЫПЧАКСКИХ ПЛЕМЕН В IX—XI вв. 154

Территория обитания кимаков и кыпчаков в IX—X вв.

Караванные маршруты кимаков и кыпчаков рубежа I и II тыс. н. э. 171
Расселение кыпчаков в XI в. 181
К вопросу о миграции племен в первой половине XI в. 184

Глава 4. КЫПЧАКИ И ХОРЕЗМ В XI — НАЧАЛЕ XIII в.: (ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ) 198

Хорезм в начале II тыс. н. э. 199
Югуры-уйгуры 202
Политическая история кыпчаков и Хорезма в первой половине XII в. 203
Сложение кыпчакского союза племен на рубеже XI — начала XII в. 205
Завоевание Атсыза 210
Кыпчаки и Хорезм во второй половине XII в. . 214
Взаимоотношния кыпчаков и Хорезма в канун монгольского нашествия 222

Глава 5. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КЫПЧАКОВ В ПРЕДМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ 241

Формы хозяйства у кыпчаков 242
Социальная организация кыпчаков в предмонгольское время 264
Форма государственной организации . . . 281

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 288
SUMMARY 291
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 293